

19 $\frac{17}{VII}$ 18

Скорбная
Памятка

Касса Помощи Ближнимъ

Въ Память о Царской Семьѣ

1918 — 17 ІЮЛЯ — 1928

ВЪ ПАМЯТЬ СВЯТОГО ТРУДА
ЦАРСТВЕННЫХЪ СЕСТЕРЪ МИЛОСЕРДІЯ
ВЪ ДНИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Эта книга — по содержанію своему и по задачамъ поставленнымъ — не есть книга, доступная каждому, оплатившему цѣну ея.

Основная цѣна книги — не денежная. И, была бы возможность, была бы дана она безвозмездно каждому, истинно любящему и чтущему Память Царской Семьи. И будь та же возможность, никакими деньгами не могла бы она быть пріобрѣтена людьми любопытствующими, не говоря уже о тѣхъ, кто не чтитъ Памяти Царственныхъ Мучениковъ.

Книга эта посвящена святому дѣлу, носящему имя: **«Касса Помощи Ближнимъ въ Память о Царской Семьѣ»,** и предназначена только для тѣхъ, кто, принявъ **«Скорбную Памятку»,** принялъ сердцемъ своимъ къ исполненію идею ея призыва. Поэтому эта книга предназначена только тѣмъ, кто или уже осуществляетъ идею Кассы, внося въ копилку свою хотя бы самую скромную посильную лепту, или кто, прочтя эту книгу, нашелъ въ своей душѣ сочувствіе идеѣ ея посвященія.

Ко всѣмъ, кто, прочтя страницы этой книги, не пожелалъ принять участіе въ дѣлѣ Кассы, покорнѣйшая просьба вернуть эту книгу, при чемъ деньги, внесенныя за нее въ Кассу, немедленно будутъ возвращены. И это не пустая просьба, не слова одни, а настойчивое обращеніе къ каждому, кто умѣетъ чтить святыя чувства другихъ.

Еще разъ напоминается:

Не съ коммерческой цѣлью выпускается эта книга, не продажей деньги собирать цѣль выпуска ея, а единственная цѣль ея — объединить сочувствующихъ, призвать къ участію въ добромъ хорошемъ дѣлѣ всѣхъ, кто молитвенно чтитъ Память Царской Семьи и жаждетъ знать правду о Ней. Пусть немного будетъ насъ, пусть жертва наша будетъ скромна, но она будетъ чистой и идущей отъ души. Это и будетъ то, что ставитъ своей цѣлью идея **«Скорбной Памятки».**

Въ этой книгѣ воспроизводятся письма, молитвы и стихотворенія, написанныя рукой Ея Величества и Ея Дѣтей.

Больше 10 лѣтъ хранились эти священныя реликвіи Семьи Царя Мученика, не опубликованныя, не оглашенныя, не оскверненыя даже мыслью извлечь изъ нихъ матеріальныя выгоды.

Много счастья и радости принесли они съ собой въ послѣдніе дни благочестиваго Царствованія Государя нашего.

Много слезъ надъ ними было пролито въ дни безбожья, безчестія, въ дни царства лжи и позора...

Дороже жизни сберегались они и въ сырой землѣ мѣсяцами закопанныя, и на груди зашитыя въ минуты колебанія судьбы.

Изъ совѣтской Россіи, какъ паспортъ смертельный, везлись эти реликвіи, у сердца укрытыя, а уста призывали Всевышняго спасти не жизнь, а эти листочки. И черезъ пограничный обыскъ прошли онѣ, давъ глубоко вѣрующей душѣ новую вѣру, что только эти листочки и вывели ее изъ царства тьмы...

Но это былъ путь лишь однѣхъ страничекъ.

Другія, какъ талисманъ священный, направляли другую жизнь и выводили ее оттуда, откуда никому не было выхода... Но листочки должны были жить, и хранитель ихъ, храня ихъ, этимъ хранилъ и свою жизнь.

Вотъ лишь нѣсколько строкъ изъ исторіи храненія этихъ страничекъ.

Обреченный поѣздъ Адмирала Колчака — на пути къ роковому Иркутску... Сотни верстъ къ востоку и западу въ рукахъ красныхъ... Предатели чехи вылавливаютъ и сдаютъ бѣлыхъ краснымъ... Конвой Адмирала измѣнилъ... Выхода нѣтъ... Одна надежда, и при томъ безнадежная: въ вагонѣ Адмирала, получившаго только личную гарантію безопасно-

сти, найти путь къ спасенію... Послѣдняя ночь, Рождественская ночь, въ Нижне-Удинскѣ въ купэ съ Адмираломъ...

Рано утромъ 25 Декабря «спасаемый» чехами Колчакъ трогается на Востокъ — съ надеждой жить, съ приговоромъ умереть...

Разсвѣтъ. Поѣздъ задержался на нѣсколько часовъ, и Божій Промыселъ указываетъ чудесный путь къ спасенію «хранителя и имъ хранимаго»... Безсиленъ приказъ чешскаго командованія, отданный по всей жел.-дор. линіи, арестовать и доставить его въ Иркутскъ, конечно, для выдачи...

Черезъ многіе жуткіе рубежи жизни прошли эти реликвіи Царской Семьи, и вѣрилось и твердо вѣрится понынѣ, что судьба, давшая и сохранившая ихъ, предуказывала священную цѣль ихъ бытія...

И только теперь, послѣ 10 лѣтъ ихъ храненія, лишь часть ихъ появляется въ свѣтъ, но не обычнымъ путемъ, не на книжномъ рынкѣ, а какъ святое благословеніе и посвященіе общерусскому христіанскому дѣлу, заложенному въ скорбную память десятилѣтія гибели Россіи.

Семнадцатаго Іюля исполняется **десять лѣтъ, какъ убили Государя и Его Семью.** Убили ихъ послѣ 18 мѣсяцевъ невѣроятныхъ нравственныхъ мученій. Не трудно сказать, кто заставилъ больше страдать Царя и Его Семью — красноармейцы ли, плевавшіе въ пищу, подававшуюся Царской Семьѣ въ послѣдніе дни Ея жизни, или Генералы Арміи и Генералы Русской общественности, плевавшіе въ душу своего поверженнаго Императора, въ душу несчастной оклеветанной Царицы и Дѣтей Царскихъ. Ложь, клевета, поруганіе Царя и Его Семьи въ 1917 году были во много разъ подлѣе, чѣмъ въ минувшее десятилѣтіе (1918—1928). Въ 1917 году не большевики, а вся Россія единымъ фронтомъ плевала въ Царя, и лишь значительно позднѣе раскаялись многіе и стали служить панихиды.

Описаніе двухъ первыхъ панихидъ о Царской Семьѣ приводится ниже.

ПЕРВЫЯ ДВѢ ПАНИХИДЫ О ЦАРСКОЙ СЕМЬѢ

I.

Большевицкое радіо о разстрѣлѣ ими Царя и ложное ихъ сообщеніе о перевозѣ въ безопасное мѣсто Царской Семьи застигло меня во Владивостокѣ.

Безконечно потрясенный этой вѣстью, я поспѣшилъ въ Храмъ Божій, чтобы помолиться о Мученикѣ Государѣ и, въ моемъ воображеніи, о гдѣ-то томящейся осиротѣлой Царской Семьѣ. День былъ Воскресный. Храмъ былъ переполненъ молящимися. Но, увѣренъ я, не почтить память Царя молитвой собрались всѣ тѣ, кто наполнялъ Храмъ, въ большинствѣ своемъ, вѣроятно, даже не освѣдомленные еще объ этомъ ужасномъ злодѣяніи, но пришли они въ Храмъ, чтобы найти облегченіе и успокоеніе душевнымъ тревогамъ, коими полны были всѣ Русскіе люди въ эти сумбурные дни нашей жизни.

По окончаніи Литургіи, священникъ неожиданно прочелъ молящимся утренній экстренный газетный выпускъ большевицкаго радіо и, сказавъ горячее слово, призвалъ всѣхъ молиться объ убіенномъ Мученикѣ Царѣ.

Безсиленъ я сейчасъ передать все то, чему свидѣтелемъ былъ во время этой первой панихиды, какъ на колѣняхъ весь храмъ пламенно молился о Страдальцѣ Царѣ. Каждое слово панихиды рѣзало душу. Лица всѣхъ пылали внутреннимъ волненіемъ. Чувства стыда, раскаянія охватывали каждаго. Казалось, всѣ жили одной мыслью, страдали одной мукой. Рыданія слышались со всѣхъ сторонъ. При пѣніи «Вѣчная память» раздались вскрикиванія падающихъ въ обморокъ. Плакалъ священникъ, плакали всѣ молящіеся...

Вернувшись съ панихиды, слезами своими писалъ я строки, посвященныя памяти Государя. Что-то заставляло меня вылить наружу свои чувства и отмѣтить переживанія простыхъ Русскихъ людей, съ коими только что я горячо молился объ убіенномъ Государѣ. Моя попытка помѣстить въ печати эти строки не увѣнчалась успѣхомъ. Всѣ безъ исключенія редакціи газетъ отказались печатать истинное отраженіе Русской скорби, которое такъ ярко выявилось въ Церкви.

Въ слѣдующемъ 1919 году, лѣтомъ, я былъ въ Омскѣ. Правительственная Власть выполняла законный актъ разслѣдованія Екатеринбургскаго злодѣянія. Опальный безработный Генералъ Дидерихсъ временно, до снятія съ него опалы, руководилъ этимъ дѣломъ.

Скромному, дотолѣ неизвѣстному слѣдователю Соколову выпало на долю производить самое слѣдствіе. Задача колоссальнаго національнаго значенія и достойная быть центромъ правительственной работы была фактически цѣликомъ передана на плечи этому слѣдователю, работавшему въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ «единоличнаго труда». Лишь преданностью дѣлу и самоотверженностью въ преодолѣніи массы затрудненій обязаны мы результатамъ выполненнаго имъ слѣдствія. А въ правительственныхъ сферахъ Омска мало кто зналъ, интересовался результатами слѣдствія. Раскрытіе преступленія, видимо, почиталось лишь дѣломъ судебнаго вѣдомства. А о преступномъ попустительствѣ этого злодѣянія всѣми нами, Русскими людьми, въ Омскѣ и не вспоминали. Хулу и ложь о покойномъ Государѣ печатать не воспрещали.

Лишь за нѣсколько недѣль до первой годовщины убіенія Государя и Его Семьи на страницахъ крупнѣйшей Омской газеты «Заря» появился рядъ статей г-на Панкратова. бывшаго каторжника, и затѣмъ комиссара тюремщика Царской Семьи въ дни жизни Ея въ Тобольскѣ. Товарищъ Керенскаго, сдавшій въ сохранности Царственныхъ Плѣнниковъ подъ расписку палачамъ большевикамъ для умерщвленія, нынѣ съ сознаніемъ честно исполненнаго партійнаго долга на свободѣ принялся строчить свои воспоминания. Въ нихъ онъ гадко порочилъ память Тѣхъ, кровью Коихъ забрызгана была его совѣсть. Но въ своихъ воспоминаніяхъ не вспомнилъ онъ о крови, о страданіяхъ Царской Семьи и о всемъ томъ, что вынесла Она, хулимая и оскорбляемая, при его личномъ участіи и при его поощреніи, его опричниками охранниками. Другой темѣ посвятилъ онъ свои воспоминанія, поставивъ цѣлью своей дать ложное изображеніе личности Государя и Его Семьи. Не пожалѣлъ онъ красокъ, дабы обрисовать Мученика Царя — безпечно переносившимъ потерю трона и свою неволю, Государыню — гордой и чопорной нѣмкой, а Дѣтей Царя — недоучками, неразвитыми, даже не знавшими русской литературы. Въ послѣдней статьѣ своей г-нъ Панкратовъ пространно «объяснялъ» причину безразлично холоднаго отношенія Русскихъ людей къ факту убійства Царя.

Отсутствіе какихъ-либо возраженій, протестовъ по поводу безсовѣстныхъ статей этого столпа Февральской революціи и разрушителя Россіи, свободное опороченіе имъ Памяти Покойной Царской Семьи глубоко возмутило меня, и я на страницахъ правительственнаго органа, газеты «Русская Армія», за своей подписью помѣстилъ слѣдующую статью:

«Въ № 114 отъ 1-го Іюля газеты «Заря» помѣщена статья господина Панкратова, въ которой онъ задался цѣлью объяснить причину установленнаго (кѣмъ-то) мнѣнія о безразлично холодномъ отношеніи Русскаго общества къ судьбѣ трагически погибшаго Императора Николая II. Я не знаю, насколько безошибоченъ въ своихъ выводахъ г. Панкратовъ, такъ какъ я не могъ изслѣдовать толщину указанной имъ ледяной оболочки, окружавшей Русскую Династію. Я не имѣю также желанія выяснить, насколько въ дальнѣйшемъ эта ледяная оболочка постепенно таяла отъ ослѣпительно яркихъ лучей, исходившихъ отъ лика «свѣтлой памяти» Керенскаго.

Можно только безошибочно сказать, что Русскій Царь, послѣ своего несчастливаго царствованія, съ истинно Царскимъ благородствомъ, въ заботахъ только о счастьѣ Россіи, достойно оставилъ свой Тронъ. Кажется, всѣмъ извѣстна Его мужественная готовность быть заточеннымъ въ Петропавловскую крѣпость, когда этого требовала разнузданная чернь Петрограда и Кронштадта. Также извѣстно, какъ вся Царская Семья больше потери собственной жизни боялась потери Своей Родины Россіи, когда поднимались слухи о Ихъ высылкѣ за границу. Мученическая смерть Царя съ истинно христіанской мыслью о Россіи и Своей Семьѣ дастъ много матеріаловъ справедливой исторіи для безпристрастныхъ выводовъ по затронутому вопросу. Какъ яркую параллель, хочется вспомнить о «красѣ и гордости» революціи, Керенскомъ, о которомъ такъ не безразлично холодно, а шумно, восторженно кричало общество, печать, чуть ли не вопіяли камни. Керенскій, послѣ всенародныхъ клятвенныхъ обѣщаній и увѣреній въ его неустрашимости демократическаго суда, преступно, предавъ многія тысячи лучшихъ Русскихъ людей, бѣжалъ позорно съ тѣмъ, чтобъ, вѣроятно, вернуться, когда можно будетъ безопасно сѣсть на оставленный Тронъ. Очень жаль, что «славный народный вождь» не взялъ примѣра съ несчастнаго Царя, не убоявшагося рокового для Него самосуда ослѣпленнаго народа.

Скоро первая годовщина кошмарнаго злодѣянія Цареубійства.

Я позволю себѣ подѣлиться тѣмъ, какъ въ прошломъ году въ городѣ Владивостокѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ проявленія истиннаго отношенія религіозныхъ Русскихъ людей къ трагической смерти Императора Николая II.

Въ Соборѣ въ концѣ Обѣдни совершенно неожиданно священникъ прочелъ телеграмму о разстрѣлѣ Царя. Объявивъ о панихидѣ, онъ обратился къ молящимся съ проповѣдью. Нужно было быть въ Церкви, чтобы понять, какое впечатлѣніе произвела эта проповѣдь на всѣхъ. Глубоко западало въ душу каждаго слово священнослужителя, открывавшаго намъ то, чѣмъ была полна его душа, что подсказывало ему стремящееся къ правдѣ сердце. Всѣ находившіеся въ храмѣ съ затаеннымъ дыханіемъ слушали его слова... Слова той истины, которой полны всѣ мы и которую таимъ, какъ будто боясь сознаться другъ

другу... Но хочется вѣрить, что это не боязнь, а стыдъ, ужасный стыдъ сознаться самому себѣ и другимъ въ тягчайшемъ преступленіи, въ предательствѣ Родины, чести, добраго имени и, наконецъ, въ безмолвномъ попустительствѣ убіения Того, Кто былъ нашимъ Русскимъ Царемъ... Чѣмъ же иначе объяснить охватившее всѣхъ молящихся волненіе при словахъ проповѣди? Почему неудержимо текли слезы? Почему на рукахъ выносили не выдержавшихъ пѣнія «Вѣчная Память» по убіенномъ Царѣ Мученикѣ? Конечно, тѣ, кто съ неудовольствіемъ будутъ читать эти строки, объяснятъ все это нервностью, впечатлительностью слабыхъ духомъ, но тотъ, кто еще можетъ и хочетъ честно сознаться себѣ, скажетъ, что это говорили въ нихъ истерзанная наболѣвшая душа и молитвенная скорбь о Государѣ Мученикѣ.

Возвращаясь къ начальной темѣ объ опредѣленіи общественнаго отношенія къ убійству Государя, могу лишь добавить, что моя попытка помѣстить въ какую-либо газету гор. Владивостока о только что переданномъ общественномъ отношеніи къ звѣрскому убійству Императора Николая II не имѣла успѣха. Мое желаніе и проявленное молящимися чувство не могло быть въ «свободной печати» отнесено къ такъ называемому выраженію общественнаго отношенія къ Цареубійству, которое, видимо, «кѣмъ-то» признано и потому должно быть всѣми признано безразлично холоднымъ къ данному злодѣянію.

Заканчивая свою статью, скажу лишь:

Да, великая сила это — человѣческая мысль, рѣчь и печатное слово, а еще болѣе великая, таинственная и нечистая сила властвуетъ надъ ними!..

Очень бы желалъ, чтобы г-нъ Панкратовъ въ день годовщины убійства Царской Семьи зашелъ бы въ Церковь, чтобы воочію убѣдиться въ ошибочности проповѣдуемаго имъ безразлично-холоднаго общественнаго отношенія къ мученической кончинѣ Государя Императора и Его Семьи».

Эта статья вызвала въ правительственныхъ кругахъ возмущеніе.

Адмиралъ Колчакъ вызвалъ и лично жестоко разнесъ меня, указавъ, что монархической пропагандой и вообще писательствомъ не дѣло заниматься офицеру, и онъ категорически запретилъ мнѣ подобнаго рода выступленія въ печати.

Я позволилъ себѣ доложить Адмиралу, что не только, какъ офицеръ, но, главное, какъ раненый, возвращенный къ жизни заботами Царской Семьи, я счелъ своимъ долгомъ защитить Священную Память Ея.

Редакторъ газеты «Русская Армія» Полковникъ Геркенъ также вызывался къ Адмиралу и едва не былъ смѣщенъ съ должности за допущеніе подобной статьи.

Большой патріотъ Адмиралъ Колчакъ, возглавляя Эс-эровское Правительство въ надеждѣ, съ помощью союзниковъ, спасти Россію, всемѣрно старался выдержать передъ ними экзаменъ **«политической**

благонадежности». Но экзамена не выдержалъ и погибъ той же смертью, что и Государь, преданный и брошенный и своими и чужими... Миръ душѣ его!..

Вскорѣ, при приближеніи 1-ой годовщины убійства Царской Семьи, не видя ни съ чьей стороны намѣренія почтить хотя бы молитвой память Царя Мученика, я наканунѣ 17-го Іюля пытался помѣстить объявленіе въ газетахъ о панихидѣ, мною заказанной. Ни одна газета гор. Омска объявленія не приняла. Лишь къ вечеру 16-го Іюля мнѣ удалось уговорить одного редактора принять объявленіе въ слѣдующемъ постыдномъ искаженіи:

«Раненые Царскосельскаго Дворцоваго лазарета № 3 объявляютъ о панихидѣ по Сестрамъ Великаго Милосердія, имѣющей быть въ Омскомъ Соборномъ Храмѣ 17 Іюля въ 1 дасъ дня».

Въ виду будничнаго дня, умышленнаго помѣщенія даже этого объявленія въ несоотвѣтствующемъ мѣстѣ и мелкимъ шрифтомъ, о панихидѣ узнали немногіе, и Омскій Соборный Храмъ былъ пустъ...

И это было въ томъ Омскѣ, гдѣ такъ шумно умѣли чествовать пріѣздъ «дорогихъ союзниковъ», торжественно праздновать годовщину взятія города чехами и пр. Комиссаръ тюремщикъ Панкратовъ могъ справедливо торжествовать: общественные и оффиціальные круги гор. Омска блестяще оправдали его убѣжденія въ отношеніи безразлично-холоднаго отношенія Русскаго общества къ умерщвленію большевиками Царя и Его Семьи...

Ни близость мѣста злодѣянія, ни наличіе всѣхъ подробностей страданій Царской Семьи и деталей кровавой бойни въ ночь на 17-ое Іюля не пробудили даже молитвеннаго раскаянія. Преступленіе большевиковъ передъ Россіей и народомъ Русскимъ почиталось національнымъ, передъ союзниками неслыханной и позорной измѣной, а въ отношеніи Государя Императора и Его Святой Семьи... лишь уголовнымъ.

17 Іюля, въ день первой годовщины Цареубійства, гор. Екатеринбургъ былъ оставленъ войсками Адмирала Колчака. Вскорѣ домъ Ипатьева (мѣсто убійства Царской Семьи) былъ большевиками сожженъ.

На всей территоріи Сибири, освобожденной отъ большевиковъ, первая годовщина Цареубийства, 17 Іюля 1918 года, была отмѣчена такъ же, какъ и въ Омскѣ. Лишь въ заграничномъ изгнаніи стали панихидами Русскіе люди чтить дни, **кровью Царской вписанные въ исторію погибшей съ Царемъ Россіи.**

Но что, кромѣ панихидъ, сдѣлано Русскими людьми во искупленіе великаго общаго грѣха передъ Царемъ Мученикомъ и Его Семьей?

Даже теперь, къ десятилѣтію Цареубійства, не сдѣланъ громкій призывъ объединить Русскихъ людей, дабы достойно почтить память Великихъ Страдальцевъ.

О всемъ спорятъ, изъ-за всего ссорятся Русскіе люди, разъединенные на партіи, группы и всякаго рода дѣленія. Каждая сторона борется съ глубокимъ сознаніемъ своей правоты и своего долга клеймить и порочить другъ друга. А долгъ передъ погубленнымъ Государемъ остается лишь мертвымъ долгомъ.

II.

Въ 1926 году, когда впервые по всѣмъ странамъ разсѣянія Русскихъ людей раздались призывы къ выполненію нашего національнаго долга передъ несчастными Инвалидами, я, будучи самъ Инвалидомъ (послѣ многихъ раненій), поднялъ свой голосъ и призывалъ вспомнить о еще болѣе святомъ, но забытомъ нами долгѣ передъ памятью Государя.

Свою мысль объ этомъ я изложилъ въ статьѣ, напечатанной въ газетѣ «Возрожденіе Россіи» отъ 22-го Мая 1926 года, въ день, посвященный Инвалиду.

Призывъ Инвалида

Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ по зову Царя на защиту Родины поднялась Россія, и цвѣтъ народа могучими волнами хлынулъ на враговъ, подступившихъ къ границамъ.

Все лучшее, молодое, сильное крикнулъ Царь на борьбу за честь, славу и свободу своего Русскаго Народа.

И безсчетныя волны людскія, поднимаясь одна за другой по необъятной Россіи, катились на западъ. И гибли онѣ, разбиваясь о мощь врага, но на смѣну имъ неслись новыя — выше и сильнѣе, и остановили онѣ вторженіе въ страну враговъ и спасли Россію.

И въ каждой каплѣ этихъ волнъ была человѣческая жизнь, и гибли эти волны, сотни тысячъ человѣческихъ жизней, но милліоны Русскихъ людей продолжали творить свой святой долгъ защиты Родины, не думая ни о себѣ, ни о своихъ семьяхъ, твердо вѣря, что за ними стоитъ Отецъ-Царь и Мать-Россія. И они не ошибались: Царь зналъ цѣну человѣческой жизни, зналъ цѣну подвига и страданій. И пока былъ Отецъ-Царь, не была Россія мачехой для тѣхъ, кто отдавалъ за нее жизнь и источникъ жизни — здоровье. И знали они также, что Царь призывалъ Русскихъ людей на жертвы, на страданія, только лишь во имя счастья и блага Родины, безъ мысли о себѣ, о своей Царственной Семьѣ. И когда пробилъ грозный часъ судьбы Россіи, когда предатели тыла вонзили ножъ въ спину Мученика Царя, не потребовалъ Онъ ни отъ кого жертвы для Себя, ради Своей Семьи, и вновь лишь призывалъ Свой народъ спасти Россію. И взошелъ на Голгоѳу Царь, выпивъ до дна кровавую чашу за Родину, за свой народъ. Обреченнаго на смерть Царя и Его Семью заточили, а Его власть, Его священную заботу о Россіи и жертвахъ народныхъ возложили на себя измѣнники долга и присяги.

Царственная Сестра Милосердія.

Рѣдкій снимокъ, который очень любила
Ея Величество.

Снимокъ сдѣланъ въ вагонѣ Царскаго поѣзда въ 1916 г.

Ея Величество и Ихъ Высочества Ольга и Татьяна Николаевны въ общей группѣ съ медицинскимъ персоналомъ лазарета. У угла дома справа Д-ръ Боткинъ, правѣе его М. С. Хитрово.

Съ ужасомъ въ душѣ, съ трепетомъ въ сердцахъ, безмолвно наблюдали прикованные къ больничнымъ койкамъ многія тысячи искалѣченныхъ людей, разсѣянныхъ по Россіи, за злодѣяніемъ, совершаемымъ надъ Царемъ, по зову Коего они отдавали свои жизни и Кто теперь былъ объявленъ врагомъ Россіи... И тревога за судьбу Россіи, за собственную участь заполняла ихъ мысли... И тревога не обманула ихъ.

Какъ какой-то кошмарный сонъ, пробѣжали нѣсколько лѣтъ — Россіи не стало. Обманутая, преданная и ограбленная, отдана она своими и чужими на умерщвленіе, а всѣ тѣ, кто по зову Царя боролся и умиралъ за нее — всѣ они разсѣяны по земному шару. Но ужаснѣе всѣхъ судьба искалѣченныхъ, обезкровленныхъ людей, именуемыхъ инвалидами.

Со дня жертвеннаго подвига и до нашихъ дней, и до конца дней своихъ несли, несутъ и будутъ нести они тяжелый крестъ, который приняли они во имя любви къ Россіи, во имя вѣрности Царю и присягѣ.

Великій подвигъ въ долгіе годы борьбы, муки госпитальныя, голодъ, нищета, болѣзни чередовались на ихъ жертвенномъ пути. И путь этотъ еще не пройденъ — впереди ни свѣта, ни луча надежды.

И хотя впереди безпросвѣтно для нихъ, но въ душѣ у нихъ, передъ святая святыхъ ихъ внутренняго міра, теплится неугасаемая лампада, согрѣвающая и освѣщающая мракъ окружающей ихъ жизни. И эта святая святыхъ искалѣченныхъ людей — ихъ жертва Россіи, по зову Царя.

Они твердо вѣрятъ и знаютъ, что страданія Россіи, кровь Царя и ихъ муки были и будутъ нераздѣльными и священными для будущихъ поколѣній воскрешенной Россіи, которая пойметъ и оцѣнитъ ихъ подвигъ и ихъ жертву. Но и въ настоящіе дни, послѣ многихъ лѣтъ всеобщаго безучастія, инвалиды дождались своего перваго праздника: имъ, наконецъ, удѣленъ одинъ день въ году, въ награду за ихъ жертву Россіи.

Повсемѣстно въ этотъ день будетъ сдѣланъ съ баловъ и концертовъ сборъ въ ихъ пользу. И эта помощь спасетъ многихъ отъ отчаянія, а можетъ быть, и отъ самоубійства. Однимъ позволитъ пріобрѣсти себѣ руки, другимъ ноги, взамѣнъ пожертвованныхъ ими на поляхъ чести и славы Императорской Россіи, а многимъ изъ нихъ позволитъ оставить профессію нищихъ, живущихъ подаяніемъ во имя Христа, и за это они скажутъ горячее спасибо всѣмъ тѣмъ, кто откликнулся на вопль Центральнаго Инвалиднаго Комитета и проявилъ участіе къ судьбѣ инвалидовъ.

И теперь, когда сдѣланъ починъ въ дѣлѣ признанія за жертвами долга передъ Родиной ихъ права на участіе къ себѣ со стороны разсѣянныхъ по міру Русскихъ людей, хочется спросить, будемъ ли мы когда-либо свидѣтелями того, что Русскіе люди поймутъ о ихъ еще большемъ долгѣ отдать одинъ день въ году памяти той жертвы Рос-

сіи, которая превыше всѣхъ жертвъ, принесенныхъ Родинѣ на протяженіи всей ея исторіи. Эта жертва — Царь и Его Семья.

И день смерти Царя и Его Семьи долженъ быть названъ днемъ траура Россіи, днемъ національной печали о бѣдствіяхъ, постигшихъ нашу Родину. Пусть враги Россіи празднуютъ дни Февраля и Октября, какъ дни ихъ торжества, какъ дни ихъ тризны надъ порабощенной и кровью залитой Россіи. Но наше право и нашъ долгъ оплакивать горе народное, слезы и кровь пролитую. И не Царя ли нашего и Его Семьи кровь и слезы пролиты за насъ, за грѣхи наши?

Безпощадны были къ нему враги Россіи и при Его жизни и послѣ Его смерти. Не насытились они Его кровью, не успокоились, предавъ огню Его тѣло. Нечеловѣческой злобой полны они даже къ одному Его имени и поносятъ и хулятъ Его безпрестанно. И хотя знаемъ мы, что нѣтъ у человѣка непрощаемаго Богомъ грѣха, но не простили и не простятъ враги Царю нашему Его прегрѣшеній. А согрѣшилъ Онъ передъ ними тѣмъ, что былъ истиннымъ христіаниномъ, безгранично любилъ Свой народъ и Свою Родину и непоколебимо вѣрилъ въ Божью правду и справедливость и оберегалъ Онъ Россію отъ враговъ ея, желая ей счастья и могущества.

И неужели, зная все это, не изберемъ мы день 17 Іюля днемъ нашей дани памяти умерщвленнаго Царя и Его Семьи и всѣхъ жертвъ, животъ свой положившихъ за Россію. И не панихидами только должны мы отмѣчать этотъ день, иначе яростная клевета ненавидящихъ Царя и Россію не дастъ пробиться на свѣтъ той правдѣ, которая хранится еще у свидѣтелей недавно пережитыхъ событій.

И мы, эти свидѣтели, кровью истекшіе и искалѣченные люди, въ горячихъ слезахъ благодарящіе своихъ братьевъ за ихъ помощь, ждемъ отъ нихъ лишь призыва стать въ ихъ ряды, чтобы возложить къ подножью невѣдомой Царственной могилы нашъ неувядаемый вѣнокъ, какъ нашу послѣднюю дань Царю, за Вѣру, Народъ и Россію принявшему муку *). Инвалидъ.

Но голосъ мой былъ слабъ, и 8-ая годовщина смерти Царской Семьи была отмѣчена лишь панихидой. Только осенью 1926 года образовалось Общество Памяти Царя Мученика и Его Семьи, но объединить оно смогло лишь небольшое число людей. Все же усиліями этого Общества печальная 10-ая годовщина измѣны Русскихъ людей своему Императору была достойно почтена.

Въ Февралѣ 1927 года въ память Царской Семьи этимъ Обществомъ была учреждена безплатная больничная койка въ Софійскомъ Хирургическомъ Госпиталѣ въ Болгаріи. А въ Нью Іоркѣ въ мѣстномъ Храмѣ была сооружена въ память Царя и Его Семьи прекрасная Скорб-

---

*) Статью эту редакція газеты сопроводила слѣдующимъ примѣчаніемъ: Имя автора извѣстно редакціи, но онъ просилъ опустить его, такъ какъ не въ имени его дѣло, ибо онъ лишь говоритъ о томъ, о чемъ думаютъ многія тысячи тѣхъ, кто не перомъ и чернилами, а кровью своею доказалъ свою любовь и вѣрность Россіи.

ная Сѣнь съ ликами Скорбящей Богоматери, Николая Чудотворца и Царицы Александры. Множество мерцающихъ лампадъ и возженныхъ свѣчей, во время каждой Службы, лучше словъ говоритъ о значеніи труда Общества.

Къ сожалѣнію грустныя причины побудили меня отказаться отъ предсѣдательства Общества со столь дорогой и святой для меня идеей.

Вскорѣ Общество умерло.

Лично принявъ отъ имени Общества обязательство о содержаніи учрежденной койки, я счелъ себя обязаннымъ обезпечить ея дальнѣйшее существованіе. Стремясь спасти койку, освященную Именемъ, для насъ священнымъ, я рѣшилъ взять на себя осуществленіе того долга передъ Государемъ и Его Семьей, къ которому я призывалъ именемъ Инвалида Русскихъ людей.

III.

Въ Октябрѣ прошлаго года, въ дни торжественныхъ празднованій большевиками десятилѣтія ихъ владычества страной рабовъ — Россіей, въ гор. Нью Іоркѣ былъ организованъ большой общественный митингъ протеста. День 10-го Ноября (по ст. ст. 28 Октября) былъ объявленъ днемъ національнаго траура, днемъ скорби о погибшей Россіи. Представители многочисленныхъ обществъ участвовали въ организаціи этого траурнаго дня. Наиболѣе талантливые ораторы выступали на митингѣ, громя, клеймя большевиковъ, перечисляя ихъ преступленія и пророча имъ скорое крушеніе. Параллельно вспоминалась былая слава, мощь и величіе недавно еще Великой Россіи. Въ заключеніе единогласно было рѣшено образовать постоянный комитетъ активной борьбы съ большевиками во имя спасенія Россіи. Былъ сдѣланъ сборъ средствъ и этимъ былъ запечатлѣнъ протестъ Русскаго общества по поводу шумнаго ликованія большевиковъ въ Россіи и ихъ друзей за границей.

Къ сожалѣнію, «Комитетъ активной борьбы» изъ-за отсутствія средствъ и активныхъ борцовъ умеръ, не успѣвъ родиться.

Мало реальнаго далъ этотъ общественный митингъ протеста, хотя много талантливыхъ рѣчей, горячихъ и яркихъ словъ и шумныхъ апплодисментовъ вызвалъ онъ. Но наиболѣе ярко на этомъ митингѣ было отмѣчено не преступленіе большевиковъ, не гибель Россіи, а длящееся преступленіе Русскаго общества передъ памятью Мученика Царя. Это было отмѣчено не рѣчами, а полнымъ умолчаніемъ Его Имени, Его жертвеннаго подвига, на протяженіи 20 лѣтъ Его Царствованія... Умолчаніемъ Его гибели на Своемъ священномъ посту Верховнаго Вождя въ дни напряженныхъ усилій Его — спасти Россію и вывести ее къ славѣ и къ счастію... Все это было забыто Русской общественностью въ дни воспоминаній о гибели Россіи, **судьба которой, и счастливая и печальная, Богомъ нераздѣльно была соединена съ судьбой Ея Царственнаго Вождя.**

Но «Русская Общественность» считала себя обязанной «оплакивать» судьбу лишь Россіи, предавъ забвенію судьбу Того, Кто былъ Царемъ, Наслѣдникомъ Царей, создателей Великой Россіи, защитникомъ Вѣры народной и Чести его...

И что же сталось теперь съ Россіей, съ нашей Вѣрой и нашей Честью?..

Большевики умертвили Царя, Русской общественностью преданнаго имъ. И эта же общественность вотъ уже 10 лѣтъ помогаетъ большевикамъ умертвить даже память о Немъ... Но напрасно! Безчестія пора не вѣчна. Наступитъ пора обновленія, и Свѣтлая Память о Мученикѣ Царѣ воскреснетъ у обманутыхъ, у ослѣпленныхъ и слабыхъ духомъ. Ибо свято хранится она и донынѣ въ сердцахъ многихъ изъ тѣхъ, кто не на эстрадахъ и митингахъ и не на собраніяхъ исповѣдуетъ свою любовь къ прошлому своей Родины и надежду на будущее ея (хотя бы и безъ надежды для себя лично). Эти люди не празднымъ словомъ, а лишь посильнымъ имъ дѣломъ хотятъ и будутъ выражать эти свои святыя чувства.

И эта молитвенная любовь къ Царской Семьѣ подсказала создать ко дню 10-лѣтія гибели Россіи скромный живой Памятникъ Русской Скорби. Безымянно, безшумно на митингѣ общественнаго протеста появилась Скорбная Памятка-Копилка (Касса Помощи ближнимъ въ память о Царской Семьѣ). И въ атмосферѣ полнаго забвенія о Государѣ Мученикѣ и Его Семьѣ замерцалъ огонекъ «Скорбной Лампады», зажженный въ этотъ великоскорбный день въ священную Ихъ память.

И, съ тѣхъ поръ ярче и ярче разгораясь, свѣтитъ этотъ огонекъ, зажигая все новыя и новыя лампады молитвенной скорби Русскихъ людей, глубоко въ сердцѣ своемъ чтущихъ Память своего покойнаго Государя и Его Семьи.

IV.

Болѣе 200 экземпляровъ «Скорбной Памятки» разошлось въ первыя 2 недѣли. До 400 экземпляровъ въ первые 2 мѣсяца. До 700 экз. черезъ 5 мѣсяцевъ. Сейчасъ идетъ распространеніе ея за предѣлами Нью Іорка и даже внѣ Америки.

Какъ безшумно появилась она, такъ же безшумно идетъ ея распространеніе и выполненіе святой идеи, въ основу ея поставленной. Безъ собраній и митинговъ, безъ споровъ и разговоровъ, не на балахъ и концертахъ, не средь увеселеній, а добровольнымъ молчаливымъ участіемъ каждаго хранителя Скорбной Памятки осуществляется дѣло Кассы.

Единоличное руководство работой даетъ глубокую вѣру въ то, что никакіе грустныя причины не проникнутъ въ это дѣло и не пошатнутъ его, а безграничная вѣра въ хорошее будущее даетъ свѣтлыя надежды и энергію вести его.

Ни правленія, ни комитета, или совѣта, ни почетныхъ званій не было создано, дабы по возможности оградить святую идею отъ всего личнаго, партійнаго, группового, дабы дѣло Кассы оставалось для всѣхъ равнымъ, для всѣхъ дорогимъ и близкимъ.

И стремленіе это достигнуто. На святое дѣло это откликнулось особенно много тѣхъ, кто, находясь вдали отъ общественной жизни, потерявъ вѣру и въ людей и въ слова ихъ идей, уединенно ведутъ свою, полную труда, жизнь, лишь въ сердцахъ своихъ сохраняя дорогіе свои идеалы.

Чахоточный инвалидъ, болѣе двухъ лѣтъ не покидающій больничной койки (Санаторіи въ Кальгари, Канада), получивъ «Скорбную Памятку», счелъ своимъ долгомъ вступить въ члены Кассы и, не имѣя денегъ, продалъ послѣднюю цѣнную вещь своего имущества и регулярно высылаетъ ежемѣсячную лепту на глубокочтимую имъ идею Кассы. Нѣтъ права у Кассы отказаться отъ этой особеннаго характера жертвы, но нѣтъ у Кассы и силы воли размѣнять эти канадскія деньги и смѣшать ихъ съ жертвой здоровыхъ людей.

Тѣ же чувства вызываютъ получаемые изъ Франціи франки отъ лицъ, выражающихъ свое горячее сочувствіе идеѣ «Кассы».

Глубоко трогательна святая жертва на дѣло Кассы одинокой вдовы старушки, тяжелымъ трудомъ питающей не только себя, но и близкихъ своихъ въ несчастной Россіи.

Безконечно дорого горячее участіе безграмотнаго стараго колониста, 20 лѣтъ покинувшаго Россію и радостно откликнувшагося дѣломъ добрымъ почтить память своего Мученика Государя.

А дѣти? Въ семьяхъ многихъ, принявшихъ копилки подъ свое покровительство, ихъ горячая помощь этому дѣлу, безъ сомнѣнія, пробуждаетъ въ нихъ любовь къ Россіи и поможетъ имъ въ будущемъ сердцемъ найти истину о прочинахъ, погубившихъ ее.

И подобныхъ примѣровъ уже много имѣется, а новые продолжаютъ поступать.

Особенно матеріально существенна групповая помощь, оказываемая Русскими людьми по содержанію больничныхъ коекъ:

Служащіе броневыхъ автомобилей города Нью Іорка, единодушнымъ участіемъ давшіе жизнь этому дѣлу, внесли за это время свыше 230 долларовъ.

Первой откликнувшейся помочь постоянному содержанію больничной койки въ память Мученика Государя и Его Семьи была Группа Г.Г. Офицеровъ Императорской Россійской Регулярной Кавалеріи въ Нью Іоркѣ, внесшая уже $70.77.

Служащіе Корпораціи И. И. Сикорскаго съ горячимъ сочувствіемъ встрѣтили идею Скорбной Памятки и охотно взяли на себя содержаніе больничной койки въ Память Наслѣдника Цесаревича, на содержаніе коей уже внесено $116.32.

Но если трогательны чувства жертвователей, то еще болѣе дороги чувства тѣхъ, кто эту жертву принимаетъ. Не денежную жертву людей, а Царской Семьи руку помощи видятъ они къ нимъ простертой. И молитвы горячія къ Богу возносятъ они о Царственныхъ Мученикахъ.

Чахоточные инвалиды въ Княжеской Санаторіи въ Болгаріи, гдѣ содержится койка Имени Государя, получивъ 10 долларовъ, какъ Рождественскій подарокъ, отказались принять ихъ и пріобрѣли на эти деньги для Санаторіи большой портретъ Государя. Одновременно инвалидами была установлена въ Храмѣ неугасимая лампада передъ образомъ Св. Николая Чудотворца.

Это святое побужденіе чахоточныхъ инвалидовъ да будетъ всѣмъ хранителямъ Скорбной Памятки и жертвователямъ лучшимъ ободреніемъ при дальнѣйшихъ ихъ усиліяхъ сѣять добро святыми для насъ именами Царской Семьи.

Хотѣлось бы, чтобы по примѣру Инвалидовъ всѣ Русскіе люди, имѣвшіе случай воспользоваться больничной койкой имени Царской Семьи, въ дальнѣйшей своей жизни въ свою очередь посильно отблагодарили своихъ Царственныхъ Покровителей.

Всякое доброе, хотя бы мало замѣтное дѣло, совершенное въ Ихъ память, есть лучшая благодарность.

V.

Ниже приводится прекрасное стихотвореніе, написанное инвалидомъ въ далекой Болгаріи 2/VIII 1927 и мною недавно полученное, которое я съ особеннымъ чувствомъ помѣщаю на страницахъ «Скорбной Памятки». 28-го Іюля 1927 г. я выпустилъ призывъ о спасеніи отъ закрытія первой койки, установленной въ Память Царской Семьи въ скорбную десятую годовщину революціи. Этимъ призывомъ я положилъ начало моей работѣ по объединенію Русскихъ людей, чтущихъ память Государя Мученика и Его Семьи. «Скобная Памятка-Копилка» послужила лишь этапомъ къ переходу на путь къ широкой національной цѣли. И меня глубоко порадовало, что одновременно въ далекой Болгаріи неизвѣстный мнѣ инвалидъ, переживая тѣ же больныя чувства за общее равнодушіе къ жертвѣ Мученика Царя и Его Семьи, призывалъ именемъ Императора пробудиться Русскихъ людей.

Можно быть совершенно увѣреннымъ, что по всѣмъ государствамъ Инвалиды, такъ много отдавшіе Царю и Родинѣ, будутъ наиболѣе ревностными послѣдователями идеи «Скорбной Памятки», и, дастъ Богъ, ихъ примѣръ пробудитъ отъ сна, воспламенитъ сердца «инвалидовъ души» — малодушныхъ Русскихъ людей.

Дай Богъ, чтобы это скорѣе случилось. Тогда лучъ свѣта войдетъ въ нашу мрачную, полную развала Русскую жизнь въ изгнаніи.

Малодушные люди! Проснитесь!..
Пусть въ душахъ пламенѣетъ полетъ...
Пробудитесь! Въ сердцахъ встрепенитесь!..
Императоръ убитый зоветъ!..

«Мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ».
(Посл. Евр. 10, 30).

СКОРБЬ ИМПЕРАТОРА

Свершилось кошмарное дѣло:
Безпощадной и злобной рукой
Царь замученъ. Безстрашно и смѣло
Принялъ смерть Онъ со всею Семьей.

Палъ Царевичъ невинно убитый,
Мать Царица, Младыя Княжны, —
И въ крови драгоцѣнной пролитой
Виноваты мы, дѣти страны.

Слышу, звонъ погребальный несется,
Скорбь и стоны далекихъ полей, —
Этотъ стонъ нашъ страданьемъ зовется
За измѣну безумныхъ людей.

Измѣнили Царю и предали, —
Его смяли, какъ хрупкій цвѣтокъ,
Золотыя разбили скрижали...
Наказалъ насъ страданіемъ рокъ.

А душа Императора всюду:
И въ просторахъ кровавыхъ полей
Она чудится Русскому люду,
Въ тихомъ звонѣ, и въ блескѣ церквей,

И въ вечернемъ сіяньи лампады,
Въ огонькахъ отъ грошовыхъ свѣчей,
За стѣнами старинной громады,
И въ глуши позабытыхъ аллей.

Она въ вихряхъ и отблескахъ бури,
По полямъ, по лѣсамъ и морямъ,
Въ облакахъ на небесной лазури,
Улетая къ святымъ небесамъ...

Она тамъ, средь измученныхъ нынѣ
Поздней ночью, во мракѣ и мглѣ;
Тамъ въ пещерахъ и древней пустынѣ —
Она всюду на Русской землѣ...

Въ рудникахъ и цѣпяхъ заключенныхъ,
На кладбищахъ безкрестныхъ могилъ,
Среди плачущихъ душъ оскорбленныхъ,
Въ ореолѣ таинственныхъ силъ.

И витаетъ въ безгранномъ просторѣ,
Осѣненная смерти крыломъ,
Съ затаенною скорбью во взорѣ, —
Озаренная Правды огнемъ.

Она стонетъ, но въ мукахъ живая,
Неприступна подобно скалѣ,
Животворною силой пылая,
По распятой несется землѣ...

Малодушные люди! Проснитесь!..
Пусть въ душахъ пламенѣетъ полетъ...
Пробудитесь! Въ сердцахъ встрепенитесь!
Императоръ убитый зоветъ!..

В. И. Любвинъ.

2. VIII. 1927 г.
Русскій Санаторіумъ,
Княжево - Софійско.

Въ черные дни 10-ой годовщины порабощенія нашей Родины выходитъ въ свѣтъ «СКОРБНАЯ ПАМЯТКА». Милліоны русскихъ людей въ Россіи и внѣ ея проведутъ эти дни въ горячихъ молитвахъ и въ тяжелыхъ воспоминаніяхъ. Но особенно съ великой скорбью они вспомнятъ и помолятся о своемъ Мученикѣ Государѣ и о Его безпредѣльныхъ страданіяхъ въ эти дни гибели Россіи, Богомъ Ему порученной и измѣной людской у него отнятой.

И эта «Скорбная Памятка» ко днямъ печальной годовщины да послужитъ для истиннорусскихъ людей эмблемой траура, призывающей сотворить память о Царственныхъ Мученикахъ.

Октябрь, 1927 г.

Нью Іоркъ

СКОРБНАЯ ПАМЯТКА

Не случайно дано это имя книжечкѣ, посвященной Памяти Государя и Его Семьи. Въ Россіи съ давнихъ поръ жила маленькая книжечка съ именемъ «Солдатская Памятка». Мало было въ ней словъ, но слова ея составляли святыя заповѣди Солдата и Офицера.

Этими заповѣдями хранилась Слава, Честь и Величіе нашей Родины. Заповѣди говорили намъ о томъ, что такое Присяга, что такое Знамя и кто такой былъ нашъ Верховный Вождь. И пока чтили Русскіе люди эти заповѣди, до тѣхъ поръ Родина наша была «Великая Россія».

Но наступила война. Солдаты и офицеры въ безсчетныя могилы унесли эти заповѣди, а на Родинѣ забыли о нихъ.

Скоро въ грязь втоптали Присягу, заплевали Знамена, а Верховнаго Вождя Государя Императора **предали на смерть.** Умерли заповѣди, а съ ними умеръ Царь и умерла Россія.

И теперь черезъ десять лѣтъ въ память «Солдатской Памятки» вышла въ свѣтъ «Скорбная Памятка», но лишь съ одной заповѣдью:

«Чтить Память Государя Мученика и Его Семьи такъ свято, какъ чтить должны были мы и не умѣли чтить при Ихъ жизни».

Въ основу идеи выпуска «Скорбной Памятки» и «Книжечки-Копилки» заложена мысль положить начало сбора по крохамъ, дань русскихъ людей на скорбныя посильныя намъ «Лампады» ко днямъ нашего національнаго траура: 6 Декабря, былой день нашего національнаго праздника, и 17 Іюля, велико-скорбный день, день нашей національной смерти... (временной, если на то будетъ воля Бога).

Однѣми панихидами грѣхъ намъ отмѣчать эти дни.

9 лѣтъ уже минуло.

Приблизилась 10-ая годовщина **смерти, убійства, умерщвленія и истребленія Царской Семьи.**

Къ этому дню страшной 10-ой годовщины что-то должно быть сдѣлано нами.

Вѣдь 25-ти лѣтіе этого злодѣянія будемъ отмѣчать не мы, а дѣти наши.

Если небольшая, только вчера образовавшаяся группа русскихъ людей, въ силахъ обезпечить 4 больничныхъ койки въ память доро-

Да внесетъ эта «Скорбная Памятка» — копилочка—счастье въ каждую русскую семью живущую.въ Скорби о Россіи, молитвенно чтущую Память Мученика ЦАРЯ и Вѣру въ БОГА претворяющую добрымъ дѣломъ помощи несчастнымъ своимъ братьямъ. Молитвы Великомученицы Императрицы, да вознесутся о насъ къ Господу Богу за добро, которое будемъ совершать въ память Ея Семьи. Особенно горячо прошу настоятелей церквей принять въ Храмы Божіи и установить на свѣчныхъ столахъ этотъ Скорбный Памятникъ о Великихъ Царственныхъ Подвижникахъ. Пусть Ихъ лики зовутъ истинно вѣрующихъ людей къ добру, къ оказанію помощи несчастнымъ обездоленным и тяжко страдающимъ русскимъ людямъ

тихъ Страдальцевъ, то какъ много можно сдѣлать, даже крохами, собранными во едино, ко дню, Царской кровью вписанному въ исторію нашей Родины.

Русскіе люди по всѣмъ странамъ разсѣянія, во имя святой присяги, ими Царю данной и въ роковой Его часъ Имъ всѣмъ отпущенной, **должны** заработокъ свой этого страшнаго дня посвятить памяти своего Императора, всю свою жизнь посвятившаго и отдавшаго Родинѣ.

---

1) Каждаго чтущаго Память Мученика Царя и Его Семьи просятъ принять эту «Книжечку-Копилку».

2) Всѣхъ, кто въ состояніи хотя бы пятачекъ въ недѣлю удѣлить изъ своего заработка, горячо просятъ присоединиться къ выполненію святой идеи.

3) Маленькое скромное мѣсто удѣлите «Копилочкѣ» среди фотографій, альбомовъ и книгъ, напоминающихъ о Великихъ Мученикахъ.

4) Если порой душу вашу тронетъ чья-либо мольба, призывъ о помощи, но вы безсильны оказать ее изъ-за отсутствія времени, трудности отправки вашей лепты, то все же не дайте потухнуть безслѣдно въ душѣ Вашей искрамъ добрыхъ побужденій, мыслью объ однихъ несчастныхъ помогите другимъ, которые, быть можетъ, не менѣе несчастны и достойны принять эту помощь именемъ Царственныхъ Страдальцевъ

5) Въ дни радостей крохами помогите тѣмъ, кто сотворитъ горячую молитву о Царственныхъ Покровителяхъ.

6) Особенно горячая просьба о созданіи въ маленькихъ трудовыхъ русскихъ центрахъ хотя бы самыхъ крошечныхъ регулярныхъ сборовъ на «вѣнокъ», на «лампаду» Памяти Тѣхъ, Кого палачи лишили даже могилы.

7) При заполненіи копилки жертвой хранитель ея увѣдомляетъ объ этомъ «Кассу». Вскрытіе ея производится или представителемъ «Кассы» или лично хранителемъ ея, коему посылается ключъ отъ нея.

Расписка о принятыхъ деньгахъ немедленно пересылается.

Полугодовая отчетность будетъ посылаться каждому внесшему свою лепту.

8) Не менѣе 2-хъ разъ въ годъ (17/VII и 6/XII) «Касса» считаетъ себя вправѣ ожидать поступленія лепты, собранной копилкой.

Нижеприводимыя два стихотворенія, написанныя собственноручно Покойницей Императрицей и пересланныя изъ заточенія Царской Семьи, да послужатъ намъ предсмертной заповѣдью Государыни Мученицы творить добро, спѣшить на призывы ближняго и осушать слезы несчастныхъ.

Лишь этимъ въ силахъ мы искупить нашъ вольный или невольный грѣхъ и сотворить молитвенную память о Великихъ Страдальцахъ нашей Родины.

I.

Счастливъ тотъ, кто спѣшитъ неотступно
Къ простирающимъ руки къ нему,
И какое блаженство доступно
Черезъ это ему самому.

И нѣтъ высшаго, большаго счастья,
Какъ несчастнымъ судьбу облегчать.
Словомъ ласковымъ, словомъ участья
Въ дни тяжелые ихъ поддержать.

Счастливъ тотъ, кто всегда не забудетъ
Отозваться на горе другихъ,
Счастливъ тотъ, черезъ котораго будетъ
Хоть одной въ мірѣ меньше слезой.

II.

Не утолить всей скорби жадной,
Всѣхъ слезъ людскихъ не осушить,
И съ этой мыслью безотрадной
Мучительно и тяжко жить.

И счастливъ тотъ, кто въ день несчастья
Хоть разъ далъ руку бѣдняку
И осушилъ слезу участіемъ
И въ радость обратилъ тоску.

И Царская Семья всей Ея жизнью до конца дней своихъ свидѣтельствовала намъ о беззавѣтномъ желаніи отдать всѣ силы свои. страждущимъ и несчастнымъ русскимъ людямъ (вдовамъ, сиротамъ, инвалидамъ, бѣженцамъ...). Много жизней было спасено личными заботами Царской Семьи въ Ихъ собственномъ лазаретѣ въ дни войны. Сотни безвѣстныхъ раненыхъ были исцѣлены Ими и физически и духовно.

Безконечной заботой окружала Царская Семья своихъ раненыхъ. Не разъ въ слезахъ склонялись Царственныя Сестры надъ ихъ, полными страданій, больничными койками. Цвѣтами наполняли ихъ комнаты. Радостно встрѣчали побѣду жизни надъ смертью. Какъ родныхъ, благословляя, провожали Онѣ Своихъ выздоровѣвшихъ раненыхъ на новые подвиги, на смертельныя испытанія во имя счастья Россіи. А могилы усопшихъ становились родными могилами Царской Семьи. Но наступили дни «Свободы, Равенства и Братства». Наступилъ часъ «справедливой награды» Тѣмъ, Кто душу свои полагалъ за други свои.

Невинныхъ, чистыхъ, какъ ангелы, и въ эти дни тяжко больныхъ, боровшихся за собственную жизнь Сестеръ Великаго Милосердія безъ милосердія заточили, въ Сибирь сослали, тамъ умертвили, тѣла сожгли и пепелъ развѣяли...

Но святой трудъ Царственныхъ Сестеръ не можетъ быть забытъ. Въ далекой Сербіи находится сейчасъ исключительная свидѣтельница этого, мало кому извѣстнаго, святого труда Царской Семьи. Вѣроятно, единственная оставшаяся въ живыхъ сестра милосердія лазарета, гдѣ вся Царская Семья ежедневно отдавала свои силы въ заботахъ о раненыхъ. Эта сестра — Маргарита Сергѣевна Хитрово, до гроба личный другъ Царской Семьи, женщина — символъ мужества, безграничной любви и вѣрности **до конца.**

М. С. Хитрово — одна изъ немногихъ, кто своей любовью, молитвеннымъ обожаніемъ Царской Семьи въ дни, когда измѣна царствовала въ Россіи, облегчала Ихъ душевныя страданія на пути Ихъ къ Голгоѳѣ. Не вина ея въ томъ, что ей, послѣдовавшей за Царской Семьей въ Тобольскъ, не позволили раздѣлить съ Ними этотъ путь и Ихъ судьбу.

И нашъ долгъ преклониться передъ **вѣрностью и преданностью** этой женщины. Она, какъ никто иной, вправѣ сѣять добро именемъ горячо любимой Царской Семьи, и мы должны создать ей эту возможность.

Раненые лазарета могутъ завѣрить, что никто не вложитъ больше сердца въ это святое дѣло, чѣмъ М. С. Хитрово, ярко проявившая безграничную преданность Царской Семьѣ и самоотверженность въ служеніи раненымъ, въ дни войны, въ стѣнахъ собственнаго Ея Величества лазарета.

Ея два брата погибли въ борьбѣ за Россію.

М. С Хитрово уже изъявила не только согласіе о принятіи на себя Попечительства о всѣхъ устанавливаемыхъ «Кассой» койкахъ, но готова сдѣлать все въ своихъ силахъ для развитія идей «Скорбной Памятки.

Вотъ слова ея письма:

«Я уже писала Вамъ, насколько важнымъ, хорошимъ и свѣтлымъ я считаю сдѣланное Вами. Это то, чего давно хотѣла моя душа и что никто не смогъ осуществить до Васъ... До сихъ поръ я вездѣ всѣмъ и всегда разсказывала то хорошее, что я о Нихъ знаю и чему была свидѣтельницей. А теперь я счастлива не только словами, но и дѣломъ содѣйствовать достойному почитанію Ихъ Свѣтлой Памяти... Не правда-ли, всѣ мы, пережившие вмѣстѣ то незабвенное время въ лазаретѣ Царской Семьи и сохранившіе въ душѣ свѣтлый образъ нашихъ дорогихъ Сестеръ и горячую любовь къ Нимъ, должны составить какъ бы братство и работать для увѣковѣчения Ихъ свѣтлой памяти».

И эта мысль М. С. Хитрово именно та мысль, которая живетъ въ

сердцѣ каждаго, кто счастливой судьбой имѣлъ возможность близко познать Святую Царскую Семью.

И я самъ глубоко питаю надежду на то, что «братство» чтущихъ память Царской Семьи людей и создадимъ мы съ помощью безмолвной копилочки...

И это «братство» не словами, а только дѣломъ будетъ выражать скорбь и почитать память Государя и Его Семьи.

Центральная «Касса» всѣ средства, ею собираемыя, будетъ отправлять М. С. Хитрово —

Trg. S. V. Jovana 8, Novi Sad, Jougoslavia, —

для оказанія ею помощи тамъ, гдѣ нужда и горе наиболѣе остро стоитъ среди Русскихъ людей въ изгнаніи (т. е. на Балканахъ).

Не меньше половины собранныхъ средствъ будетъ удѣлено помощи инвалидамъ, братьямъ по крови тѣхъ, кто сочувствіемъ своимъ положилъ начало этому дѣлу.

При «Скорбной Памяткѣ» имѣется большая или малая стальная книжечка-копилка, открывающаяся особымъ ключемъ, находящимся въ «Кассѣ». На лицевой сторонѣ копилки имѣется фотографія Государя съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Въ книжечкѣ помѣщены: портретъ Государыни и 2 фотографическихъ снимка 4-хъ Великихъ Княженъ въ кругу раненыхъ.

Въ прорѣзъ для опусканія денегъ въ копилку вставлено древко съ приспущеннымъ, въ знакъ траура, нашимъ національнымъ флагомъ.

Себѣстоимость этихъ копилокъ банку, въ которомъ пріобрѣтаются онѣ, слѣдующая: Большая — $1.16, Малая — 45¢.

Лишь исключительныя условія позволяютъ «Кассѣ» выпускать «Скорбную Памятку», даже съ копилкой большого размѣра, съ надеждой на минимальный взносъ въ 50 сентовъ.

Адресъ «Кассы» слѣдующій:

1651 RESEARCH AVENUE, PELHAM BAY PARK, NEW YORK, N. Y.

Telephone: Underhill 3168

Центральная Касса объединяетъ всѣхъ хранителей Скорбной Памятки — копилки и выполняетъ 3 задачи:

1) Сборъ и отправку средствъ на содержаніе больничныхъ коекъ;

2) Производить дальнѣйшіе выпуски копилокъ;

3) Ежегодно 17 Іюля и, при возможности, 6 Декабря издаетъ очередную книгу «Скорбную Памятку». (Присылка цѣнныхъ матеріаловъ и фотографій поможетъ осуществить эту задачу). 2 раза въ годъ будетъ печататься отчетъ дѣятельности Кассы.

Намѣреніе оповѣщать періодически въ мѣстной Нью Іоркской газетѣ о результатахъ работы «Кассы» оказалось не осуществимымъ и отчетъ посланный въ редакцію газеты, не былъ напечатанъ.

Это обстоятельство лишаетъ «Кассу» возможности ставить членовъ ея въ курсъ хода работы.

Каждаго члена «Кассы» просятъ непосредственно письменно или лично выяснить любой вопросъ, касающійся отчетности, «Кассы» у завѣдующаго контролемъ ея Г-на А. М. Дмитріева, 60 Леноксъ авеню, Апартментъ 44, Нью Іоркъ.

Условія жизни въ Америкѣ, гдѣ 12 часовъ тратится на работу съ переѣздомъ, не позволяютъ поставить канцелярскую часть «Кассы» на надлежащую высоту, почему всегда возможны промахи и упущенія въ перепискѣ. За этого рода оплошности просятъ не винить строго. Отчетность же и контроль находятся въ рукахъ лица, всю свою жизнь работавшаго въ этой отрасли, и потому эта сторона будетъ внѣ какихъ либо нареканій.

Естественно, что удаленные отъ центральной Кассы, хранители «Скорбной Памятки» нуждаются въ своемъ мѣстномъ представителѣ «Кассы». Постепенно при распространеніи копилокъ это представительство будетъ поручаться людямъ, наиболѣе горячо воспринявшимъ идею «Кассы» и готовымъ посвятить себя этому дѣлу.

Этимъ Представителямъ будетъ предоставлено право пріема жертвы и пересылка ея непосредственно въ адресъ Попечительницы о всѣхъ больничныхъ койкахъ, «Кассой» установленныхъ, М. С. Хитрово Эрдели. Глубоко вѣрится, что идея «Кассы» будетъ ограждена отъ попытокъ вовлечь ее въ Общественную работу мѣстныхъ организацій, (хотя бы однородную съ идеей «Кассы»). Вполнѣ уважая идейныя убѣжденія каждаго хранителя «Скорбной Кассы», желательно имѣть представителя, не участвующаго въ активной работѣ организацій, встрѣчающихъ оппозицію другихъ національныхъ образованій, что обезпечитъ «Скорбной Памяткѣ» безболѣзненное распространеніе среди русскихъ людей, чтущихъ память Царской Семьи, внѣ зависимости отъ ихъ вѣрованій и убѣжденій.

Къ Организаціямъ Общественнаго характера покорнѣйшая просьба не пользоваться копилкой (я говорю не о кружкахъ) собственнаго изготовленія для сбора средствъ. У всѣхъ организацій имѣется слишкомъ много другихъ путей (до пользованія газетами включительно) для призывовъ и для сбора средствъ, что должно ихъ удержать отъ использованія единственнаго пути, созданнаго инвалидомъ и направленнаго на помощь инвалидамъ и вообще несчастнымъ русскимъ людямъ. Хотя идея копилки не нова, но въ условіяхъ нашей русской бѣженской жизни она примѣнена впервые и посвящена дѣлу и святому и глубоко національному. И копилочка эта не есть только коробочка для сбора денегъ, **это есть одухотворенный памятникъ о Царской Семьѣ, для каждой русской семьи, чтущей память Ея**

Не «Общество помощи ближнимъ въ Память о Царской Семьѣ», а «Касса Помощи ближнимъ въ Память о Царской Семьѣ», наимено-

Ея Величество и Великія Княжны Ольга и Татьяна Николаевны въ группѣ раненыхъ своего лазарета.

Ея Величество у постели больного маль чика, сына раненаго офицера. Этому мальчику дѣлали опера цію удаленія грыжи.

Великія Княжны Ольга и Татьяна Николаевны у постели раненаго послѣ перевязки

Великія Княжны Ольга и Татьяна Николаевны у постели раненаго.

Великія Княжны Ольга и Татьяна Николаевны
у постели раненаго выздоравливающаго

Великія Княжны Марія и Анастасія Николаевны, въ Пасхальное утро обходятъ и поздравляютъ раненыхъ своего (Θеодоровскаго) лазарета и каждому привязываютъ у изголовья красное яичко (писанку).

ваніе этого дѣла. Въ этомъ имѣется тотъ смыслъ, который, вѣроятно, не нуждается въ поясненіи. На маленькую копилку «Кассу» возложено выполнять безмолвно всю ту многосуетную работу, которая называется Общественной.

Память о Царской Семьѣ возможно почтить достойно именно только этимъ характеромъ безмолвнаго выраженія чувствъ скорби и раскаянія.

Какъ Центральная Касса, хотя и невидимо, но съ большимъ напряженіемъ и затратой массы энергіи и времени, ведетъ свое дѣло и будетъ впредь вести его, такъ и каждый членъ «Кассы» горячо призывается выполнять добровольно принятое на себя обязательство, руководствуясь лишь голосомъ совѣсти. Безъ слезныхъ просьбъ, безъ неустанныхъ напоминаній, безъ рѣчей, статей, базаровъ, баловъ и прочихъ грустныхъ, узаконенныхъ во всякой благотворительной дѣятельности пріемовъ будетъ вести свою работу «Касса», не задаваясь большой задачей, но радуясь выполненію хотя и малаго, но святого дѣла.

Ниже приводится краткій отчетъ о дѣятельности «Кассы» за полгода ея существованія (подробный отчетъ печатается лишь для лицъ, внесшихъ въ «Кассу» свою лепту).

КРАТКІЙ КАССОВЫЙ ОТЧЕТЪ

Со времени открытія по 1-е Іюня, 1928 г.

Приходъ

Взносы регулярныхъ участниковъ — — — — —	$494.25	
Взносы нерегулярныхъ участниковъ — — — — —	42.75	537.00
Вынуто изъ 60 копилокъ — — — — — — — — —		200.58
Поступило въ возвратъ стоимости:		
Копилокъ — — — — — — — — — — — — —	61.50	
Продажа фотографій — — — — — — — — — —	32.70	94.20
Поступило пожертвованій — — — — — — — —		136.21
Временный заемъ на организацію «Кассы» — —		200.00
		$1,167.99

Расходъ

Содержаніе коекъ въ Болгаріи и Сербіи. Переведено на имя: А. Е. Фельдманъ, Уполномоченнаго Краснаго Креста въ Болгаріи — — —	$198.60	
В. П. Страндтамъ въ Сербіи — — — — — — —	70.00	
Д. А. Абрамовичъ, Предс. Инв. Ком. въ Болгаріи	40.00	
М. С. Хитрова, Попечит. о больн. койк. «Кассы»	320.00	628.60
Затрачено на покупку 988 копилокъ — — — —		225.91
Лента, тесьма и пр. для копилокъ — — — — — —		43.12
Фотографическія карточки — 140 дюж. — — —		112.50
Типографскіе расходы — — — — — — — — — —		58.85
Траурные конверты — — — — — — — — — — — —		12.50
Бумага, конверты и книги для отчетности — —		16.00
Марки переводъ денегъ и отправка копилокъ —		29.93
Разъѣзды и доставка копилокъ — — — — — —		4.90
Всего въ расходѣ — — — — — — — —		**1,132.31**
Остатокъ н. д. на 1-го Іюня с. г. — — —		35.68
		$1,167.99

Бухгалтеръ «Кассы» **А. Дмитріевъ.**

Результатъ выполненной «Кассой» работы, въ большей половинѣ, совершенъ членами «Кассы», регулярно вносящими въ «Кассу» свою лепту.

Благодаря тому, что для перваго вскрытія копилокъ, «Касса» установила день 17 Іюля этого года, лишь небольшое число ихъ было вскрыто за это время. Почему только послѣ 17 Іюля можно будетъ дать отчетъ объ общемъ сборѣ жертвы русскихъ людей на это святое дѣло.

Въ дополненіе къ приведенному отчету необходимо отмѣтить, что поступленія въ «Кассу», главнымъ образомъ, исходили отъ лицъ, самообложившихъ себя регулярнымъ взносомъ. Первое общее поступленіе лепты, собираемой выпущенными копилками, ожидается лишь къ 17 Іюля. Только около 60 копилокъ поступило за это время для вскрытія, (при среднемъ сборѣ каждой около 4-хъ долларовъ).

Какъ исключительный примѣръ глубокаго сочувствія этому дѣлу, считаю себя вправѣ отмѣтить поступленіе лепты, собираемой копилкой № 90 генерала Р. П., уже дважды заполнившаго ее и сдавшаго въ «Кассу» 16 дол. 50 сентовъ. Заполненіе этой копилки шло и идетъ исключительно простымъ и трогательнымъ образомъ. Одинокій генералъ, снимающій комнату въ русской семьѣ, регулярно по субботамъ къ обѣденному времени выноситъ изъ своей комнатушки эту копилку, и каждый труженикъ этой семьи, только что принесшій въ домъ

свой недѣльный заработокъ, опускаетъ лепту, имъ самимъ установленную. Вѣроятно, въ этой семьѣ и обѣдъ субботній кажется вкуснѣе при сознаніи, что **«кто то, тамъ, въ далекой нашей странѣ»** поблагодаритъ Бога за помощь, ему присланную.

Какъ выше было сказано, «Касса», по идеѣ своей дѣятельности, отказывается отъ всякихъ правъ въ распоряженіи средствами, ею собираемыми. Она будетъ направлять ихъ полностью въ Сербію Попечительницѣ о больничныхъ койкахъ Имени Царской Семьи. Лишь при организаціи этого дѣла пришлось нарушить этотъ принципъ, дабы по возможности удовлетворить поступавшія въ «Кассу» обращенія о высылкѣ «Скобной Памятки», а также дабы распространить ее тамъ, гдѣ есть увѣренность на сочувствіе этой идеѣ русскихъ людей.

Въ настоящее время существуетъ глубокая вѣра, что больше этотъ принципъ нарушаться не будетъ и расходы будутъ самые минимальные.

На попеченіи «Кассы помощи блажнимъ въ Память о Царской Семьѣ» находятся ЧЕТЫРЕ больничныхъ койки.

Первая, установленная «Обществомъ Памяти Царя Мученика и Его Семьи» въ скорбную память 10-лѣтія революціи. Открыта она въ Болгаріи, въ Софійскомъ хирургическомъ Госпиталѣ, въ Мартѣ 1927 года по предложенію Уполномоченнаго Кр. Креста Г-на Л. Е. Фельдмана въ бытность его въ Нью Іоркѣ. Принята была эта койка имъ, какъ дорогая гостья, въ лучшій въ Болгаріи Госпиталь для хирургическихъ больныхъ и плата за нее была имъ назначена много ниже себѣстоимости госпиталю въ 20 долл. Нѣсколько мѣсяцевъ не получая отъ Общества средствъ на ея содержаніе, онъ сохранялъ ее въ увѣренности въ то, что забота о ней наладится и существованіе ея обезпечится. За это отношеніе г-на Л. Е. Фельдмана къ идеѣ учрежденія койки, «Касса» глубоко признательна ему.

Вторая койка открыта въ Ноябрѣ въ томъ же Госпиталѣ въ Память Наслѣдника Цесаревича для сиротъ и дѣтей Инвалидовъ.

Обѣ эти койки оказали многимъ несчастнымъ русскихъ людямъ безцѣнную помощь. Однимъ спасли жизнь, другихъ избавили отъ мучительной болѣзни. Благодарственныя письма больных и свидѣтельства, полученныя отъ Упр. Краснаго Креста, ярко говорятъ о громадномъ значеніи существованія этихъ коекъ.

Третья койка учреждена въ память Государя Императора въ стремленіи почтить день Ангела Его 6 Декабря 1927 г. Она была открыта въ Санаторіи для туберкулезныхъ инвалидовъ, въ Княжево Софійско, въ Болгаріи. Плата ея — 10 долларовъ за содержаніе больного Инвалида въ мѣсяц. Очень бы хотѣлось удовлетворить горячее обращеніе инвалидовъ и установить въ той же санаторіи рядъ безплатныхъ коекъ. Много чахоточныхъ инвалидовъ гибнутъ въ Болгаріи,

не имѣя возможности хотя бы пріостановить свою ужасную болѣзнь, для чего такъ необходимы отдыхъ и питаніе.

Было бы глубоко трогательно, если бы въ домахъ, гдѣ часто собираются гости, происходятъ карточныя игры, развлеченія, звучатъ пѣсни, установился бы обычай — просить каждаго гостя опустить въ копилочку хотя бы четвертакъ, и тогда чахоточный инвалидъ съ улицы былъ бы взятъ подъ покровительство имени покойной Царской Семьи и ,быть можетъ, воскрешенъ къ жизни. Подумайте объ этомъ, русскіе люди, и если можете, то и осуществите это доброе дѣло.

Четвертая больничная койна въ память святого труда Царственныхъ Сестеръ Милосердія открыта въ Сербіи, въ Госпиталѣ Краснаго Креста, 1-го Мая этого года.

Открытіе этой 4-ой койки произошло съ исключитцельно большимъ запозданіемъ не по винѣ КАССЫ, которая съ 12 Декабря прошлаго года регулярно высылала на ея содержаніе 20 долларов. Обращеніе «Кассы» объ открытіи этой койки было сдѣлано непосредственно по изданіи «Скорбной Памятки» въ Ноябрѣ прошлаго года.

Предъявленное Уполномоченнымъ Краснаго Креста условіе для открытія койки — обезпеченіе ея содержанія въ одномъ госпиталѣ на годъ или въ другомъ на шесть мѣсяцевъ впередъ, явилось непосильнымъ и непріемлемымъ для «Кассы», что и затянуло открытіе этой койки.

Цѣна за содержаніе ея (37 долларовъ) также затрудняетъ «Кассѣ» развитіе работы въ Сербіи, что нарушаетъ стремленіе о равномѣрномъ распредѣленіи заботъ «Кассы» въ этихъ государствахъ.

Принимаются мѣры къ установленію связи съ инвалидной организаціей въ Сербіи, забота о больныхъ коей, быть можетъ, будетъ также доступна «Кассѣ», какъ и въ Болгаріи.

II.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода въ свѣтъ «Скорбной Памятки-Копилки», Инвалидный Комитетъ въ Нью Іоркѣ приступилъ было къ выпуску собственной «Инвалидной Копилки» съ фотографіей на ней Инвалида.

Всей душой сочувствуя усиліямъ, направленнымъ для развитія святого дѣла помощи Инвалидамъ, и самъ работая на этомъ поприщѣ, я вынужденъ былъ обратиться къ Предсѣдателю Инвалиднаго Комитета съ горячей и убѣдительной просьбой воздержаться отъ примѣненія копилки, **какъ посвященной и принадлежащей исключительно дѣлу увѣковѣченія Памяти Государя и Его Семьи.**

«Касса Помощи Ближнимъ въ Память о Царской Семьѣ» готова была бы отдать всѣ сборы свои на дѣло лишь Инвалидовъ, но, памятуя, что во имя Памяти о Царской Семьѣ долгъ нашъ въ равной степени оказывать помощь наиболѣе несчастнымъ Русскимъ людямъ,

«Касса» часть ея средствъ направила на заботу о больныхъ дѣтяхъ, престарѣлыхъ и вообще страдающихъ нашихъ соотечественникахъ.

И, выполняя по мѣрѣ силъ свой братскій долгъ Инвалидамъ, «Копилочка Памяти Царской Семьи» вдругъ чуть не оказалась соперничающей съ «Копилкой Инвалида» въ задачѣ одной вытѣснить другую и собрать побольше денегъ подъ свой флагъ и свою почти абсолютно тождественную идею.

Между тѣмъ при хорошо повсюду поставленной Инвалидной организаціи можно было бы широко распространить «Копилку Скорбной Памяти» и тѣмъ создать «Кассѣ» больше возможности для оказанія помощи Инвалидамъ. Особенно въ пользу этого говоритъ глубина и святость обѣихъ идей.

Безъ сомнѣнія, для каждаго Инвалида идея «Скорбной Памятки» близка и дорога такъ же, какъ для дѣла «Кассы» дорога помощь Инвалидамъ, особенно потому, что это дѣло создано Инвалидомъ.

Трудно повѣрить, что найдется Инвалидъ, который согласился бы замѣнить своимъ изображеніемъ образъ Мученика Царя на памятникѣ-копилочкѣ, посвященномъ Ему въ скорбную годовщину гибели Россіи.

Хотѣлось бы, чтобы Русскіе люди повсюду отнеслись къ идеѣ «Скорбной Памятки-Копилки» **не какъ къ Американской изобрѣтательности,** не защищенной законнымъ патентомъ, а **какъ къ глубоко идейному національному творчеству, которое долгъ всѣхъ оберечь, укрѣпить и развить.**

Но если сегодня появится «Инвалидная Копилка», то можно быть увѣреннымъ, что завтра появятся — туберкулезная, дѣтская и т. д. съ соотвѣтственными фотографіями и «памятками», и тогда дѣло столь святой идеи, создавшее свой собственный путь и успѣшно дѣлавшее свои первые шаги, будетъ погублено. И не большая заслуга будетъ у тѣхъ, кто разрушитъ это дѣло, созданное однимъ человѣкомъ, да и то инвалидомъ.

Высказанные мной доводы были Предсѣдателемъ Инвалиднаго Комитета приняты во вниманіе, и я былъ завѣренъ о пріостановкѣ выпуска «Инвалидной Копилки».

Уже сдѣлано обращеніе черезъ Попечительницу о больничныхъ койкахъ М. С. Хитрово о томъ, чтобы на учрежденныя «Кассой» койки принимались по возможности въ равной мѣрѣ Инвалиды и не инвалиды.

Печатные органы, сочувствующіе изданію этой книги и воспользовавшіеся матеріалами изъ нея, я горячо прошу открыть подписку на это дѣло, направляя всѣ средства въ адресъ М. С. Хитрово-Эрдели.

Если найдутся люди, которые пожелаютъ сдѣлать доклады по содержанію этой книги, я также прошу ихъ призвать слушателей сдѣлать сборъ для сотворенія Памяти о Царственныхъ Мученикахъ.

Только общими усиліями мы можемъ сдѣлать много добра и, дѣйствительно, не словомъ, а дѣломъ почтить Память Царской Семьи.

Обладая большимъ количествомъ рѣдкостныхъ фотографій и множествомъ рукописей Царской Семьи, я постараюсь подѣлиться этими сокровищами со всѣми чтущими память Ихъ.

Каждому, наполнившему копилку и сдавшему въ «Кассу» свою лепту, будутъ посланы фотографическіе снимки этихъ реликвій.

Надѣюсь, не найдется профессіональныхъ дѣльцовъ, которые, добывъ ихъ, будутъ торговать копіями съ нихъ. Фотографіи эти есть частная собственность, матеріальная цѣнность ихъ посвящена дѣлу «Кассы».

Сохранялись они съ рискомъ для жизни, почему недостойно кому бы то ни было продавать или покупать ихъ помимо «Кассы».

Я покорнѣйше прошу увѣдомить «Кассу» въ случаѣ появленія въ продажѣ этой книги или помѣщенныхъ въ ней фотографій, а также въ случаѣ появленія копилокъ, выпущенныхъ для сбора средствъ на задачи общественнаго характера, хотя бы и близкія по идеѣ цѣлямъ, поставленнымъ «Кассой».

III.

На ряду съ исключительнымъ сочувствіемъ, которымъ Русскіе люди, чтущіе Память Царской Семьи, встрѣтили, какъ идею «Скорбной Памятки», такъ и форму осуществленія ея, я долженъ отмѣнить и примѣры неуспѣха ея.

Въ стремленіи быстрѣе развить сѣть больничныхъ коекъ въ Память Царской Семьи, мною было въ Декабрѣ послано нѣкоторое количество «Скорбныхъ Памятокъ-Копилокъ» въ крупный центръ русской жизни въ Америкѣ съ просьбой къ Генералу и общественному дѣятелю, распространить «Скорбную Памятку-Копилку» и привлечь сочувствіе къ идеѣ ея. Одновременно, пересылая ключи отъ копилокъ, просилъ совершенно самостоятельно руководить работой и отчетностію, пересылая всѣ деньги на Балканы. Отвѣтъ полученный мной, былъ типично «русскій національный».

«Идея Скорбной Памятки — великолѣпна, но русскіе нашего края не любятъ мѣшаться съ русскими Вашего края. Мы уже привыкли къ этому и хотимъ выступать подъ именемъ нашего города. Но вы не огорчайтесь, такъ какъ мы все-же Вамъ глубоко благодарны за созданіе и существленіе этой идеи. Къ сожалѣнію, быть полезнымъ Вамъ въ распространеніи копилокъ мы не можемъ. Будемъ проводить въ жизнь Вашу идею, но другимъ способомъ, по особой конструкціи».

Дополнительно я былъ увѣдомленъ, что Общественный Комитетъ, созданный этимъ Генераломъ, обсудивъ идею «Скорбной Памятки», постановилъ: дѣло помощи ближнимъ въ Память о Царской Семьѣ направить на удовлетвореніе мѣстной потребности, для чего рѣшено приступить къ сбору «капитала», проценты съ котораго обезпе-

чать стипендію русскому юношѣ въ Американскомъ Университетѣ и содержаніе ребенка въ дѣтскомъ саду этого города.

На мою горячую просьбу вернуть посланныя мною копилки «Скорбной Памятки», мнѣ было отвѣчено, что, до изготовленія собственныхъ копилокъ, сборъ «капитала» ведется копилками, отъ «Кассы» полученными. Естественно, я уже обратился съ покорнѣйшей просьбой — средства, собранныя копилками «Кассы», направить или в «Кассу», или въ Сербію, но ни въ какомъ случаѣ не въ «капиталъ» мѣстнаго благотворительнаго учрежденія.

Я также просилъ воздержаться отъ пріобрѣтенія собственныхъ копилокъ. Очень грустно, что иногда Русскіе общественные дѣятели не по праву говорятъ отъ имени Русскихъ людей.

Врядъ ли всѣ Русскіе люди будутъ благодарны тѣмъ, кто лишилъ ихъ возможности приблизиться къ Правдѣ о Царской Семьѣ. Вѣроятно, эти общественные дѣятели думаютъ, что для этого святого дѣла нужна лишь «форма», которую можно «заимствовать» и подгонять подъ «мѣстный характеръ».

Еще другой примѣръ. Лицо столь же высокаго званія, проживающее въ другомъ городѣ Америки, по полученіи «Скорбной Памятки-Копилки», запросило меня о цѣломъ рядѣ вопросовъ, вызывающихъ его непониманіе. Среди этихъ вопросовъ два особенно яркихъ: 1) Нужно-ли класть въ копилку свои пожертвованія? и 2) Какую роль играетъ выскакивающій флагъ? Какая цѣль его? Далѣе слѣдуетъ: «Надо намъ такъ разсказать, какъ производится сборка и разборка винтовки... Короче, у насъ никто понять не могъ, какъ оперировать съ этой копилкой и что съ ней дѣлать по ея наполненіи». Просьбу этого лица я выполнилъ и растолковалъ всѣ детали, какъ новобранцу. Съ тѣхъ поръ прошло 4 мѣсяца, но свѣдѣній никакихъ не имѣю.

А въ это же время отъ строевого офицера изъ Токіо получилъ письмо съ восторженнымъ отзывомъ объ идеѣ «Скорбной Памятки» и ея формѣ и съ сообщеніемъ, что не всѣ копилки получены имъ отъ меня съ наличіемъ флага. Цитирую письмо: «Между тѣмъ, я считаю, что этотъ стягъ съ національнымъ флагомъ есть одно изъ геніальныхъ психологическихъ факторовъ и что безъ него впечатлѣніе сильно теряется. Посему я уже заказалъ ихъ здѣсь и только тогда буду распространять копилки.

А вотъ еще ярче и проще выявленное отношеніе къ копилкѣ.

Въ день выхода въ свѣтъ «Скорбной Памятки-Копилки» въ помѣщеніи, гдѣ происходилъ общественный митингъ, къ столу, на которомъ стояли копилки, подошелъ старый колонистъ-крестьянинъ и, протягивая долларъ, взялъ копилку. Я попросилъ его занести свое имя и адресъ въ книгу, на что онъ отвѣтилъ:

— Я не грамотный...

На мой вопросъ, что же онъ будетъ дѣлать съ «Скорбной Памяткой», онъ отвѣтилъ:

— А я подъ образа поставлю ее...

Священникъ изъ глухой провинціи сообщилъ, что простой Русскій фармеръ, увидя «Скорбную Памятку» въ его домѣ, на мгновеніе какъ бы застылъ, а потомъ сталъ на колѣни, перекрестился и поцѣловалъ, какъ фотографіи, такъ и нашъ національный флагъ. Узнавъ отъ священника, что онъ можетъ имѣть «Скорбную Памятку», онъ оставилъ 2 доллара, какъ жертву на это доброе дѣло.

Какъ радостно узнавать о горячихъ чувствахъ безграмотныхъ людей и какую глубокую печаль вызываютъ проявленія «грамотныхъ»...

НѢТЪ БОЛЬШЕ СІЯ ЛЮБВИ...

I.

БОЛЬШЕ СІЯ ЛЮБВИ НИКТО ЖЕ ИМАТЬ, ДА КТО ДУШУ СВОЮ ПОЛОЖИТЪ ЗА ДРУГИ СВОЯ. —

Эти великія слова Святаго Евангелія были основой вѣрованія и путеводной звѣздой жизни Царственныхъ Страдальцевъ.

Всю жизнь свою несли Они тяжелый крестъ, волею Всевышняго выпавшій Имъ, и у преддверія могилы, въ дни ужасныхъ страданій, безъ тревоги о своей судьбѣ Они лишь призывали Всемогущаго Бога спасти дорогую Ихъ Родину и простить прегрѣшенія Русскаго Народа.

И эта, чудомъ вырвавшаяся изъ-за ограды Ихъ заточенія, предсмертная мольба Императрицы Мученицы о спасеніи дорогой Родины нынѣ впервые передается Русскимъ людямъ, какъ яркій примѣръ святой вѣры, великаго терпѣнія и безграничной всепрощающей любви...

Пусть каждый Русскій съ молитвеннымъ благоговѣніемъ прочтетъ эти строки Той, Кто слезами, кровью и нечеловѣческими страданіями вписала въ исторію Россіи свою беззавѣтную вѣрность Родинѣ и любовь къ Народу·

Тѣ, кто ослѣплены злобой и чужды сознанія своей вины въ несчастіяхъ нашей Родины, пусть безжалостно порочатъ память Ея, а мы, безконечно повинные, помолимся горячо о всѣхъ Тѣхъ, Кто ужъ предсталъ на Судъ Божій, и сотворимъ память о Нихъ добрымъ дѣломъ по мѣрѣ нашихъ силъ и какъ сердце намъ это подскажетъ.

II.

Прежде чѣмъ открыть страницы предсмертныхъ писемъ Императрицы, которыя говорятъ о безграничной вѣрѣ Ея въ милость Бога, я считаю необходимымъ привести отрывокъ бесѣды Государыни со мной, Ея раненымъ, незадолго до революціи. Нѣсколько строкъ этой бесѣды ярко свидѣтельствуютъ объ образѣ мыслей Ея Величества при толкованіи Ею того, что такъ часто безсиленъ умъ человѣческій понять и объяснить.

Конецъ 16-го года. Грозныя тучи низко нависли надъ страной. Не-

довольство, недовѣріе, разочарованіе и усталость — все объединилось, и громкій ропотъ и критика раздавались повсюду. Политическая атмосфера, сгущенная до крайности, нуждалась лишь въ искрѣ, чтобы вызвать стихійный пожаръ. Для многихъ было ясно, что что-то грозное и неизбѣжное надвигается на Россію. И все это лучше всѣхъ насъ чувствовала, видѣла и знала Государыня и въ бесѣдахъ со Своимъ раненымъ, лишь подтверждавшимъ Ей о неблагополучіи въ Арміи, съ ея расхлябанными штабами и гнилымъ тыломъ и вождями Арміи, охотно уступившими свой авторитетъ «вождямъ народнымъ», Она спокойно выслушивала все это и неизмѣнно повторяла:

— Но подождите, еще нужно потерпѣть немного, и все трудное, все мрачное, что мы видимъ сейчасъ, останется позади. Весна принесетъ намъ побѣду и окончаніе войны. Тогда всѣ образумятся и поймутъ, что всѣ ихъ слова были одна ложь и клевета. Имъ будетъ стыдно за все то, что они дѣлаютъ якобы въ заботахъ о счастьѣ Родины, а въ дѣйствительности, во вредъ ей. Но Господь не дастъ злу торжествовать. Онъ откроетъ истину, и люди познаютъ правду.

Мнѣ было тяжело слышать слова Ея Величества, видя, что только глубокой вѣрой въ милость Бога живетъ Государыня, беззащитная отъ всеобщей клеветы, поношенія и хулы. И я съ горечью говорилъ:

— Ваше Величество, сейчасъ у людей нѣтъ ни Бога, ни правды. Они не хотятъ и не вѣрятъ ни во что святое. Да и гдѣ, Ваше Величество, Богъ, когда на землѣ совершается столько ужаснаго, когда жертвуютъ собой и гибнутъ наиболѣе честные и идейные люди всѣхъ странъ. Вѣдь теперь эта война свелась къ самоистребленію народнаго цвѣта, а позади повсюду творится безбожье и безчестіе. И если справедливость Бога была бы на землѣ, Онъ не могъ бы допустить и позволить совершаться этому. И я самъ, вѣрующій въ глубинѣ своей души, временами не хочу вѣрить, что Онъ руководитъ справедливостью, караетъ преступленія.

Государыня при подобныхъ моихъ словахъ каждый разъ порывисто останавливала меня и говорила:

— Не говорите такъ, не говорите — это грѣшно. Вы не можете понять, въ чемъ Божья мудрость, въ чемъ Божья воля, къ чему ведетъ насъ Господь, но вы должны слѣпо положиться на Его волю, отдаться на Его провидѣніе, иначе нельзя жить, нельзя вынести все то, что порой выпадало и выпадаетъ на человѣчество. **Вспомните страданія первыхъ христіанъ-мучениковъ, вѣдь и среди нихъ были, быть можетъ, малодушные, не понимавшіе, во имя чего выносятъ они все то, что падало на ихъ голову. Но теперь, когда христіанство царствуетъ во всемъ мірѣ, всѣмъ ясно, что страданія первыхъ христіанъ послужили началомъ и основой непобѣдимаго ученія Христа. И память ихъ почитается, и примѣромъ ихъ страданій люди въ горѣ находятъ себѣ облегченіе.** И это ужасное кровопролитіе, переживаемое нами, Богомъ послано для блага человѣчества. Мы не можемъ сейчасъ сказать, во имя чего со-

вершаются всѣ эти ужасы, что послѣдуетъ вслѣдъ за ними... Возможно, ни намъ, ни нашимъ дѣтямъ не будетъ дано понять великую мудрость Бога, и лишь наши потомки будутъ понимать Божью волю и славить Его имя. И вы не должны такъ говорить, какъ говорили сейчасъ. Вы, близко видѣвшіе на себѣ Божью милость и чудо своего спасенія, должны проникнуться мыслью, что Божіимъ Промысломъ и рукой Невидимаго Творца вы были защищены. Впереди у васъ еще такъ много жизни и, быть можетъ, тяжелаго, что лишь одинъ Богъ можетъ помочь и облегчить вашъ путь.

Эти слова Государыни, несмотря на несбывшуюся надежду Ея на милость Господа Бога къ Родинѣ нашей, имѣютъ глубокій вѣщательный смыслъ. И мы должны преклониться передъ силой любви Великой Подвижницы, которая до самой смерти Своей, проходя черезъ тягчайшія испытанія, не теряла вѣры и оставалась твердой въ своемъ убѣжденіи, что какъ страданія Христа и послѣдователей Его, такъ и всѣ непостижимыя уму человѣческому событія совершаются по волѣ Творца и для цѣлей, Ему лишь извѣстныхъ.

И мы должны вѣрить, что и наша Святая Царская Семья не напрасно пролила Свою безвинную кровь. Придетъ время, и Господь откроетъ человѣчеству непостижимую намъ «жестокость» Его, допустившаго великое кровопролитіе міра, ужасную судьбу Народу Русскому и мученическую смерть Царственныхъ Защитниковъ и Проповѣдниковъ Слова Божьяго.

III.

Ниже привожу выдержки изъ части писемъ Ея Величества.

«28 Мая, Ц. С.

Все можно перенести, если Его (Бога) близость и любовь чувствуешь и во всемъ Ему крѣпко вѣришь. Полезны тяжелыя испытанія, они готовятъ насъ для другой жизни, въ далекій путь. Собственныя страданія легче нести, чѣмъ видѣть горе другихъ, и не будучи въ возможности имъ помочь. Очень много Евангеліе и Библію читаю, такъ какъ надо готовиться къ урокамъ съ дѣтьми, и это большое утѣшеніе съ ними потомъ читать все то, что именно составляетъ нашу духовную пищу. И каждый разъ находишь новое и лучше понимаешь. У меня много такихъ хорошихъ книгъ, всегда выписываю изъ нихъ. Тамъ никакой фальши. Вы когда-нибудь читали письма Іоанна Златоуста къ діакониссѣ Олимпіадѣ? Я ихъ теперь опять начала читать. Такая глубина въ нихъ, навѣрное, Вамъ понравились бы. Мои хорошія книги мнѣ очень помогаютъ. Нахожу въ нихъ отвѣты на многое. Они силы даютъ, утѣшеніе и для уроковъ съ дѣтьми. Они много глубоко понимаютъ — душа растетъ въ скорби. Вы это сами знаете. Завтра въ 12 часовъ молебенъ. Татьянѣ будетъ 20 лѣтъ уже.

Они здоровы всѣ, слава Богу. Надо Бога вѣчно благодарить за все, что далъ, а если и отнялъ, то, можетъ быть, если безъ ропота все переносить, будетъ еще свѣтлѣе. Всегда надо надѣяться. Господь такъ великъ, и надо только молиться, молиться, неутомимо Его просить спасти дорогую Родину. Стала она быстро, страшно рушиться въ такое малое время. Но тогда, когда все кажется такъ плохо, что хуже не можетъ быть, Онъ милость Свою покажетъ и спасетъ все. Какъ и что, это только одному Ему извѣстно... Хотя тьма и мракъ теперь, но солнце ярко свѣтитъ въ природѣ и даетъ надежду на что-то лучшее. Вы видите, Мы вѣру не потеряли, и надѣюсь никогда не потерять, она одна силы даетъ, крѣпость духа, чтобы все перенести. И за все надо благодарить, что могло бы гораздо хуже... Не правда-ли? Пока живы и мы съ нашими вмѣстѣ — маленькая крѣпко связанная семья. А они что хотѣли?..*) Вотъ видите, какъ Господь великъ. Мы и въ саду бываемъ (т. е. на свободѣ). А вспомните тѣхъ другихъ**), о, Боже, какъ за нихъ страдаемъ, что они переживаютъ, невинные... Вѣнецъ имъ будетъ отъ Господа. Передъ ними хочется на колѣняхъ стоять, что за насъ страдаютъ, а мы помочь не можемъ, даже словомъ. Это тяжелѣе всего. Больно за нихъ, но и для нихъ, я вѣрю крѣпко, будетъ еще хорошее (мзда многа на небесахъ) и здѣсь еще. Но здоровье у нихъ уже не то будетъ, а души у нихъ растутъ, и Онъ имъ силы дастъ крестъ нести. Есть кому тяжело тамъ безъ мамы, но вѣра спасетъ ее. Безъ слезъ не могу вспомнить. Но она знаетъ (гдѣ бы она и ни была), душа моя съ ней, и тѣ, кто меня истинно любятъ, должны это вспоминать, а то разлука была бы невыносимой. Но быть безъ извѣстій такъ тягостно, такъ тяжело. Вы удивлены, что я такъ вдругъ откровенно пишу, но письмо не пойдетъ почтой, а нашего новаго коменданта менѣе стѣсняюсь. Мы посѣщали его въ Ліаносовскомъ лазаретѣ, снимались вмѣстѣ, такъ что совсѣмъ другое чувство, и потомъ онъ настоящій военный. Хотя не завидую ему — очень ужъ ему трудно должно быть. Но Богъ его наградитъ за каждую доброту. Вы видите, опять Богъ помогъ. Все таки чувствуемъ себя иначе, разъ онъ нашъ начальникъ и цензоръ. Прежде онъ самъ страдалъ. Голова немного устала, много сегодня другихъ писала, а скоро урокъ. Пора вставать. Да благословитъ и хранитъ Васъ Господь Богъ на всѣхъ путяхъ и да дастъ Онъ Вамъ внутренній миръ и тишину. Самый сердечный привѣтъ.

Ваша Сестра.

«29-го Мая. Ц. С. — Мама мнѣ переписала хорошую молитву, которую Она Сама каждый день читаетъ. Она такая трогательная. Почему меня такъ полюбила, не знаю. Будьте нѣжны съ ней, не стѣсняй-

*) Ея Величество имѣетъ въ виду попытку Временнаго Правительства отдѣлить лишеннаго свободы Государя отъ Его Семьи.

**) Государыня говоритъ о томящихся въ тюрьмахъ Русскихъ людяхъ, почитаемыхъ новой властью «врагами Русскаго народа».

Отъѣздъ Царственныхъ Сестеръ Милосердія изъ Лазарета, провожаемыхъ ранеными.

тесь побольше о себѣ говорить. А то ей трудно, должно быть. Вы говорите, что не умѣете, но это не такъ, только отвыкли и не хотите тяжести жизни съ ней дѣлить, хотите Ее беречь, но у матери чуткое сердце, и Она душой съ Вами страдаетъ. Понимая Вашъ характеръ, знаю, что Вамъ не легко, и оттого дома пусто. Иные интересы, мысли, мечты. Она пишетъ, что сердце стало лучше, я такъ рада... Какъ тяжело читать газеты... Гдѣ мы? Куда дошли? Но Господь спасетъ еще Родину. Въ это крѣпко вѣрю. Только гдѣ дисциплина? Сколько гадостей о Немъ пишутъ: слабоуміе и т. д. Хуже и хуже, бросаю газеты, больно, больно все время. Все хорошее забыто, тяжело ругательства про любимаго человѣка читать, несправедливость людей и никогда ни одного хорошаго слова... Не позволяютъ, конечно, печатать, но вы понимаете, что за боль. Когда про Меня гадости пишутъ — пускай, это давно начали травить, Мнѣ все равно теперь, а что Его оклеветали, грязь бросаютъ на Помазанника Божія, это черезчуръ тяжело. Многострадальный Іовъ. Лишь Господь Его цѣнитъ и наградитъ за Его кротость. Какъ сильно внутри страдаетъ, видя разруху. Это никто не видитъ. Развѣ будетъ другимъ показывать, что внутри дѣлается, вѣдь страшно Свою Родину любитъ, какъ же не болѣть душой, видя, что творится. Не думала, что за три мѣсяца можно такую анархію видѣть, но надо до конца терпѣть и молиться... молиться, чтобы Онъ все спасъ. А Армія .. плачешь, не могу читать, бросаю все и вспоминаю страданія Спасителя, Онъ для насъ, грѣшныхъ, умеръ, умилосердится еще, можетъ быть. Нельзя все это писать, но это не по почтѣ, и новый комендантъ цензоръ не будетъ Меня бранить, я думаю, а Вы не теряйте вѣру, не надо, не надо, а то уже не хватитъ силъ жить. Увидятъ сами, что дисциплина и порядокъ нуженъ, что не надо бояться быть сильнѣе плохихъ разрушительныхъ элементовъ, которые только стараются скорѣе видѣть гибель Россіи. Они не патріоты, ничего святого у нихъ нѣтъ... Наступленія ждутъ, медлятъ опять... О, больно, больно на душѣ, но Онъ спасетъ, поможетъ, услышитъ молитвы любящихъ Россію... Простите, что все это пишу, можетъ, разорвутъ эту страницу. Вы бѣдную маму обрадуете Вашимъ присутствіемъ. Вы знаете, что Вы ей нужны, развѣ это не хорошо? Я свою маму потеряла, когда Мнѣ было 6 лѣтъ, а отца въ восемнадцать. Большое утѣшеніе ихъ имѣть, знать, что она всегда Васъ съ любовью ждетъ, молится всѣми силами за Васъ. Вы ей нужны. Очень жаль Васъ не видѣть и не имѣть возможности съ Вами говорить. Настроеніе Ваше такое грустное, мрачное, безнадежный взглядъ на все. Если бы видѣлись, можетъ быть, могла немного помогать, облегчить и выяснить, а на бумагѣ не умѣю, не знаю, какъ писать, не то выходитъ и кажется такъ пусто. Сильно хочется помочь и постараться мракъ разсѣять. Не надо такъ на все смотрѣть, не все потеряно, Господь спасетъ еще дорогую Родину, но терпѣливо придется ждать (конечно, сложа руки самое трудное), но это должно кончиться. Вы про исторію говорите. Да, все это было раньше и будетъ

Отъѣздъ Ея Величества и Ихъ Высочествъ изъ Ѳеодоровскаго Собора.

опять, все повторяется, но иногда Господь Богъ по инымъ путямъ народъ спасаетъ. Въ людей, Вы знаете, Я почти не вѣрю, но зато всѣмъ Своимъ существомъ въ Бога, и все, что случится, не отниметъ эту вѣру. Не понимаю, но знаю, что Онъ понимаетъ и все къ лучшему творитъ. Люди стали все хуже и хуже. Содомъ и Гоморра въ столицѣ, а на фронтѣ?.. Мало лучше въ городахъ, за это наказаніе и много изъ тѣхъ уже пострадали. Всѣ, которые (изъ хорошихъ, но глупыхъ и смѣшныхъ) все ругали и осуждали, видятъ, какую кашу заварили, а теперь боятся, что крестьяне все у нихъ отнимаютъ, что кажется имъ несправедливо... потому что сильно больно. Для души это полезно. Тѣ, кто въ Бога крѣпко вѣруютъ, тѣмъ это годится для (вотъ слова не могу найти) опыта совершенствованія души, другимъ для опыта... Господь ихъ наградитъ, вѣрьте. Я знаю одного старика, который долго сидѣлъ (въ тюрьмѣ), выпустили, опять сидитъ, и онъ сталъ свѣтлымъ, глубоко вѣрующимъ и любовь къ Г. (Государю) и вѣру въ Него и Бога не терялъ *). Если награда не здѣсь, то тамъ въ другомъ мірѣ, и для этого мы и живемъ. Здѣсь все проходитъ, тамъ — свѣтлая вѣчность. О, вѣрьте этому! Вы молоды, Вамъ трудно объ этомъ думать, но разъ въ жизни пострадаете, найдете въ этомъ утѣшеніе. Испытанія всѣмъ нужны, но надо показать и твердость во всемъ и все перенести съ крѣпкой вѣрующей душой. Нѣтъ такихъ невзгодъ, которыя бы не проходили. Господь нашъ это обѣщалъ въ Своемъ безконечномъ милосердіи, и мы знаемъ, какое непостижимое блаженство Онъ готовитъ любящимъ Его. Помоги Онъ всѣмъ перенести съ такой покорностью Его святую волю... «Не все на небѣ будетъ ночь, авось и солнышко проглянетъ». Его дорога оставлена, чтобы намъ идти, путь тернистый, но Онъ его передъ нами прошелъ, — пусть и крестъ нашъ такъ же, какъ Онъ, понесемъ. Не умѣю писать, но молюсь горячо, да облегчитъ Онъ Вамъ Ваши страданія за другихъ, да утѣшитъ и подкрѣпитъ Онъ Васъ. Помните, какъ Вашъ любимый отецъ всѣ жестокости и несправедливости перенесъ... Да, иногда жизнь, здоровье не выносятъ, а духъ долженъ. Вы меня хорошо знаете и понимаете мое искреннее желаніе помочь Вамъ. Люди плохи, и Онъ наказываетъ, наказываетъ примѣромъ. Царство зла теперь на землѣ. Но Онъ выше всего. Онъ все можетъ повернуть къ лучшему. Увидимъ еще лучшіе дни. Вы молоды, увидите еще другое, не будьте малодушнымъ. У кого совѣсть чиста, тотъ и клевету и несправедливость легче переноситъ. Не для себя мы живемъ, а для другихъ, для Родины (такъ это и понимали). Больше, чѣмъ Онъ дѣлалъ, невозможно. Но разъ сказали для общаго блага...**) Но не вѣрю, что Господь не вознаградитъ за это. А тѣ, которые такъ гнусно поступили, имъ глаза будутъ открыты, у многихъ это уже и есть. Психологія массы — страшная вещь. Нашъ народъ ужъ очень некультуренъ, — оттого, какъ стадо барановъ, идутъ

---

*) Возможно, Государыня думаетъ о Генералѣ Сухомлиновѣ.
**) Ея Величество имѣетъ въ виду вынужденное отреченіе Государя Императора.

Великія Княжны Марія и Анастасія Николаевны присутствуютъ при играхъ раненыхъ своего лазарета.

Великія Княжны Марія и Анастасія Никола вны въ томъ-же (Өеодоровскомъ) лазаретѣ среди раненыхъ.

Посѣщеніе Ихъ Высочествами Великими Княжнами Ольгой и Татьяной Николаевнами Палаточнаго лазарета.

Пріѣздъ Ихъ Высочествъ Великихъ Княженъ Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны въ Ѳеодоровскій лазаретъ.

29го Мая 1917 г. Ц. С.

Милая моя,

Сердечное Вамъ спасибо за длинное письмо отъ 22го — которое вчера получила — все глубоко меня тронуло — Ваша любовь и вѣра. Спасибо что меня не забываете, Ваши письма большая для меня радость. Какъ Господь милостивъ что далъ намъ познакомиться — теперь особенно цѣнно такую дружбу. — Имѣю извѣстія отъ Сына — не былъ здоровъ, простудился, хворалъ — но теперь, слава Богу, ему лучше. Бывшій узникъ знакомый скоро будетъ у Васъ. Поздравляю Васъ его новымъ чиномъ — наконецъ получилъ — [illegible] все получаютъ въ свое время, но теперь надо ему хорошее здоровье. Я ему писала что мы въ переписке, онъ будетъ оттому радъ. Не бойтесь что онъ вѣру потеряетъ — Богъ услышитъ Ваши молитвы и тѣхъ другихъ которымъ онъ сталъ хорошимъ другомъ. Знаю какъ ему трудно и не

Первая страница письма Ея Величества
изъ Царскаго Села

за волной. Но дать имъ понять, что обмануты, — все можетъ пойти по иному пути. Способный народъ, но сѣрый, ничего не понимаетъ. Разъ плохіе вездѣ работаютъ на гибель, пускай хорошіе стараются спасти страну. Надо избавиться отъ врага внѣшняго — это первый долгъ, а съ такими войсками стало безумно трудно, но не совсѣмъ безнадежно — есть патріоты настоящіе, есть Богъ. А мы въ тылу должны молиться всѣми слабыми силами — умолять Его спасти Родину. И Онъ услышитъ, умилосердится. Многое еще перенести придется. Плохіе не станутъ лучше, но зато есть гдѣ-то хорошіе, но, конечно, слабые «капли въ морѣ», какъ Вы ихъ называете, но всѣ вмѣстѣ могутъ быть современемъ потокъ очищающей воды и смоютъ всю грязь.

Надо кончать. Всегда за Васъ молюсь. Всѣ шлютъ горячій привѣтъ. Храни Васъ Богъ. Всего, всего наилучшаго, скорѣйшаго выздоровленія и душевнаго спокойствія.

Старая Сестра А.

«29-го Мая 17 г. — Милая моя, сердечное Вамъ спасибо за длинное письмо отъ 22-го, которое вчера получили. Все глубоко Меня трогаетъ — Ваша любовь и вѣра. Спасибо, что Меня не забываете. Ваши письма для Меня большая радость. Какъ Господь милостивъ, что далъ намъ познакомиться, теперь особенно цѣнна такая дружба. Имѣю извѣстія отъ сына, не былъ здоровъ, простудился, лежалъ, но теперь, слава Богу, ему лучше. Бывалъ у общихъ знакомыхъ, скоро будетъ у Васъ. Поздравляю Васъ съ его новымъ чиномъ, наконецъ получилъ, годъ спустя. Все получаешь въ свое время. Но теперь ему надо хорошее здоровье. Я утѣшала, что мы въ перепискѣ, онъ будетъ этому радъ. Не бойтесь, что онъ вѣру потерястъ, Богъ услышитъ Ваши молитвы и тѣхъ другихъ, которыхъ онъ сталъ вѣрнымъ другомъ. Тучи черныя, гроза, туманъ покрываютъ будущее, это бываетъ трудно безъ ропота выносить. Но и это пройдетъ. Солнце опять заблеститъ, а тамъ впереди яркое сіяніе, тамъ все будетъ намъ ясно, тамъ награда за всѣ тяжелыя переживанія. Земная школа суровая, и впереди экзаменъ насъ ждетъ, надо къ этому каждому готовиться, трудные сложные уроки изучить. Все и вездѣ и во всемъ борьба, но внутри должна быть тишина и миръ, тогда все переносить можно и почувствуешь Его близость. Не надо вспоминать огорченія — ихъ столько, а принять ихъ, какъ полезное испытаніе для души, а если начнешь роптать, то теряешь почву подъ ногами и становишься такимъ мелкимъ, самолюбивымъ. Есть самолюбіе, которое надо имѣть, но есть и другое, которое надо топтать подъ ногами — это ложное. Что это я Вамъ все это говорю, Вы лучше меня знаете. Но надо во всемъ хорошее и полезное искать. Вѣдь въ нашу пользу Онъ насъ укоряетъ или попускаетъ бѣды для испытанія и укрѣпленія души. Зло великое въ нашемъ мірѣ царствуетъ теперь, но Господь выше этого, надо только терпѣливо вынести тяжелое и не позволить худому брать верхъ въ нашихъ душахъ.

28го Іюня.
1917г.

Сердечно Васъ благода-
рю за милую открыт-
ку и красивые цвѣты.
Какъ Вы поживаете?
Надѣюсь что южное
солнышко Васъ скоро
совсѣмъ поправитъ. —
Часто вспоминаю про-
шлый годъ. Шлю го-
рячій привѣтъ.

X М.

Письмо Ея Высочества. Великой Княжны Маріи Николаевны изъ Царскаго Села.

Пускай зло помучаетъ, потревожитъ, но душу ему не отдадимъ. Вѣримъ, глубоко вѣримъ, что награда тамъ будетъ и, можетъ быть, еще здѣсь... Видѣть, знать о страданіяхъ дорогихъ сердцу людей — вотъ это мука великая, и ее перенести спокойно ужасно трудно. Передаешь ихъ мысленно въ Его милосердныя руки и знаешь, что души ихъ не погибнутъ. Растутъ онѣ, какъ цвѣты открываются, если умѣютъ вѣрить и молиться. Самъ Спаситель передъ глазами. Они съ Нимъ крестъ несутъ... Боже, помоги имъ, умилосердствуй, спаси, утѣшь ихъ. Сердце ноетъ, помочь нельзя... Вы спрашиваете, не утомляютъ ли меня уроки. Нѣтъ, милая. Хотя голова иногда побаливаетъ, когда подрядъ три урока Закона Божія, но это ничего, такъ рада съ дѣтьми заниматься, и это Мнѣ помогаетъ. Потомъ бываетъ чтеніе и диктовка на другихъ языкахъ, но время оттого летитъ. До 12 лежу, и они около постели занимаются, а потомъ въ классной или у Алексѣя. Вы хотѣли знать, какъ сплю — послѣднее время опять плохо, но это все равно. Когда жарко, то сердце шалитъ попрежнему. Опять лежу въ саду, или на креслѣ Меня катаютъ. Это лучше. Иногда цвѣты собираю, но сгибаться для сердца нехорошо и больно. Но пока не могу жаловаться.

Нѣжно Васъ цѣлую, родная, перекрещаю. Господь съ Вами. Моливенно и мысленно съ Вами.

Сестра.

«4 Іюня. — Погода стоитъ очень хорошая. Каждый день маленькій вѣтерокъ, который Мнѣ помогаетъ жару переносить. Дѣти уже очень загорѣли, особенно Марія. Они всѣ Васъ цѣлуютъ. Жизнь та же самая, учатся каждый день, надо побольше догнать, такъ какъ зимой болѣли, и при томъ время скорѣе проходитъ. Они не могутъ, какъ раньше, быть цѣлый день на балконѣ или въ саду... такъ что Онъ и Алексѣй по утрамъ часокъ гуляютъ (маленькій играетъ на островкѣ). Отъ двухъ до пяти всѣ, а Онъ съ дѣвочками отъ 7 съ половиной до восьми. Все таки много на воздухѣ, и это имъ полезно всѣмъ, и физическая работа для Государя необходима, съ дѣтства къ этому привыкъ. Съ покойнымъ Отцомъ вмѣстѣ лѣсъ пилили и рубили, такъ Онъ и теперь со своими людьми дѣлаетъ. Иногда, если хорошіе солдаты, то помогаютъ нести дрова. Теперь у Него есть много времени читать, что послѣдніе годы рѣдко удавалось. Онъ страшно историческую и военную литературу любитъ, но трудно послѣ стольких лѣтъ быть безъ бумагъ, телеграммъ, писемъ... Съ покорностью, безъ ропота все переноситъ, Его касающееся, но какъ за Родину страдаетъ... за Армію — это Вы и Александръ Владиміровичъ сами понимаете. Невыносимо тяжело видѣть эту быструю разруху во всемъ... обидно больно — вся работа пропала. Одинъ Господь можетъ еще любимую Родину спасти, и я не теряю эту надежду, хотя много еще тяжелаго придется перенести. Есть хорошіе люди (хотя ихъ мало). У меня вообще

Открытка написанная Ея Высочествомъ Великой Княжной Анастасіей Николаевной, 28/VI 1917 г. въ Царскомъ Селѣ.

давно мало довѣрія къ людямъ, слишкомъ много зла видѣла въ свою жизнь, но я Богу вѣрю, и это главное, Ему все возможно.

Ну, пора кончать. Храни Васъ Богъ. Крѣпко цѣлую,

Сестра.

«Такъ странно раненыхъ не видѣть, быть безъ этой работы. 15-го августа было бы три года, какъ работали въ лазаретѣ, но наша отставка это испортила. Но мнѣ всегда хочется надѣяться, что вдругъ, если много работы будетъ и не хватитъ рукъ, опять вернутъ на мѣсто. Что почувствуютъ старые раненые, если опять ихъ привезутъ и старыхъ сестеръ найдутъ? Но это фантазія — не сбудется. И безъ насъ довольно сестеръ милосердія. Но сомнѣваюсь, чтобы всѣ такъ любили работу, какъ мы, чувствовали, что помогаешь, облегчаешь. Иногда очень больно дѣлаешь, обижаешь невольно. Такъ чудно потомъ. Страшно интересны всѣ операціи. А сколько новыхъ знакомыхъ нашли, только мое здоровье мѣшало мнѣ ѣздить въ другіе лазареты, и это было жалко и очень сожалѣю, но силъ не хватало послѣдній годъ.

Сестра.

17-го Октября, 1917 годъ. Тобольскъ.

Мои мысли Васъ много окружаютъ. Столько мѣсяцевъ ничего о Васъ не знала, и Вы мои 7 писемъ не получили. Только 2. Письмо послѣдній разъ въ концѣ Іюля. Перестала почти писать, только изрѣдка. Боюсь другимъ повредить. Выдумаютъ опять какую-нибудь глупость. *)

Никто никому не вѣритъ, всѣ слѣдятъ другъ за другомъ. Во всемъ видятъ что-то ужасное и опасное. О, люди, люди! Мелкія тряпки. Безъ характера, безъ любви къ Родинѣ, къ Богу. Оттого Онъ и страну наказываетъ.

Но не хочу и не буду вѣрить, что Онъ ей дастъ погибнуть. Какъ родители наказываютъ своихъ непослушныхъ дѣтей, такъ и Онъ поступаетъ съ Россіей. Она грѣшила и грѣшитъ передъ Нимъ и не достойна Его любви. Но Онъ всемогущій — все можетъ. Услышитъ, наконецъ, молитвы страдающихъ, проститъ и спасетъ, когда кажется, что конецъ уже всего. Кто свою Родину больше всего любитъ, тотъ не долженъ вѣру потерять въ то, что она спасется отъ гибели, хотя все идетъ хуже. Надо непоколебимо вѣрить. Грустно, что рука его не поправилась, что не пріійдется вернуться на старое мѣсто — но это лучше. Невыносимо тяжело и не по силамъ было бы. Будьте бодрой. Оба не падайте духомъ. Что же дѣлать, придется страдать, и чѣмъ больше здѣсь, тѣмъ лучше тамъ. Послѣ дождя — солнце, надо толь-

---

*) Государыня имѣетъ въ виду правительственную и частную шумиху въ «контръ-революціи», вызванную поѣздкой въ Тобольскъ М. С. Хитрово.

ко терпѣть и вѣрить. Богъ милостивъ, своихъ не оставитъ. И Вы увидите еще лучшіе дни. Александръ Владим. молодъ — много впереди. Надо перенести смертельную болѣзнь, потомъ организмъ окрѣпнетъ и легче живется и свѣтлѣе. Молюсь всѣмъ сердцемъ, нѣжно обнимаю.

Сестра А.

«8 Ноября.

Очень грустно, что не имѣемъ отъ Васъ писемъ. Писала последній разъ 25 октября, и А. Демидова писала Вамъ часто. Такъ жду. Теперь настоящая зима, дошло до 14 градусовъ и много снѣга, льда. Они его колютъ, что хорошо грѣетъ. Рѣдко очень выхожу, т. к. не могу дышать изъ-за сердца. Въ церковь ходимъ въ 8 утра, тишина и страшная темнота. Попрежнему занимаюсь съ дѣтьми, вышиваю и читаю, готовлю Рождественскіе подарки. Надѣюсь, что А. В. не въ Петроградѣ. Ничего не знаемъ, что творится. Телеграммъ нѣтъ. Тяжело и мрачно, но не падаемъ духомъ, но вѣримъ непоколебимо: не до конца гнѣвается. Часто Васъ, дорогихъ, вспоминаю. Какъ здоровье? Вспоминаю, горячо всегда молюсь. Пишите скорѣе. Крѣпко Васъ обнимаю. Христосъ съ Вами. Сердечный привѣтъ А. В. Всего лучшаго.

А.

«15-го Ноября.

Отъ души благодарю за открытку отъ 27 октября. Какъ у Васъ? Очень безпокоюсь за Васъ обоихъ. Передайте сыну большое сердечное спасибо за письмо и открытку съ дороги. Очень надѣюсь, что уѣхалъ изъ Петрограда: ужасно, что тамъ творится. Мысленно молитвенно съ Вами. Храни Васъ Христосъ. Крещу. Нѣжно цѣлую. Годъ, что простились. Сколько у Васъ тревогъ, да поможетъ Вамъ Господь и сохранитъ Вашихъ дорогихъ.

А.

27 Ноября, 1927 г.

Милая...

Анна Демидова получила Ваше письмо отъ 9-го и 25 октября и отъ души Васъ благодаритъ. Попробую и я Вамъ писать. Дай Богъ получить, хотя многое потеряется. Мы понимаемъ, какъ страшно тяжело у Васъ на душѣ. Ваши дорогіе уѣхали отъ Васъ, ничего о нихъ не знаете. Въ такое безпокойное неестественное время все трудно перенести. Боишься за дорогихъ, но Господь Богъ не оставитъ ихъ и услышитъ Ваши молитвы. Вашу молитву часто читаю и Васъ вспоминаю. Въ молитвѣ утѣшеніе; жалѣю я тѣхъ, которые находятъ немоднымъ, ненужнымъ молиться. Не понимаю даже, чѣмъ они живутъ. Духовный міръ далекъ отъ нихъ, все суета и суета. Оттого все такъ плохо пошло. Онъ не можетъ благословить и дать удачу такимъ. Всѣ забыли и Родину и правду. Живутъ ложью, только о собствен-

ныхъ выгодахъ и думаютъ. Неимовѣрно тяжело видѣть гибель народа дорогой страны, но Христосъ не оставитъ своихъ, не дастъ погибнуть всѣмъ невиннымъ. Соблазнъ и разруха всего, тьма покрываетъ все, стыдъ и срамъ, до чего въ это короткое время дошли, развѣ совѣсть у нихъ все еще спитъ? А когда послѣдняя ихъ минута придетъ, когда передъ вѣчнымъ судомъ будутъ стоять... хочется имъ кричать: «Проснитесь, душа погибаетъ». Земное короткое существованіе проходитъ, а что тамъ ихъ ждетъ? Милосердный Господь, сжалься надъ несчастной Родиной, не дай ей погибнуть подъ гнетомъ «свободы». Простите, что такъ пишу, но вырвалось, крикъ души. Слишкомъ сильно я свою Родину люблю, нелегко видѣть, какъ съ удовольствіемъ все разрушаютъ, мучаютъ — позоръ. Довольно этого! Христосъ Спаситель нашъ умеръ, страдалъ за грѣхи наши и спасетъ страну еще. Крѣпко этому вѣрю. Сегодня праздникъ Знаменія, и вчера Васъ и А. В. вспоминали.
самый сердечный привѣтъ. Дѣти Васъ цѣлуютъ.

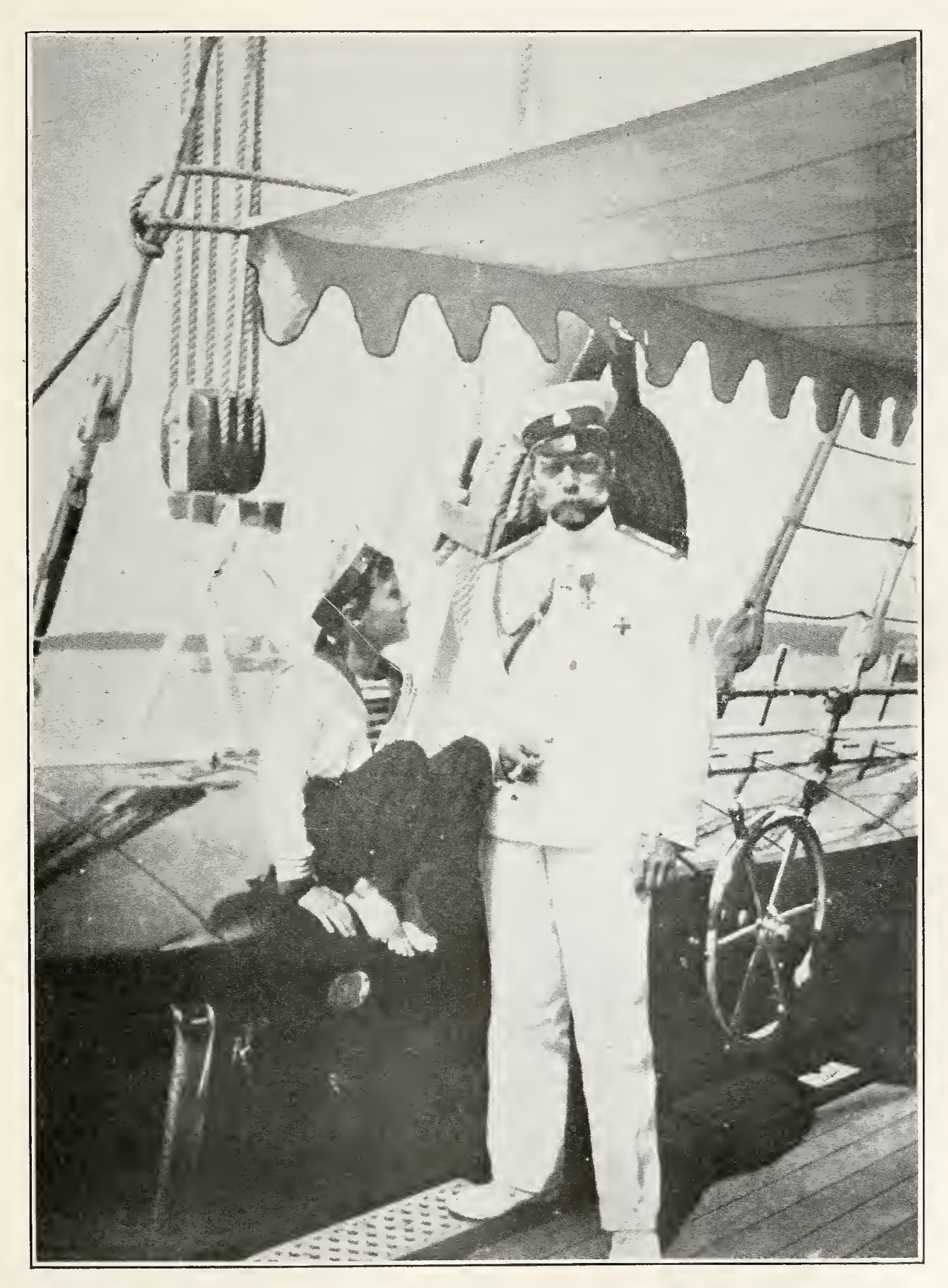
Да хранитъ Васъ Господь Богъ. Нѣжно Васъ цѣлую. Шлю Вамъ
Всѣмъ сердцемъ Ваша, **Сестра А.**

Тобольскъ, 29 Ноября, 1917 г.

Получила сегодня отъ мамы открытку, она пишетъ подъ впечатлѣніемъ Вашего письма изъ Вологды. Да, Господь Богъ Васъ опять спасъ, и впредь не оставитъ. Сердечное спасибо за открытку изъ Иркутска. — Изъ Тюмени, къ сожалѣнію, все еще не переслали, такъ скучно! Тяжело мамѣ, что Вы такъ далеко, и она долго о Васъ ничего не узнаетъ.

Могу себѣ представить, какъ ужасно все, что тамъ пережили (кровавыя октябрьскія событія въ Москвѣ). Тяжело неимовѣрно, грустно, обидно, стыдно, но не теряйте вѣру въ Божію милость, Онъ не оставитъ Родину погибнуть. Надо перенести всѣ эти униженія, гадости, ужасы съ покорностью (разъ не въ нашихъ силахъ помочь). И Онъ спасетъ, долготерпѣливъ и милостивъ — не прогнѣвается до конца. Знаю, что Вы этому не вѣрите, и это больно, грустно. Безъ этой вѣры невозможно было бы жить...

Многіе уже сознаются, что все было — утопія, химера... Ихъ идеалы рухнули, покрыты грязью и позоромъ, ни одной хорошей вещи не сдѣлали для Родины — свобода — разруха — анархія полная, вотъ до чего дошли, жаль мнѣ даже этихъ идеалистовъ (когда они добрые), но поблагодарю Бога, когда у нихъ глаза откроются. Лишь о себѣ думали, Родину забыли, — все слова и шумъ. Но проснутся многіе, ложь откроется, вся фальшь, а весь народъ не испорченъ, заблудились, соблазнились. Некультурный, дикій народъ, но Господь не оставитъ, и святая Богородица заступится за Русь бѣдную нашу.

На «Штандартѣ» въ Шхерахъ

Надѣюсь, что благополучно получите письмо, напишите сейчасъ.

До свиданія. Желаю Вамъ всего хорошаго. Господь съ Вами. Будьте бодрымъ. Самый сердечный привѣтъ. **Сестра.**

«Много о Васъ, милая, думаю; грустно и тоскливо на душѣ. Тяжела разлука съ дорогими и любимыми... безъ извѣстій.

Но Господь милостивъ и ихъ охраняетъ и услышитъ молитвы и видитъ слезы матери. **Боже мой — эти переговоры о мірѣ... Позоръ величайшій. А по моему глубокому убѣжденію, Господь этого не допуститъ.** По моему, самое худшее прошло — хотя много еще тяжелаго впереди. Но душа какъ-то чувствуетъ свѣтъ. Невозможно падать духомъ. Чувствуешь, что что-то свыше поддерживаетъ все время и даетъ надежды на лучшіе дни, свѣтлые. Но терпѣть надо еще и.... молиться. Милая, читайте теперь почаще акафистъ «Нечаянной Радости» (образъ въ Кремлѣ). Я ее много читаю и нужна она всѣмъ крѣпко вѣрующимъ.

Рождество близко и... миръ, но миръ душевный хочется видѣть въ русскихъ сердцахъ, а не измѣну съ нѣмцами. Солнце сіяетъ за тучами, мы его только не видимъ, но оно старается намъ показаться — откроемъ глаза, поднимемъ сердца, раскроемъ души, призовемъ Матерь Божью на помощь Родинѣ. Сегодня праздникъ Нечаянной Радости. Господь съ Вами, милая. Горячо Васъ люблю, за Васъ обоихъ молюсь и за Россію. **Сестра.**

Какими огненными буквами должны войти въ исторію Россіи и въ сердца Русскихъ людей эти слова письма Царицы: **«Боже мой — эти переговоры о мирѣ.... позоръ величайшій.... А по моему глубокому убѣжденію, Господь этого не допуститъ»...**

А какъ еще недавно вся Россія, весь міръ шепталъ — Царица хочетъ сепаратный миръ съ нѣмцами заключить, Россію, союзниковъ предать...

Верховный революціонный главнокомандующій Алексѣевъ бросаетъ тѣнь измѣны на Императрицу только потому, что во дворцѣ, въ комнатахъ Царя, Верховнаго вождя Арміи, была найдена карта Русскаго фронта. Г-нъ Керенскій въ своихъ заграничныхъ газетныхъ статьяхъ увѣряетъ, что онъ создавалъ революцію для того, чтобы не допустить Царя заключить сепаратный миръ съ нѣмцами. Русское общество, аристократія, Члены Госуд. Думы — всѣ боролись тоже во имя этой идеи... и побѣдили. И вотъ наканунѣ заключенія позорнаго Брестскаго мира, подготовленнаго всѣми этими побѣдителями... изъ далекой Сибири, изъ заточенія, наканунѣ принесенія послѣдней своей жертвы Отечеству — собственной жизни, Царица въ отчаяніи восклицаетъ: «Боже мой — эти переговоры о мирѣ позоръ величай-

шій»... Но развѣ въ этомъ только позоръ, а не въ той клеветѣ, подлой лжи, которую общими усиліями возвели на Ея Величество.

«10 Декабря.

Какіе теперь грустные праздники! Помню письма съ фронта прошлую зиму — какъ елку готовили — концертъ, подарки старой части тоже. Да — хорошо, что заранѣе не знаемъ, что судьба намъ готовитъ!

Да, живешь въ прошломъ и въ надеждѣ лучшихъ дней. Не надо такъ мрачно смотрѣть — голову наверхъ — бодрѣе всѣмъ въ глаза смотрѣть. — Никогда надежду не терять — непоколебимо вѣрить, что пройдетъ этотъ кошмаръ. Не все потеряно — страна молодая — какъ послѣ смертельной болѣзни, организмъ еще больше окрѣпнетъ — такъ и съ дорогой Родиной будетъ. Вспомните мои слова — я такъ много пережила, страдала — старая въ сравненіи съ Вами — но все-таки сильнѣе вѣрю и надѣюсь, чѣмъ Вы.

Господь испытываетъ — а потомъ облегчитъ — полечитъ всѣ ужасныя раны. Немного еще потерпѣть, съ новымъ годомъ будутъ лучшіе дни — хотя много еще тяжелаго впереди — больно, столько кровопролитій, больно ужасно! Но правда должна окончательно побѣдить. Вы молоды годами, много еще впереди работы всѣмъ, острый періодъ пройдетъ, и тогда придется всѣми силами снова работать, строить, творить, поправить, чтобы Родина окрѣпла. Бываютъ времена, когда нигдѣ себѣ мѣста не найдешь, да я этого еще не испытывала, всегда была занята чѣмъ-то, благодаря Богу, раньше все въ большомъ видѣ, теперь съ дѣтьми. Вамъ, конечно, въ сто разъ хуже, но повѣрьте мнѣ, не можетъ быть вѣчно плохо. Не могу Васъ убѣдить, такъ какъ ничего не знаю о Васъ, но глубоко вѣрю въ Божіе милосердіе и справедливость — надо страдать за большой грѣхъ, искупить вину, — потомъ поймете.

Будемъ обо всемъ этомъ говорить, но гдѣ, когда, какъ — это Богу одному извѣстно. Какъ же жить, если нѣтъ надежды? Надо быть бодрымъ, и тогда Господь дастъ душевный миръ.

Больно, досадно, обидно, стыдно, страдаешь, все болитъ, исколото, но тишина на душѣ, спокойная вѣра и любовь къ Богу, который своихъ не оставитъ и молитвы усердныхъ услышитъ и помилуетъ и спасетъ.

Смотрите на любимую природу — тамъ солнце ярко свѣтитъ и такъ она должна въ душѣ свѣтить и удалять черныя тучи.

Безпокоюсь за очень дорогихъ въ Петроградѣ. Плохо тамъ очень, большіе безпорядки и ужасы, говорятъ, опять тамъ — и всетаки душа бодрствуетъ, это Господь Богъ даетъ надежду и спокойствіе. Безпокоишься больше 3-хъ лѣтъ за дорогихъ. Устало сердце, но молишься безъ конца и вѣрится.

Скучное пишу Вамъ, но такъ хочу моему бывшему раненому другу помочь и опять не удается — не умѣю словъ найти, но постарайтесь понять, что Богъ выше всѣхъ, и все Ему возможно, доступно. Люди ничего не могутъ. Одинъ Онъ спасетъ, оттого надо безпрестанно Его просить, умолять спасти Родину дорогую, многострадальную.

Какъ я счастлива, что мы не заграницей, а съ ней все переживаемъ. Какъ хочется съ любимымъ больнымъ человѣкомъ все раздѣлить, вмѣстѣ пережить и съ любовью и волненіемъ за нимъ слѣдить, такъ и съ Родиной.

Чувствовала себя слишкомъ долго ея матерью, чтобы потерять это чувство — мы одно составляемъ, и дѣлимъ горе и счастье. Больно намъ она сдѣлала, обидѣла, оклеветала и т. д., но мы ее любимъ все-таки глубоко и хотимъ видѣть ея выздоровленіе, какъ больного ребенка съ плохими, но и хорошими качествами, такъ и Родину родную. Но довольно объ этомъ. Да, природа самое лучшее, но и она все-таки мѣняется, лѣтомъ, зимой: Туманы, буря, шквалы и такъ далѣе, такъ и съ человѣкомъ и такъ же со страной — все повторяется, но масштабъ другой.

Что у другихъ лучше: не думаю, чтобы Вы тамъ сумѣли жить. Надо раньше найти въ себѣ покой и миръ, тогда можно вездѣ жить, въ свободѣ, въ узахъ, тяжело, можетъ быть, страшно, но душа должна оставаться не тронута: крѣпка, глубока, тверда, какъ стѣна. Вѣдь, какъ жестоко другіе все разрушаютъ, что самъ строилъ съ отвагой, любовью — больно, но перенести долженъ человѣкъ. Если бы видѣли боль и кротость, Вы бы поняли Его (т. е. Царя).

4 мѣсяца, что мы здѣсь — что въ неволѣ. Помните вечера въ лазаретѣ и у насъ. Столько неизгладимыхъ воспоминаній на всю жизнь. Дай намъ Богъ встрѣтиться въ новомъ году — очень надѣюсь. Тяжело вдали отъ всѣхъ друзей.

Желаю Вамъ въ новомъ году добраго здоровья, мира душевнаго, работы и счастья. Шлемъ горячій привѣтъ и пожеланія. До свиданія! Будьте хранимы (крещу). Всего наилучшаго, поправляйтесь. Скорѣе ждемъ извѣстій.

Сестра.

«27 Декабря.

Сколько у Васъ тревогъ и переживаній! И все придется одной въ себѣ держать. Какъ хотѣлось бы Васъ видѣть, утѣшить, согрѣть страдающую душу. Кто теперь не страдаетъ? Сколько слезъ и молитвъ, стоны и рыданія поднимаются къ Творцу Небесному. Неужели Онъ не услышитъ вопль? Да, услышитъ и пошлетъ утѣшеніе, бодрость духа, умилосердится. Многострадальному Іову пришлось столько претерпѣть, а теперь наше время пришло, и вся Россія страдаетъ отъ вліянія

зла, «бѣса», по другимъ словамъ, запуталъ онъ умы, искусилъ заблудшихъ. Но пройдетъ это въ свое, намъ смертнымъ неизвѣстное, время. Несетъ народъ тяжелое бремя: все, что обѣщали ему и что сдержать не въ силахъ, одинъ обманъ отъ самаго начала. Боже, спаси и услышь наши слезныя мольбы. Были утромъ у обѣдни. Погода такъ добра, только 6 гр. Вообще мало снѣга, а вѣтеръ сильный. Надѣюсь, что письмо дойдетъ къ праздникамъ. Желаю Вамъ всякихъ благъ. Господь Богъ благословитъ и сохранитъ Васъ и Вашихъ дорогихъ. Дѣти и я горячо Васъ цѣлуемъ.

Сестра.

«Всѣ здоровы. Тутъ тихо, хотя бываютъ тучи, которыя теперь неизбѣжны. Но мы хладнокровно на нихъ смотримъ, привыкли къ этому. Вѣримъ въ Бога, который сохраняетъ и бережетъ. Съ любовью рисовала Вамъ эту карточку.

Сестра.

«Рядомъ съ Вами очень ужъ безпокойно. Крѣпко за Васъ утромъ и вечеромъ молюсь. Немного устала: очень много пришлось вышивать. рисовать и т. д., чтобы все приготовить. Кончили во время, 24-го въ 9 часовъ была елка для всѣхъ нашихъ людей, въ 9½ всенощная, у елки такъ красиво, но грустно за далекихъ друзей. 25-го въ 7 часовъ пошли къ обѣднѣ. Принесена была чудотворная икона Знаменія Божіей Матери, изъ Абалацкаго монастыря, за 608 верстъ отъ Тобольска. Служили передъ ней молебенъ. Такъ нашу церковь Знаменія и Васъ, родная, вспоминала... Ясная погода. Нашихъ женщинъ не пускаютъ, а одна бывшая фрейлина, которая осталась изъ-за операціи, мы все ее ждали, пріѣхала съ бумагами — позволеніемъ. Пріѣхала, и не пускаютъ къ намъ. Сидитъ въ другомъ домѣ. Очень это не справедливо. Бѣдные люди. Грустные праздники. Здоровы. Крѣпко цѣлуемъ. Господь съ Вами.

Сестра.

«2-го Января, 1918 года.

Милая, дорогая моя. Вотъ давно не имѣю извѣстій отъ Васъ и меня это безпокоитъ. Сама писала Вамъ 26 и 18 Декабря, надѣюсь, что Вы получили нарисованную карточку и образокъ, которые были вложены. Скучно знать, что Вы ждете — я пишу, — а не доходятъ. Сынъ тоже жалуется, хочетъ скоро выписываться.

Много, много о Васъ думаю и безпокоюсь. Если у всѣхъ отнимаютъ пенсію, то чѣмъ Вы будете жить? Вѣдь у Васъ ничего нѣтъ. Не могу о Васъ безъ слезъ вспомнить. Въ бывшія времена такія гадости, грѣхи, несправедливости не бывали. Такъ хочется Вамъ помогать, а не знаю, какъ. Все теперь трудно, не хозяинъ своимъ дѣламъ и потомъ непріятно черезъ другихъ что-нибудь сделать. Все читаютъ.

Простите, что касаюсь такихъ вопросовъ, но не могу иначе. Вся Ваша жизнь меня интересуетъ. Знаю, какъ Ал. Влад. о Васъ заботился, а теперь гдѣ хлопотать? куда обратиться? кого спросить? Никто отвѣта не дастъ, а если отвѣтъ будетъ, то обидный, жестокій. И сколько сидятъ безъ денегъ и ничего не подѣлать. Работу себѣ искать?

Есть несчастные офицеры-герои, которые дрова носятъ, на жел. дорогахъ работаютъ, потомъ опять на службу ходятъ, чтобы семью голодающую накормить. Это безумно больно и тяжело. Вотъ свобода, до чего она насъ довела. Идеалъ, революція, республика.... Могутъ гордиться чудными, честными, справедливыми законами. И церковныя свадьбы не считаются больше. Надѣюсь, Патріархъ свое словечко скажетъ. Итакъ, мы кончили 1917 годъ. Дай намъ Господь Богъ перерожденіе и свѣтлые дни въ новомъ году. Дочери начнутъ годъ въ кроватяхъ — заболѣли вчера утромъ краснухой.

«4-го Января.

Давно о Васъ ничего не знаю. Безпокоимся. Понимаемъ трудное положеніе. Какъ поживаетъ бѣдная Знаменская? Знаю, что сестра послала ей маленькую помощь и не хочетъ, чтобы ее благодарили. Дайте только мнѣ знать, когда она получитъ. *) Всѣ Вамъ кланяются. У дѣтей краснуха, но не страдаютъ. Помоги Вамъ Богъ. Крѣпко цѣлую.

А. Д.

«8-го Января.

Въ такое страшное, мучительное время думаешь, что всѣ церкви были-бы переполнены въ П., но нѣтъ, почти совершенно пусты. Что-же это такое? Какъ-же не прибѣгнуть къ Тому, отъ Котораго все зависитъ? Если къ Нему не обращаться, — кто-же спасетъ? Какъ чудны эти молитвы 6-го Января.

Такъ молилась, чтобы Господь далъ разумъ, премудрость и страхъ Божій всѣмъ людямъ, чтобы Духъ Господень нашелъ бы на всѣхъ. Боже, какъ всѣ Христа распинаютъ. Какъ Онъ ежечасно страдаетъ изъ за грѣховъ міра... За насъ Онъ умеръ, страдалъ и такъ мы ему отплатили!... Больно на душѣ, вглубь смотрѣть, читать все въ душахъ безумныхъ слѣпцовъ... И Та, за всѣхъ страдающая, видитъ этотъ адъ, рыданія своихъ дѣтей, приноситъ Сыну Своему всѣ слезы и моленія тѣхъ, которые еще не забыли прибѣгнуть къ Ней за помощью, участіемъ и предстательствомъ. Ее, которая Его для насъ грѣшныхъ

---

*) Какъ извѣстно, (книга Жильяра). Царская Семья, переведенная распоряженіемъ изъ Москвы, на солдатскій паекъ, испытывала крайнюю нужду даже въ вопросахъ питанія. Жители Тобольска, узнавъ объ этомъ, тайно посылали всевозможные съѣстные продукты для стола Царской Семьи, чѣмъ вызывали глубокую ихъ благодарность. И вотъ въ это время Ея Величество, обезпокоенная тѣмъ, что мать ея раненаго лишена пенсіи и не имѣетъ поддержки сына и, быть можетъ, испытываетъ еще большую нужду, чѣмъ Ея Семья, отрываетъ изъ недостатковъ своихъ и посылаетъ ей 300 рублей. Намъ, быть можетъ, никогда не будетъ извѣстно о другихъ примѣрахъ этого великаго милосердія Государыни, но они безусловно были не единичны. И это предсмертное милосердіе Императрицы должно послужить намъ всѣмъ примѣромъ въ стремленіяхъ нашихъ почтить Память Царственныхъ Мучениковъ.

родила, жестоко мы, люди, заставляемъ страдать, но Она обѣщала всегда молиться за всѣхъ къ Ней прибѣгающихъ съ мольбой. Спасибо моей милой Знаменской, что хотѣла мнѣ перчатки связать, но посылка навѣрно не дошла бы. Надѣюсь, что она шаль носитъ, Она (т. е. Государыня) для того Ее сдѣлала, а не чтобы спрятать.

Между прочимъ, нашихъ женщинъ все не желаютъ пропускать къ намъ. 5 недѣль они ужъ здѣсь, а другой, которая позволеніе имѣетъ еще изъ Петрограда, тоже солдаты запретили войти къ намъ. Конечно, это другіе усердствуютъ и заставили солдатъ такъ говорить. Мнѣ ихъ жаль бѣдняжекъ, изъ любви пріѣхали и такъ съ ними обращаются. И очень дорого тамъ жить. Родная моя, какъ у Васъ тамъ на квартирѣ? не холодно ли? Вы, конечно, не скажете, но берегите себя для тѣхъ, которые Васъ нѣжно любятъ. *)

Говорятъ, что больше «семью» не пустятъ въ церковь, кромѣ, какъ на двунадесятые праздники, и, можетъ быть, въ посту. Развѣ это не мило? — Душки такіе. Не понимаютъ они, что обѣдню нельзя имѣть безъ походной церкви въ домѣ. Обѣдница это совсѣмъ не то, не та благодать, какъ въ литургіи, отнять эту радость и утѣшеніе жестоко. Отняли и выдумали групѣйшую причину — каждый разное говоритъ: что — будто бы солдаты не желаютъ такъ рано вставать, (а мы должны это изъ-за публики), но это имъ придется только каждому разъ въ три недѣли вставать отъ 8 до 9-ти; другіе — будто плохіе люди здѣсь, не хорошіе, (къ чему тогда наша охрана съ винтовками?), третьи — что публика хочетъ ближе смотрѣть и обижается, когда солдаты ихъ отгоняютъ.

Только предлоги, чтобы показать, что они хозяева и могутъ командировать, какъ это низко. Но пускай, не буду роптать, помню, что Господь вездѣ слышитъ наши молитвы.

Сестра.

«11-го Января.

Дѣти усердно катаются по маленькой горкѣ, падаютъ удивительнымъ образомъ. Не понимаю, что себѣ не сломали еще шею. Всѣ въ синякахъ — но все равно — это единственное развлеченіе, или сидѣть у окна (что я очень люблю). Вчера сыграли 4-ю пьесу очень удачно, но такъ какъ намъ мужчины не хватаетъ, то Марія всегда должна эту роль играть. Головка лошади напоминаетъ мнѣ мою чудную, любимую — сама ее заграницей купила — о, какъ я любила верхомъ ѣздить и править одной, двумя, четырьмя лошадьми, — даже 6-ю въ лѣсу. Играла въ тенисъ, гребла, каталась на байдаркѣ, все это было въ прошломъ, въ здоровые годы. У меня тоже была любимая собака шотландская, маленькая, съ длинной шерстью. 12

*) А въ это время въ домѣ у Ея Величества, по воспоминаніямъ Г. Жильяра, въ комнатахъ Великихъ Княженъ «Настоящій ледникъ».

лѣтъ жила со мной. Больше не хочу имѣть. Слишкомъ къ нимъ привыкаешь, но теперь Анастасіи маленькая японская собачка почти всегда у меня на колѣняхъ.

«12-го Февраля.

Милая, моя дорогая. Вотъ радость, наконецъ. Получила отъ Васъ одновременно отъ 16-17 Января и дѣтямъ открытки отъ 4 Февраля.

Теперь выпишу изъ Вашего письма А. В., такъ какъ онъ отъ Васъ не получаетъ и безпокоится очень. Милая, я очень не довольна, что чувствуете себя плохо. Если бы я знала, какія лекарства Вамъ дать. У меня масса для сердца. А вотъ Вашъ бѣдный маленькій городъ тоже переживаетъ ужасы? Какъ это не нужно для Васъ, бѣдная. Но сидите побольше дома, Вамъ лучше будетъ и сердце отдохнетъ. Навѣрное, мало о себѣ думаете и никого около Васъ, чтобы за Вами смотрѣлъ и ухаживалъ...

Подумайте, для насъ тоже становится трудно. Придется разстаться съ людьми, которые съ нами пріѣхали и долго намъ служатъ, но дальше не можемъ. За нихъ намъ обидно. Сколько теперь безъ мѣстъ, работы, пенсіи, помѣщеній, содержанія... Все изъ-за насъ... а мы не виноваты. Но это больно за нихъ. Сколько Вамъ горя — бѣдная, маленькая и одна все переживаетъ. Но вы молодецъ — бодрая, вѣрующая, и съ этимъ можно все снести. Нѣжно Васъ цѣлую и благословляю. Всегда за Васъ горячо молюсь. Да, кто могъ думать, что узнаемъ другъ друга, черезъ страданія сына — странно... Но и я благодарна за Васъ обоихъ.

«13-го Февраля.

Вотъ отъ мамы длинное письмо получила и еще открытку отъ 6-го Января, но заказного письма еще не имѣю и врядъ-ли теперь. Богъ знаетъ, что творится. Почта ничего не принимаетъ для Петрограда и Москвы. Говорятъ, тамъ рѣзня идетъ. Нѣмцы у Пскова. Миръ будетъ заключенъ на самыхъ ужаснѣйшихъ, позорныхъ, гибельныхъ для Россіи условіяхъ. Волосы дыбомъ становятся, но Богъ спасетъ. Увидимъ Его справедливость. По моему, эта «заразительная болѣзнь» перейдетъ въ Германію, но тамъ будетъ гораздо опаснѣе и хуже, и въ этомъ вижу единственное спасеніе Россіи. Тяжело, тяжело ничего не знать, что тамъ творится. Боже, умилосердствуй и помоги, спаси. Но душа не унываетъ, чувствуетъ свыше поддержку, солнце за тучами свѣтитъ. Что съ церквами дѣлаютъ! Больше не будутъ священникамъ платить за уроки.

Вообще хаосъ, кошмаръ, но другія страны пережили такія времена въ другихъ столѣтіяхъ, и вышли. Все повторяется. Ничего новаго нѣтъ. Тамъ люди культурные, у насъ нѣтъ. Самолюбіе давно подъ ногами затоптано. Но вѣримъ, Родина молодая, перенесетъ

Наслѣдникъ Цесаревичъ здоровается съ конвойцами у входа въ Ѳеодоровскій Соборъ.

Ея Величество снимаетъ своего тяжело раненаго въ первый день его вывоза, Великой Княжной Татьяной Николаевной, въ креслѣ на площадку лазаретнаго сада.

Пріѣздъ Его Высочества Наслѣдника Цесаревича въ Ѳеодоровскій Соборъ.

Ея Величество и Ихъ Высочества въ минуты отдыха послѣ перевязокъ, на крокетной площадкѣ въ лазаретномъ саду.

Крокетная площадка въ саду лазарета Ея Величества. По окончанiи перевязки Великiя Княжны играютъ съ выздоравливающими ранеными. Справа Ея Величество за рукодѣлiемъ въ группѣ раненыхъ.

Великiя Княжны Марiя и Анастасiя Николаевны среди раненыхъ своего (Ѳеодоровскаго) лазарета.

29го Янв: Т:18.

Я получила вчера Ваше милое,
доброе письмо отъ 10го Я: - благо-
дарю отъ всего сердца. Оно имъ
повѣяло что-то изъ прошлое,
хорошее. Какъ я рада что Вы
наконецъ получаете мои пись-
ма, но они очень долго идутъ.
Если перемѣните адр:, надо
заранѣе сказать. Большое,
большое спасибо за мил: хорошую
карточку - ужасно рада ее
имѣть. Уютная комната
и каминъ какъ я можно -
и украшенія на немъ какъ
полагается на рождество
изъ Mistletoe - камерчен было
Holly видно. Всю жизнь что
у меня было на рожд:, обыкно-
венно изъ Крыма посылали -
только теперь не было.!! -
Но кто то очень худой. - А другія

Первая страница письма Ея Величества изъ Тобольска.

эту страшную болѣзнь и весь организмъ окрѣпнетъ, но если такъ все кончится, тогда черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ новая война... Все тянетъ въ церковь, тамъ все излить, но нельзя. Вы тоже не бываете? Будемъ, вѣроятно, теперь сами хоръ составлять, такъ какъ не могу настоящаго хора содержать больше. Вначалѣ не будетъ важно, но потомъ пойдетъ. Въ Крыму мы три раза всенощную пѣли, тогда Ольга и Татьяна были маленькія, — 12, 14 лѣтъ, но помогали. Надо къ первой недѣлѣ поста готовиться, — утромъ и вечеромъ. Солнце дивно свѣтитъ и грѣетъ, я не выходила вчера, было вѣтрено и была очень занята.

22 Февраля — 17 Марта 1918 г.
Тобольскъ.

Вотъ получила длинное письмо отъ мамы и выписывала мѣста изъ нихъ Вамъ. Такъ рада, что могу дать Вамъ извѣстія отъ нея, разъ Вы отъ нея писемъ не получаете, и она жалуется, что отъ Васъ ничего нѣтъ, но въ общемъ почта хорошо работаетъ. Вчера было 15 градусовъ, солнце и вѣтеръ, не выходила, лежала на кушеткѣ и вышивала и писала. Гору испортили, не желали, чтобы видны были сверху на улицѣ. Родители тамъ стояли, когда солдаты (хорошіе) уѣхали. Опять зависть, что на нихъ смотрѣли, они раньше рѣшили, что родители не имѣютъ права тамъ стоять изъ-за публики, но этотъ разъ мы думали, конечно, что это не считается. Ну и вотъ лишили дѣтей этого удовольствія. Но они все покорно принимаютъ. Знаютъ, что нечего дѣлать. Солдаты теперь хозяева.

Ледяная горка была единственной радостью и удовольствіемъ Царскихъ Дѣтей. Сами они ее строили. Сами въ 30 гр. морозъ носили тяжелые ведра съ водой, поливать горку. Зачастую обливались, обмораживали пальцы, уставали, но все же соорудили ее себѣ для маленькаго развлеченія. И вотъ черезъ нѣсколько недѣль солдатскій комитетъ, по наущенію мѣстныхъ большевиковъ, вынесъ постановленіе горку сломать за то, что при отъѣздѣ уволенныхъ со службы лучшихъ солдатъ 4-го полка Государь и Государыня взошли на горку, чтобы проводить тѣхъ, кто хотя и были ихъ тюремщиками, но въ то же время оставались людьми съ добрыми сердцами и относились къ Царской Семьѣ съ глубокой сердечностью и трогательной любовью. И въ то время, какъ безсердечные люди разрушали единственную дѣтскую радость, Царскія Дѣти, горько прижавшись къ холоднымъ стекламъ оконъ, наблюдали за жестокими людьми. А что въ эти минуты переживали Царственные Родители, видя слезы своихъ дѣтей....

Совѣтская власть намѣренно увольняла всѣхъ лучшихъ солдатъ охраны Царя и замѣняла ихъ жестокими, безнравственными людьми,

которые не столько охраняли, сколько издѣвались надъ несчастными жертвами.

Почти ежедневно вводились новыя утѣсненія. Запрещалось даже дѣтямъ выходить изъ дома во дворъ безъ сопровожденія солдатъ. На заборахъ писалась всякая гадость. Всѣми мѣрами и способами они проявляли свое хамовластіе и произволъ.

11-го Марта.

Милая, дорогая моя. Спасибо большое за доброе письмо, № 10 отъ 14 Февраля. Сегодня получила. Стараюсь Вамъ обоимъ одновременно писать. Имѣю отъ Васъ почти всѣ. Дѣти тоже открытки получили. Думаю, что они уже благодарили. Писала Вамъ 19 Февраля № 26, 6 Марта № 27.

Говѣли на той недѣлѣ, и было такъ хорошо и тихо. Утромъ и вечеромъ съ діакономъ сами пѣли, но въ среду, пятницу и субботу были въ церкви (радость), и хоръ пѣлъ. Пришлось даже пѣшкомъ идти, такъ какъ снѣгъ дорожку для кресла испортилъ, но Богъ далъ силы и сердечныя капли помогли. Такъ Господу благодарна, что нѣтъ словъ, что далъ намъ это утѣшеніе. Погода хорошая, теплая, сидѣла на балконѣ. Да тяжело вамъ, бѣдная, — и всѣмъ. Надо еще худшаго ждать, для достиженія лучшихъ временъ — все до конца терпѣть. Трудно это, больно, но Господь поможетъ. Слышимъ много страшнаго. Разстрѣляли милаго знакомаго офицера, бывшаго нашего раненаго. Не могу объ этомъ спокойно думать. Были такіе герои на войнѣ. Отъ ранъ при смерти совсѣмъ были — поправились, и вотъ какъ кончилось. — Святые мученики. — Понимать это не въ силахъ. Но Господь знаетъ, почему нужно, но больно, такъ больно, больно...

Стала опять рисовать молитвы и даже образки на бумагѣ изъ благодарности къ тѣмъ, которые насъ теперь щедро балуютъ. Вареньями, пирожками, сухариками и т. д. кофе, чай. Ужасно люди трогательно все это дѣлаютъ тайкомъ. Вышиваемъ. Теперь опять вечера со всѣми проводимъ, а на той недѣлѣ — тихо одни были, и Онъ намъ читалъ изъ жизни Св. Николая Чудотворца, пока мы работали. Снѣгъ на улицѣ таетъ. Солнце очень грѣетъ. Скажите дорогой Знаменской, что если ей трудно изъ-за неполученія пенсіи, чтобы она откровенно писала, съ радостью помогу опять. Знаю, какъ трудно живется, но есть добрые люди на свѣтѣ — благослови ихъ Господь, что не забываютъ и помогаютъ, и я Знаменской (въ свою очередь) хочу быть полезной. Радость свою раздѣлить съ другими милыми друзьями. Дѣти Васъ крѣпко цѣлуютъ. Попробую Юліи Александровнѣ написать, она будетъ рада. Татьяна зоветъ меня на балконъ, такъ что надо кончать письмо. Храни Васъ Богъ. Крещу Васъ, милая моя. Нѣжно Васъ цѣлую и молю Бога хранить отъ всякаго зла и утѣшить. **Сестра.**

19 Марта. Тобольскъ.

Милая, дорогая! Крѣпко благодарю за милыя письма отъ 16, 29, 2, 6, 10 и открытку. Мнѣ думается, что Вы, можетъ быть, сами невѣрно номера ставили, 5-го нѣтъ, потомъ 6—9 нѣтъ. Я у себя всегда число и въ книжечкѣ отмѣчаю, чтобы не ошибиться. У насъ только что кончили часы 9—10 утра и потомъ спѣвка съ діакономъ. Вдругъ намъ вчера пришлось уже утромъ пѣть и безъ спѣвки, что было ужасно трудно и неважно вышло; вечеромъ было уже лучше, 4 дочери и я съ діакономъ.

Позволено утромъ въ среду, 8-го, пятницу и субботу быть въ церкви (пріобщаемся послѣ двухъ мѣсяцевъ), это будетъ такая радость и утѣшеніе. Такъ тянетъ туда въ такое тяжелое время. Дома молитва совсѣмъ не то — въ залѣ, гдѣ сидимъ, гдѣ рояль стоитъ и гдѣ пьесы играли.

Какія времена? Что дальше? Позорнѣйшій миръ. Ужасъ одинъ, до чего въ одинъ годъ дошли. Только все разрушили. Полнымъ ходомъ, армія уничтожается, какъ же противиться врагу. Унизительный миръ. Но Господь выше всего и, можетъ, то, что людямъ невозможно, не оставитъ такъ. Будетъ что-то особенное, чтобы спасти. Вѣдь быть подъ игомъ нѣмцевъ — хуже татарскаго ига. Нѣтъ, такой несправедливости Господь не допуститъ и положитъ все въ мѣрѣ. Когда совсѣмъ затоптаны ногами, тогда Онъ Родину подыметъ. Не знаю, какъ, но горячо этому вѣрю. И будемъ непрестанно за Родину молиться. Господь Іисусъ Христосъ, помилуй меня, грѣшную, и спаси Россію. Христосъ съ Вами. Крещу. Дѣти и я нѣжно цѣлуемъ. Сердцемъ, душой съ Вами и съ сыномъ. **Сестра.**

24 Марта, до 26 ст. ст.
16 Апрѣля, 1918 г.

Начинаю ужъ сегодня писать, такъ какъ отъ мамы длинное письмо получила отъ начала марта стараго стиля.

Теперь нѣмцы у нихъ, но я все-таки посылаю ей письма, такъ какъ она волнуется, если вдругъ двѣ недѣли нѣтъ отъ меня письма. Вѣдь очень часто Вамъ обоимъ пишу, но не всегда черезъ Кобылинского, а то онъ слишкомъ удивился бы. Большевиковъ у нихъ больше нѣтъ. Почувствовали приближеніе нѣмцевъ. Ужасно, что до того дошло, что смотрятъ на врага, какъ на спасителя, и въ Питерѣ то же самое.

Весной будетъ ужъ очень непріятно, тюменьскіе большевики высланные отсюда омскими, такъ хорошо, спокойно все. Ничего, не бойтесь слуховъ. Господь охраняетъ. Вечеромъ была служба. 25-го утромъ, въ 8 часовъ, намъ пришлось пѣть неожиданно, совсѣмъ не спѣвшись съ дьякономъ. Къ счастью, служба хорошо прошла. Знаемъ обѣдницу, не такая трудная; нотъ у насъ опять не было, но Богъ помогъ. Днемъ немного сидѣла на балконѣ, свѣжо, мало снѣга, много читала.

30 Марта.

Много страшнаго творится кругомъ, описывать неудобно. Между прочимъ, изъ Москвы приказъ: Изъ Корниловскаго дома всю свиту перевести въ Губернаторскій домъ... никого не впускать. Оттого, можетъ быть, инымъ способомъ больше нельзя будетъ писать. На внутреннемъ подъѣздѣ они спѣшатъ комнату дѣлать, (перегородка въ доскахъ). Говорятъ, что, можетъ, всѣхъ перевезутъ на гору — лучше охранять можно... Какъ на Страстной будетъ?! Пора кончать. Духъ бодръ, хотя много волненій кругомъ и предположеній, но душа не тронута. Горячій привѣтъ отъ всѣхъ. Благослови и сохрани Васъ Господь и Святая Богородица. Благословляю Васъ.

Старая Ваша Сестра.

Укоряемы — благословляйте, гонимы — терпите, хулимы — утѣшайтесь, злословимы — радуйтесь, — Вотъ нашъ путь съ тобой, и претерпѣвый до конца, той спасется. (Слова Св. Серафима Саровскаго). Христосъ съ Вами...

13/26 Апреля 1918.

[illegible]

Тобольскъ.
23 Апрѣля 1918 г.

Здравствуйте Александръ Владимiровичъ,
Не знаю, получили-ли письмо Татьяны, въ которомъ она Вамъ писала о неожиданномъ, скоромъ отъѣздѣ родителей и Марiи. Прямыхъ извѣстiй не имѣли, и вообще ничего не знаемъ. Была одна телеграмма что благополучно, но не отъ нихъ. Невыразимо тяжело, какъ Вы можете себѣ представить. Въ такiе дни какъ они ихъ проводятъ, и вообще все

Первыя страницы писемъ Ихъ Высочествъ В. К. Татьяны Николаевны и Ольги Николаевны, написанные послѣ отъѣзда Государя, Императрицы и В. К. Марiи Николаевны изъ Тобольска въ Екатеринбуръ.

Я не раскрываю этихъ листковъ, написанныхъ Великими Княжнами въ столь ужасные дни. Я также не привожу послѣднихъ извѣстiй отъ Ея Величества изъ Екатеринбурга. Одной передачей ихъ содержанiя немыслимо читателю охватить всю глубокую драму послѣдняго перiода жизни Царской Семьи... Лишь въ дальнѣйшемъ, рисуя своимъ слабымъ перомъ великiй жизненный подвигъ Царственныхъ Мучениковъ, я впишу въ свой разсказъ все, что счастливой судьбой удалось мнѣ и моей матери сохранить.

ИСПОВѢДЬ ДУШИ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ПЕРЕДЪ БОГОМЪ.

IV.

Ниже воспроизводятся стихотворенія, написанныя собственной рукой Ея Величества въ періодъ безысходныхъ душевныхъ страданій, когда словами однихъ молитвъ безсильна была Государыня выразить глубину своихъ переживаній, невыносимость мукъ души Ея. Тогда свои молитвенныя призыванія къ Богу изливала Она въ маленькую книжечку свою, и эта книжечка, собирая и осушая слезы Императрицы, становилась частицей Ея души и нынѣ являетъ намъ исповѣдь Государыни передъ Богомъ.

Обвиненная всѣмъ міромъ, хулимая и проклинаемая, не стремилась Она оправдать себя передъ жестокими, обезумѣвшими людьми...

Она много раньше мученической смерти, душу свою чистую безбоязненно передала Богу, на Его судъ, и лишь молила всѣмъ сердцемъ своимъ дать ей силы крестъ тяжелый безропотно до могилы донести.

И Богъ Благословилъ Ея молитву и увѣнчалъ подвигъ Ея безпримѣрнымъ, равнымъ крестнымъ страданіямъ Христа Спасителя, мученическимъ вѣнцемъ.

Открытка, на которой, карандашемъ, рукой Государыни, написано:

Она смотритъ и ждетъ привѣта изъ міра, а тѣ, которые живутъ въ суетѣ міра, хотѣли бы взглянуть въ міръ и въ тишину такихъ стѣнъ, но надо намъ въ мірѣ жить, имѣя миръ въ душѣ, жить между чужими, страдать, бороться и крѣпко вѣрить. Въ молитвѣ искать утѣшенія и не сомнѣваться въ любви и милосердіи Божьемъ. Онъ выше всѣхъ и всего. Не надо бояться людской злобы, Онъ дастъ побѣду надъ ней, если Ему крѣпко вѣрить.

ЕВАНГЕЛІЕ

ЗАПОВѢДИ ХРИСТОВЫ ДА БУДУТЪ ЕДИНЫМЪ, ОБЩИМЪ ДЛЯ НАСЪ ПУТЕМЪ, КОТОРЫЙ ВЕЛЪ БЫ НАСЪ НА НЕБО И КЪ САМОМУ БОГУ. —
СИМЕОНЪ Н. БОГОСЛОВЪ.

«Читая вѣчныя, священныя страницы,
Переношусь я мыслью въ край иной;
Передо мною встаютъ Божественныя лица,
И слышится мнѣ голосъ ихъ святой!

И думъ исполненный высокихъ и чудесныхъ
Я горячѣй молюсь и слезы лью,
И мудрости земной предъ мудростью небесной
Печальную ничтожность познаю».

Пестряковъ.

ЛЮБОВЬ СИЛЬНѢЕ СМЕРТИ И СТРАХА СМЕРТИ. ТОЛЬКО ЕЮ, ТОЛЬКО ЛЮБОВЬЮ ДЕРЖИТСЯ И ДВИЖЕТСЯ ЖИЗНЬ.
ТУРГЕНЕВЪ.

---

*) Изреченія и псалмы, помѣщенные при стихотвореніяхъ, также вписаны рукой Ея Величества.

ЧЕЛОВѢКЪ, ЧѢМЪ БОЛѢЕ ПРИБЛИЖАЕТСЯ КЪ БОГУ, ТѢМЪ БОЛѢЕ ВИДИТЪ СЕБЯ ГРѢШНЫМЪ. —
ДРЕВНІЙ ПАТЕРИКЪ.

«Мы поднимаемся; конечнаго предѣла
Намъ не достигнуть здѣсь!... и правды свѣтъ идетъ
Путемъ борьбы и мукъ, путемъ труда и дѣла
Въ тотъ край, гдѣ Истина насъ ждетъ».

Броницкая.

«Смерти нѣтъ — и все живущее
Вѣчной жизнію живетъ!
Мгла изчезла, насъ гнетущая,
Свѣтъ немеркнущій взойдетъ!

Что считали мы могилою —
Новой жизни колыбель!
Не на вѣки властной силою,
Смертью, взяты мы отсель!

Но за гробомъ продолжается
Вѣчной жизни благодать,
И усопшій возвращается
Въ міръ таинственно опять...

Все другъ съ другомъ тѣсно связано,
Смерть рождаетъ жизнь собой!
Все, что здѣсь намъ недосказано,
Мы постигнемъ въ жизни той!»

Броницкая.

ТОМУ, КТО НЕ ВНИМАЕТЪ СЛОВАМЪ ТВОИМЪ, НЕ ГОВОРИ ИХЪ. —
ДРЕВНІЙ ПАТЕРИКЪ.

«Тихая, теплая ночь. — Позабудь
Жалкія нужды земли.
Выйди, взгляни: высоко млечный путь
Стелется въ синей дали.

Что передъ свѣтлою звѣздной стезей
Темные наши пути?
Имъ,. ознакомленнымъ съ ложью людской,
Неба красой не цвѣсти.

Глазъ не сводилъ бы съ лучистыхъ высотъ...
— Выйди, зову тебя вновь:
Въ небо вглядись, отрешись отъ заботъ,
Къ вѣчности душу готовь».

К. Р.

ДУША, КОТОРАЯ ЛЮБИТЪ БОГА, ВЪ БОГѢ И ВЪ НЕМЪ ЕДИНОМЪ ПРІОБРѢТАЕТЪ СЕБѢ УСПОКОЯНІЕ.
СВ. И. СИРІЯНИНЪ.

ИСТИННО ЛЮБЯЩІЙ БОГА СЧИТАЕТЪ СЕБЯ СТРАННИКОМЪ И ПРИШЕЛЬЦЕМЪ НА ЗЕМЛѢ СЕЙ. ИБО ВЪ СВОЕМЪ СТРЕМЛЕНІИ КЪ БОГУ ДУШОЮ И ТѢЛОМЪ — СОЗЕРЦАЕТЪ ТОЛЬКО ЕГО ОДНОГО.

СВ. СЕРАФИМЪ САРОВСКІЙ.

«Въ небесахъ голубыхъ, безучастныхъ
Къ нашимъ воплямъ и скорби людской,
Въ небесахъ отдаленныхъ, безстрастныхъ,
Вѣковой обитаетъ покой.

Есть одно лишь спасенье отъ жизни,
Есть одинъ отъ несчастій исходъ:
Возвращенье къ далекой отчизнѣ,
Гдѣ свѣтилъ совершается ходъ.

Всѣ, кто въ жизни жестоко страдали,
Тамъ найдутъ безмятежный пріютъ,
Позабудутъ земныя печали,
Отъ ударовъ судьбы отдохнутъ;

Только тамъ насъ покинутъ мученья,
Всѣ страданья исчезнутъ какъ дымъ!
Оттого и живетъ въ насъ стремленье
Къ небесамъ, къ небесамъ голубымъ».

В. Броницкая.

БЕЗЪ БОГА НИЧЕГО НЕ БЫВАЕТЪ, ПОЭТОМУ И ЯЗЫКЪ ЗЛОРѢЧИВЫЙ НАПАДАЕТЪ НА НАСЪ ПО ПОПУЩЕНІЮ БОЖІЕМУ. ТЕРПИ, УБО, ЧТО БОГЪ ПОСЫЛАЕТЪ. КЛЕВЕТУ СЛЫШИТЪ БОГЪ И СОВѢСТЬ ТВОЮ ЗНАЕТЪ. —

СВ. ТИХОНЪ ЗАДОНСКІЙ.

«Въ далекихъ небесахъ, въ сіяньи жизни вѣчной
Изъ лона Божьяго родилася душа,
Избравъ сознательно путь скорби безконечной,
Въ нашъ міръ спустилася сочувствіемъ дыша;

Любви исполнена высокаго завѣта
Его въ нашъ грѣшный міръ стремилась провести;
Но ей, поборницѣ Добра, Тепла и Свѣта,
Весь міръ препятствія воздвигъ лишь на пути!...

И долго суждено на свѣтѣ ей томиться,
Терпя гоненія отъ пошлости и зла,
Страдая и любя, — доколь не возвратится
Въ отчизну дальнюю, откуда отошла.

Когда жъ, скорбей и мукъ пройдя черезъ горнило,
Свой путь она свершитъ, нетронута, чиста —
Она вернется въ край, гдѣ блещутъ лишь свѣтила,
Живутъ лишь истина, добро и красота».

Броницкая.

ВСЕ, ПРОИСХОДЯЩЕЕ ОТЪ БОГА, — МИРНО И ПОЛЕЗНО, И ПРИВОДИТЪ ЧЕЛОВѢКА КЪ САМООСУЖДЕНІЮ И СМИРЕНІЮ. —
СВ. СЕРАФИМЪ САРОВСКІЙ.

«Какъ на сердце вдругъ стало тихо,
Среди наскучившаго дня...
Навѣрно кто-то помолился
Душою чистой за меня.

Навѣрно кто-то незнакомый,
Далекій, старый и простой,
Мой образъ вспомнилъ промелькнувшій
Своею тихою мечтой».

ЛЮБИ И СОХРАНИ СЕБѢ ДРУГОМЪ ТОГО, КТО НЕ ОСТАВИТЪ ТЕБЯ И ТОГДА, КОГДА ВСѢМИ ОСТАВЛЕНЪ БУДЕШЬ, КТО НЕ ДОПУСТИТЪ ТЕБЯ ПОГИБНУТЬ, КОГДА ПРІИДЕТЪ КОНЕЦЪ ТВОЙ. ВЪ ЖИЗНИ И СМЕРТИ ДЕРЖИСЬ ІИСУСА И ДОВѢРЬСЯ СЪ УПОВАНІЕМЪ ТОМУ, КТО ОДИНЪ МОЖЕТЪ ПОМОЧЬ ТЕБѢ, КОГДА ВСѢМИ ОСТАВЛЕНЪ БУДЕШЬ.
ѲОМА КЕМПІЙСКІЙ.

НЕ ВѢРЬ СЕБѢ, ЧТО ТЫ СИЛЕНЪ, ПОКА НЕ БУДЕШЬ ИСКУШЕНЪ И НАЙДЕШЬ СЕБЯ НЕИЗМѢНЕННЫМЪ. ТАКЪ И ВО ВСЕМЪ ИСПЫТЫВАЙ СЕБЯ. —

СВ. И. СИРІЯНИНЪ.

«Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ, —
Высшій подвигъ въ терпѣньи,
Любви и мольбѣ.
Если сердце заныло
Передъ злобой людской,
Иль насилье охватило
Тебя цѣпью стальной;
Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впились, —
Съ вѣрой бодрой и смѣлой
Ты за подвигъ берись:
Есть у подвига крылья,
Выше крыши темницы,
Выше крыши тсемницы,
Выше злобы слѣпой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людской».

Хомяковъ.

М. Нестеровъ

Подвигъ есть и въ сраженьи
Подвигъ есть и въ борьбѣ,
Высшій подвигъ въ терпѣньи,
Любви и мольбѣ

А.С. Хомяковъ

Отъ души благодарю за открытку
отъ 27 Окт. Какъ у Васъ? Очень без-
покоюсь за васъ обоихъ. Передай
большое сердечное спасибо за
письмо и открытку съ дорогой
очень надѣюсь, что уѣхалъ изъ П.

Открытка Ея Величества отъ конца ноября 1917 г.

СѢЯВШІЕ СО СЛЕЗАМИ БУДУТЪ ПОЖИНАТЬ СЪ РАДОСТІЮ. —
ПСАЛОМЪ 125.

«Безъ горя жизнь, безъ нуждъ, лишенья,
Была бы жалка и пуста,
И человѣкъ, вѣнецъ творенья,
Для неба не жилъ бы тогда.
Но, къ счастью, въ жизни много горя, —
Не обойдешь его никакъ;
За то въ житейскомъ нашемъ море,
Оно намъ свѣтитъ, какъ маякъ.
И это горе раскрываетъ
Весь смыслъ земного бытія,
И хоть порой томитъ, терзаетъ,
Даетъ намъ чувствовать себя;
Но въ цѣломъ — горе то-жъ горнило...
Свѣтлѣетъ духъ, какъ злато въ немъ;
Въ немъ есть чудесная та сила,
Что искупленьемъ мы зовемъ...
Подъ обаяньемъ нуждъ, лишенья,
Страданья, горя и тоски,
Отрадно вѣрить въ смыслъ ученья,
Что человѣкъ лишь гость земли.
Безумны поиски всѣ счастья,
Смѣшны желанія ясныхъ дней!
Но что за рядомъ испытаній,
Надеждъ обманутыхъ и мукъ
Есть міръ иной — міръ упованій,
Гдѣ успокоится нашъ духъ...
Лишь тамъ... въ обители небесной
Свое блаженство онъ найдетъ,
Лишь тамъ.. при звукахъ райской пѣсни,
Задачу горя онъ пойметъ!...»

БЕЗЪ СМИРЕНІЯ НИКТО НЕ ВНИДЕТЪ ВЪ НЕБЕСНЫЙ ЧЕРТОГЪ. ГДѢ НѢТЪ СВѢТА, ТАМЪ ВСЕ МРАЧНО, А ГДѢ НѢТЪ СМИРЕНІЯ, ТАМЪ ВСѢ НАШИ ДѢЛА СУЕТНЫ. —
СВ. СЕРАФИМЪ САРОВСКІЙ.

«Онъ шелъ безропотно тернистою тропой,
Онъ встрѣтилъ радостно и гибель и позоръ;
Уста, вѣщавшія ученье правды строгой,
Не изрекли толпѣ глумящейся укоръ.

Онъ шелъ безропотно и, на крестѣ распятый,
Народамъ завѣщалъ и братство, и любовь...
За этотъ грѣшный міръ, порока тьмой объятый,
За ближняго, лилась Его святая кровь...

О, дѣти слабаго скептическаго вѣка!
Иль Вамъ не говоритъ могучій образъ тотъ
О назначеніи великомъ человѣка,
И волю спящую на подвигъ не зоветъ?

О нѣтъ, не вѣрю я! Не вовсе заглушили
Въ насъ голосъ истины корысть и суета!
Еще настанетъ день... Вдохнетъ и жизнь, и силу
Въ нашъ обветшалый міръ ученіе Христа!

А. Плещеевъ.

Открытка съ молитвой — стихотвореніемъ, помѣщеннымъ на слѣдующей страницѣ, написанная рукой Государыни

Молитва — стихотворенiе написанная рукой Государыни на открыткѣ, обратная сторона которой на предыдущей страницѣ.

СІЕ ВѢРНО ЗНАЙ, ЧТО НИ ОДИНЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ ГРѢХЪ НЕ ПОБѢДИТЪ БОЖЬЯГО ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЯ, ЕСЛИ ТОЛЬКО КТО ПОКАЯНІЕМЪ ЗАГЛАДИТЪ ЗЛО, КАКИМЪ СОГРѢШИХЪ РАНЬШЕ. —

ДРЕВНІЙ ПАТЕРИКЪ.

«Когда мнѣ встрѣтится истерзанный борьбой,
Подъ гнетомъ опыта поникшій человѣкъ:
И рѣчью горькой онъ, насмѣшливой и злой,
Позору предаетъ во лжи погрязшій вѣкъ.

И вѣра въ родъ людской въ груди его угасла,
И духъ, что нѣкогда былъ полонъ мощныхъ силъ,
Подобно ночнику потухшему безъ масла,
Безъ вѣры и любви сталъ немощенъ и хилъ.

И правды лучъ, сверкающій за далью
Грядущихъ дней, очамъ его незримъ.
Какъ больно мнѣ! Глубокою печалью
При встрѣчѣ той бываю я томимъ.

И говорю тогда: Явись, явись къ намъ снова,
Господь, въ нашъ бѣдный міръ, гдѣ горе и разладъ.
Да прозвучитъ еще Божественное Слово,
И къ жизни воззоветъ Твоихъ отпавшихъ чадъ.

А. П.

НЕМОЩНЫХЪ И ОГОРЧЕННЫХЪ СЕРДЦЕМЪ ПОДКРѢПЛЯЙ СЛОВОМЙ И ВСЕМЪ, СКОЛЬКО ДОСТАНЕТЪ СРЕДСТВЪ ВЪ РУКѢ ТВОЕЙ, А ПОДКРѢПИТЪ ТЕБЯ ВСЕДЕРЖИТЕЛЬНАЯ ДЕСНИЦА.

СВ. ИСААКЪ СИРІАНИНЪ.

РЕЛИГІЯ ВЪ ДУШѢ ЧЕЛОВѢКА НЕ ЕСТЬ ФИЛОСОФСКАЯ ТЕОРІЯ, УСПОКАИВАЮЩАЯ УМЪ, ОНА ДЛЯ ЧЕЛОВѢКА ЕСТЬ ВОПРОСЪ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ, И ПРИТОМЪ ВѢЧНЫХЪ. — *СВ. ГРИГОРІЙ БОГОСЛОВЪ.*

«Когда, гонимъ тоской неутомимой,
Войдешь во храмъ и станешь тамъ въ тиши,
Потерянный въ толпѣ необозримой,
Какъ часть одной страдающей души,

Невольно въ ней твое потонетъ горе,
Почувствуешь, что духъ твой вдругъ влился
Таинственно въ свое родное море,
И заодно съ нимъ рвется въ небеса».

А. Майковъ.

КОГДА ПРІИДЕТЪ НАПАСТЬ, НЕ ИЗЫСКИВАЙ, ДЛЯ ЧЕГО И ОТЧЕГО ОНА ПРИШЛА, А ИЩИ ТОГО, ЧТОБЫ ПЕРЕНЕСТИ ЕЕ СЪ БЛАГОДАРНОСТІЮ БОГУ, БЕЗЪ ПЕЧАЛИ И БЕЗЪ ПАМЯТОЗЛОБІЯ.
ПОДВИЖ. МАРКЪ.

МУКИ ДУШИ ГОРАЗДО БОЛЬШЕ, ЧѢМЪ МУКИ ТѢЛА, ВѢНЧАЮТЪ НАСЪ, КОГДА ОНѢ БЬЮТЪ НАШУ ДУШУ, А МЫ БЛАГОДАРНО ПЕРЕНОСИМЪ ИХЪ. —

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ.

«Кому съ небесъ удѣлъ суровый
Ниспосланъ, — передъ нимъ смирись;
Кому назначенъ крестъ тяжелый, —
Неси, надѣйся и молись.

Чья жизнь есть рядъ земныхъ страданій,
Не говори: несчастенъ я,
Но вспомни, сколько испытаній,
Понесъ Сынъ Божій за тебя.

Онъ, Самъ Творецъ и Царь Вселенной,
Съ терпѣніемъ все переносилъ:
Вѣнокъ изъ тернія сплетенный,
Самъ на главѣ Своей носилъ.

Свершая дѣло искупленья,
Онъ Самъ безъ ропота страдалъ
И намъ покорности, смиренья
Примѣръ высокій показалъ.

И ты въ минуты грозной битвы,
Не падай духомъ, не ропщи,
Въ живыхъ словахъ святой молитвы
Отрады для себя ищи.

Склонись предъ Всемогущей Волей,
Себя сомнѣніемъ не губи
И, примиряясь съ тяжелой долей,
Надѣйся, вѣруй и люби».

Открытка съ молитвой — стихотвореніемъ, напечатаной на этой страницѣ.

Царица неба и земли,
Скорбящихъ утѣшенье!
Молитвамъ грѣшниковъ внемли,
Въ тебѣ — надежда и спасенье!...

Погрязли мы во злѣ страстей,
Блуждаемъ въ тьмѣ порока,
Но — наша Родина!... О, къ ней
Склони всевидящее Око!...

Святая Русь! Твой свѣтлый домъ
Почти что погибаетъ!
Къ Тебѣ, Заступница, зовемъ,
Иной никто изъ насъ не знаетъ!

О, не оставь своихъ дѣтей,
Скорбящихъ упованье!...
Не отврати своихъ очей
Отъ нашей скорби и страданій!..

12-го Января 1918 г.

ХРИСТІАНЕ ДОЛЖНЫ ПЕРЕНОСИТЬ СКОРБИ И ВНѢШНІЯ И ВНУТРЕННІЯ БРАНИ, ЧТОБЫ, ПРИНИМАЯ УДАРЫ НА СЕБЯ, ПОБѢЖДАТЬ ТЕРПѢНІЕМЪ. ТАКОВЪ ПУТЬ ХРИСТІАНСТВА. —
СВ. МАРКЪ ВЕЛИКІЙ.

«Мы всѣ въ Твоей верховной волѣ
Должны покорны быть, Господь,
Хотя-бъ душа рвалась отъ боли,
Хотя бы гибла наша плоть;

Мы всѣ съ терпѣніемъ и любовью
Къ Тебѣ свой крестъ должны нести,
Слезами политый и кровью
На тяжкомъ жизненномъ пути.

Зачѣмъ живемъ, зачѣмъ страдаемъ,
Въ чемъ смыслъ и тайна бытія —
Мы, ослѣпленные, не знаемъ,
Отъ насъ сокрыта цѣль Твоя.

Но чтобъ металлъ возникъ лучистый,
Палить въ огнѣ его должно;
Но чтобы хлѣбъ испечь душистый,
Должно быть смолото зерно.

Броницкая.

ВЪ КРЕСТѢ СИЛА ДУШИ, ВЪ КРЕСТѢ ВЕСЕЛІЕ ДУХА, ВЕРХЪ ДОБРОДѢТЕЛИ И СОВЕРШЕНСТВО СВЯТОСТИ. БЕЗЪ КРЕСТА НѢТЪ НИ СПАСЕНІЯ, НИ НАДЕЖДЫ НА ВѢЧНУЮ ЖИЗНЬ. ИТАКЪ, ВОЗЬМИ КРЕСТЪ СВОЙ И СЛѢДУЙ ЗА ХРИСТОМЪ, И ТЫ ДОСТИГНЕШЬ ВѢЧНОЙ ЖИЗНИ.
РИМЛ. 6, 8.

«Когда тропой тернистой
Господь ведетъ, — ступай
И лишь молитвой чистой
Дорогу расчищай.

Когда кругомъ лишенья,
Потери и бѣды,
Въ колѣнопреклоненьи
Отраду находи.

Когда позоръ, проклятья
На голову спадутъ,
Молись ты у Распятья, —
Замолкнутъ, побѣгутъ.

Пусть міръ въ ожесточеніи
Отниметъ все, — отдай
И что сказалъ въ лишеньи
Мужъ Іовъ, — вспоминай.

«Страдалецъ! Вѣрь въ спасенье,
На Бога уповай....
За горе, за терпѣнье
Господь даруетъ рай».

ВѢРУЙ, ЧТО ВСЕ СЛУЧАЮЩЕЕСЯ СЪ НАМИ, ДО САМАГО МАЛѢЙШАГО, БЫВАЕТЪ ПО ПРОМЫСЛУ БОЖІЮ, И ТОГДА ТЫ БЕЗЪ СМУЩЕНІЯ БУДЕШЬ ПЕРЕНОСИТЬ ВСЕ НАХОДЯЩЕЕ НА ТЕБЯ. —

АВВА ДОРОѲЕЙ.

НЕ УНЫВАЙ.

«Когда придетъ пора невзгоды и страданья,
И надъ твоей главой обрушится гроза, —
Не унывай, мой другъ! Въ минуту испытанья
Пускай предъ Господомъ падетъ твоя слеза.

Не горькимъ ропотомъ, а теплою мольбою
Строптивой жалобы порывы воздержи;
Но, сердцемъ вѣруя, что бдитъ Онъ надъ тобою,
Съ надеждой на Него печали возложи.

И, въ трудный часъ борьбы твоей житейской,
Онъ во время придетъ тебя спасти.
И будетъ Самъ тебѣ Онъ Симонъ Киринейскій
И тяжкій жизни крестъ поможетъ донести».

Розенгеймъ.

КОГДА МОЛИМСЯ И БОГЪ МЕДЛИТЪ УСЛЫШАТЬ НАСЪ, ТО ДѢЛАЕТЪ ЭТО КЪ ПОЛЬЗѢ НАШЕЙ, ДАБЫ НАУЧИТЬ НАСЪ ДОЛГОТЕРПѢНІЮ. А ПОСЕМУ И НЕ НАДОБНО УНЫВАТЬ, ГОВОРЯ: «МЫ МОЛИМСЯ И НЕ БЫЛИ УСЛЫШАНЫ». БОГЪ ЗНАЕТЪ, ЧТО ЧЕЛОВѢКУ ПОЛЕЗНО. —

МОЛИТВЫ ДАРЪ

«Молитвы даръ, — даръ чудный, даръ безцѣнный,
Замѣна всѣхъ непрочныхъ благъ земныхъ;
Блаженъ, кому дано душою умиленной
Извѣдать таинство святыхъ отрадъ твоихъ!

Блаженъ, кто молится въ минуты счастья,
Кто съ Богомъ сердце такъ умѣлъ сдружить,
Что Божья мысль святитъ въ немъ радости и страсти,
И можетъ ихъ порывъ безумный укротить.

Блаженъ, кто молится въ тоскѣ и мукѣ,
Подъ ношею тяжелаго креста,
Кто горемъ посѣщенъ, возноситъ къ небу руки,
Твердя: «Ты святъ, Господь, и власть Твоя свята!»

Блаженъ, кто, битвой жизни испытуемъ,
Смиренно вѣруетъ, смиренно ждетъ,
И высшій Промыселъ хвалебнымъ аллилуемъ,
Какъ отроки въ пещи, все славитъ и поетъ.

Гр. Растопчинъ.

ЕСЛИ КТО ХОЧЕТЪ ИСТИННО ВСѢМЪ СЕРДЦЕМЪ ИСПОЛНИТЬ ВОЛЮ БОЖІЮ, ТО БОГЪ ЕГО НИКОГДА НЕ ОСТАВИТЪ, НО ВСЯЧЕСКИ НАСТАВИТЪ ПО ВОЛЕ СВОЕЙ. ПОИСТИНѢ, ЕСЛИ КТО НАПРАВИТЪ СЕРДЦЕ СВОЕ ПО ВОЛѢ БОЖІЕЙ, ТО БОГЪ ПРОСВѢТИТЪ И МАЛОЕ ДИТЯ СКАЗАТЬ ЕМУ ВОЛЮ СВОЮ. —

АВВА ДОРОѲЕЙ.

«Глухая ночь кругомъ, и степь кругомъ — глухая,...
Ни звѣздочки, ни искорки, ни зги!...
О Боже, всѣмъ, кто страждетъ, по землѣ блуждая,
До пристани добраться помоги!...

Одинъ задавленъ горемъ, тяжестью страданья,
Другой упалъ подъ бременемъ труда!
Гдѣ-жъ свѣтъ любви небесной, братства, состраданья?!..
Всѣ врозь бредутъ невѣдомо куда!...

Глухая ночь кругомъ, и степь кругомъ глухая!..
Въ юдоли зла и тьмы не видно зги,....
О, Боже! Надъ землей любовь — свѣтильникъ рая,
Для всѣхъ, во тьмѣ блуждающихъ, зажги!...

О, Боже праведный! всѣхъ страждущихъ душою,
Скорбящихъ, плачущихъ любовью осѣни!...
И всѣмъ, — кто трудится, кто борется съ нуждою,
И нынѣ мощную десницу протяни»!...

ПУТЬ БОЖІЙ — ЕСТЬ ЕЖЕДНЕВНЫЙ КРЕСТЪ. —
СВ. ИСААКЪ СИРІЯНИНЪ.

«Въ эти кровавые бурные дни
Хочется сердцу забыться.
Мракъ на землѣ и страданья одни
Сердце по свѣтломъ томится.

Манитъ далекихъ небесъ синева:
Все тамъ свѣтло и прекрасно,
Въ древнихъ сказаній святыя слова
Хочется вѣрить такъ страстно.

Грезится ангельскихъ крылъ чистота,
Рая врата золотыя,
Грѣшнаго міра святая мечта
Чистая Матерь Марія».

Вѣра Рудичъ.

ИБО ВЕЛИКІЯ НАГРАДЫ И ВОЗДАЯНІЯ ПОЛУЧАЮТСЯ НЕ ТОЛЬКО ЗА ТО, ЧТО ДѢЛАЕШЬ ДОБРО, НО И ЗА ТО, ЧТО ТЕРПИШЬ ЗЛО. —
СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ.

ПОСТУПАЙ ТАКЪ, ЧТОБЫ СИЛА ТВОЯ НЕ СДѢЛАЛА НИКОМУ НИКАКОГО ЗЛА; ЧИСТЫМЪ СДѢЛАЙ СЕРДЦЕ ТВОЕ ДЛЯ ВСЯКАГО ЧЕЛОВѢКА. — *АВВА ПИМЕНЪ.*

Научи меня, Боже, любить
Всѣмъ умомъ тебя, всѣмъ помышленіемъ,
Чтобъ и душу тебѣ посвятить
И всю жизнь съ каждымъ сердца біеніемъ.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.

Всѣхъ, которыхъ пришелъ искупить
Ты Своею пречистою кровью,
Безкорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить.

К. Р.

КТО ПРОСИТЪ ОТЪ БОГА МЕНЬШЕ ТОГО, ЧЕГО ОНЪ ДОСТОИНЪ, ТОТЪ, КОНЕЧНО, ПОЛУЧИТЪ БОЛѢЕ, НЕЖЕЛИ ЧЕГО СТОИТЪ. ОБЪ ИСТИНѢ СЕГО СВИДѢТЕЛЬСТВУЕТЪ МЫТАРЬ, ПРОСИВШІЙ ОТПУЩЕНІЯ ГРѢХОВЪ, А ПОЛУЧИВШІЙ ОПРАВДАНІЕ.

ХОРОШО ИЗУЧИТЬ ИСТИНЫ НЕБЕСНАГО УЧЕНІЯ, УГЛУБИТЬ ИХЪ ВЪ СВОЕ СОЗНАНІЕ, УТВЕРДИТЬСЯ ВЪ НИХЪ ДУХОМЪ.
ПРЕПОД. КАССІАНЪ РИМЛЯНИНЪ.

«Измученный жизнью суровой,
Не разъ я себѣ находилъ
Въ глаголахъ Предвѣчнаго Слова
Источникъ покоя и силъ.

Какъ дышатъ святые ихъ звуки
Божественнымъ чувствомъ любви
И сердца тревожнаго муки,
Какъ скоро смиряютъ они...

Здѣсь все въ чудно сжатой картинѣ
Представлено Духомъ Святымъ;
И міръ существующій нынѣ,
И Богъ, управляющій имъ.

И сущаго въ мірѣ значенье,
Причина, и цѣль, и конецъ,
И Вѣчнаго Сына рожденье,
И крестъ, и терновый вѣнецъ.

Какъ сладко читать эти строки,
Читая, молиться въ тиши,
И плакать, и черпать уроки
Въ нихъ для ума и души».

ЕСЛИ ВОЗЛОЖИШЬ УПОВАНІЕ НА ГОСПОДА, ТО ОНЪ ДАСТЪ ТЕБѢ СИЛУ СВЫШЕ, И ТЫ ВОСТОРЖЕСТВУЕШЬ НАДЪ ПЛОТІЮ И МІРОМЪ. —
ѲОМА КЕМПІЙСКІЙ.

НАУЧИТЬ ЛЮДЕЙ ИСТИННО МОЛИТЬСЯ, — ЗНАЧИТЪ НАУЧИТЬ ИХЪ ПО-ХРИСТІАНСКИ ЖИТЬ. —

«Я не о томъ молю, чтобъ меньше мнѣ страданій
Ты посылалъ, Господь, въ юдоли сей земной;
Я знаю — жизнь должна пройти рядъ испытаній:
То — воля высшая, то — жребій роковой!

Молю я лишь о томъ, чтобъ эти всѣ страданья
Урокомъ были мнѣ, уча меня терпѣть,
Душой стремиться въ высь, пока за жизни грань я,
Стряхнувъ земную пыль, смогу перелетѣть...

А для того молю, чтобы земнымъ собратьямъ
Хотя отчасти я примѣромъ могъ служить.
Встрѣчая жизни скорбь, не воплемъ не проклятіемъ,
Но съ тихой радостью учась ее сносить.

Я радуюсь тому, что всѣ страданья жизни,
Вся боль душевныхъ мукъ и тяжкаго креста,
Достойнымъ сдѣлаютъ меня иной отчизны
И сопричастникомъ Христа».

Броницкая.

БУДЕ-ЖЕ ГОСПОДУ БОГУ УГОДНО БУДЕТЪ, ЧТОБЫ ЧЕЛОВѢКЪ ИСПЫТАЛЪ НА СЕБѢ БОЛѢЗНИ, ТО ОНЪ ЖЕ ПОДАСТЪ ЕМУ И СИЛУ ТЕРПѢНІЯ. —

СВ. СЕРАФИМЪ САРОВСКІЙ.

ВЪ МОЛЧАНІИ ПЕРЕНОСИ, КОГДА ОСКОРБЛЯЕТЪ ТЕБЯ ВРАГЪ, И ЕДИНОМУ БОГУ ОТКРЫВАЙ СВОЕ СЕРДЦЕ. —

СВ. СЕРАФИМЪ САРОВСКІЙ.

«Предъ Распятымъ склонись ты съ мольбою,
Угнетенный гоненьемъ людскимъ, —
И, исполненный вѣрой живою,
Всю тоску ты излей передъ Нимъ! —

Посмотри: Онъ съ любовью взираетъ,
Пригвожденный къ кресту за тебя;
Онъ за міръ добровольно страдаетъ,
И жалѣя его, и любя!..

Помолись съ упованіемъ Ему ты,
И на ликъ Его кроткій взирай, —
И повѣришь въ тѣ жизни минуты,
Что доступенъ и грѣшнику рай».

НАДОБНО ВСЕГДА ТЕРПѢТЬ И ВСЕ, ЧТО БЫ НИ СЛУЧИЛОСЬ, БОГА РАДИ, СЪ БЛАГОДАРНОСТІЮ. —

СВ. СЕРАФИМЪ САРОВСКІЙ.

КТО ИЩЕТЪ ДРУЖЕСТВО СО ХРИСТОМЪ, ДА ЗНАЕТЪ, ЧТО ОТЪ МНОГИХЪ ВРАЖДУ ПРЕТЕРПѢВАТЬ БУДЕТЪ. ИБО ДУША, ПРИЛѢПИВШАЯСЯ КЪ БОЖІЕМУ СЛОВУ, БЕЗЪ СОМНѢНІЯ, ТОТЧАСЪ БУДЕТЪ ИМѢТЬ ВРАГОВЪ; ТАКЪ ЧТО И ТѢ, КОТОРЫХЪ РАНЬШЕ ЗА ДРУГОВЪ ИМѢЛА, ОБРАТЯТСЯ ВО ВРАГОВЪ. —
БЛАЖЕННЫЙ ІЕРОНИМЪ.

О не отдай, Святая Дѣва,
Меня на произволъ людей!
Отъ скорби, нужды и отъ гнѣва
Явись заступницей моей!...

Обуреваемый страстями,
Печалью тяжкой омраченъ,
Во прахъ поверженный врагами,
Безсиленъ, нищъ, изнеможенъ, —

Не въ силахъ я стерпѣть страданья:
Не знаю, гдѣ найти покровъ,
Чѣмъ утолить души роптанье,
Куда укрыться отъ враговъ!...

Отъ скорби, нужды и отъ гнѣва
Явись заступницей моей,
И не отдай, Святая Дѣва,
Меня на произволъ людей!»

Аверкіевъ.

ЖИВАЯ ВѢРА — КРѢПКІЙ СТОЛПЪ. ХРИСТОСЪ ДЛЯ ВѢРУЮЩАГО ВЪ НЕГО ТАКОЮ ВѢРОЮ — ВСЕ.
МАРКЪ ПОДВИЖНИКЪ.

«О крестъ святой, символъ смиренья,
Какъ мнѣ отрадно предъ тобой!
Ты силу, крѣпость, утѣшенье
Даешь душѣ моей больной.

Передъ тобой я забываю
Все горе жизни, всю печаль.
Весь міръ я будто покидаю,
Гляжу спокойно, твердо вдаль.

Окончивъ трудъ дневной, я часто
Къ тебѣ за отдыхомъ спѣшу.
И у тебя покой и счастье
И силу снова нахожу.

И у подножія святого
Мнѣ такъ отрадно и легко
И мысль летитъ къ престолу Бога,
И на душѣ свѣтло, свѣтло.

И въ это чудное мгновенье
Желалъ бы я на вѣкъ заснуть...
О, дай Святое Провидѣнье,
Мнѣ у креста свой кончить путь»...

ВЪ ТРУДНЫЯ, РѢШИТЕЛЬНЫЯ МИНУТЫ ЖИЗНИ БОЛѢЕ НАПРЯГАЮТСЯ СИЛЫ ДУШИ, И ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКИХЪ ИСПЫТАНІЙ ЧЕЛОВѢКЪ ЧАЩЕ ВЫХОДИТЪ ПОБѢДИТЕЛЕМЪ, НЕЖЕЛИ ВЪ МАЛЫХЪ ЕЖЕДНЕВНЫХЪ ИСКУШЕНІЯХЪ. —
ПРЕПОД. КАССІАНЪ РИМЛЯНИНЪ.

Къ Тебѣ, о Мати Пресвятая,
Дерзаю вознести мой гласъ,
Лице слезами умываю,
Услышь меня въ сей скорбный часъ!..

Прими теплѣйшія моленья,
Мой духъ отъ золъ и бѣдъ избавь,
Пролей мнѣ въ сердце умиленье,
На путь спасенія наставь!...

Да буду чуждъ своей я воли,
Готовъ для Бога все терпѣть,
Будь мнѣ покровомъ въ горькой долѣ,
Не дай съ печали умереть...

Ты всѣхъ прибѣжище несчастныхъ,
За всѣхъ молитвенница насъ,
О защити, когда ужасный
Услышу судный Божій гласъ!...

Когда раскроетъ вѣчность время,
Гласъ трубный мертвыхъ воскреситъ,
И книга совѣсти все бремя,
Грѣховъ моихъ изобличитъ.....

Стѣна Ты вѣрнымъ и ограда
Къ Тебѣ молюся всей душой,
Спаси меня, моя отрада,
Умилосердись надо мной!

ОСКОРБЛЕНІЯ ОТЪ ДРУГИХЪ ДОЛЖНО ПЕРЕНОСИТЬ РАВНОДУШНО, — КАКЪ БЫ ОНѢ НЕ ДО НАСЪ КАСАЛИСЬ. ЕСЛИ ЖЕ НЕВОЗМОЖНО, ТО, ПО КРАЙНЕЙ МѢРѢ, НАДОБНО УДЕРЖИВАТЬ ЯЗЫКЪ — ПО ГЛАГОЛУ ПСАЛМОПѢВЦА: «СМЯТОХСЯ И НЕ ГЛАГОЛАХЪ» (ПС. 76, 5).

СВ. СЕРАФИМЪ САРОВСКІЙ.

«Прости мнѣ, Боже, прегрѣшенія,
И духъ мой томный обнови,
Дай мнѣ терпѣть мои мученья
Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви.
Не страшны мнѣ мои страданья:
Онѣ залогъ любви святой,
Но дай, чтобъ пламенной душой
Я могъ лить слезы покаянья.
Взгляни на сердца нищету,
Дай Магдалины жаръ священный,
Дай Іоанна чистоту;
Дай мнѣ донесть вѣнецъ мой тлѣнный,
Подъ игомъ тяжкаго креста,
Къ ногамъ Спасителя Христа».

СОВѢСТЬ ЧИСТАЯ ЕСТЬ ВЕЛИКОЕ УТѢШЕНІЕ. ЛУЧШЕ ОТЪ ЕДИНОЙ СОВѢСТИ УТѢШИТЬСЯ, ХОТЯ-БЫ И ВЕСЬ СВѢТЪ ПОРОЧИЛЪ, НЕЖЕЛИ ОТЪ СОВѢСТИ ОБЛИЧАТЬСЯ, ХОТЯ И ВЕСЬ СВѢТЪ ХВАЛИТЪ. —

ТИХОНЪ ЗАДОНСКІЙ.

«Божія Матерь, Святая, Пречистая!..
Дай предъ Тобой на колѣняхъ склонитья,
Дай предъ Тобой на колѣняхъ склониться,
Слезно въ молитвѣ горячей излиться!...

Въ горѣ въ тяжелые дни испытанія
Злою обидою, людской клеветою,
Дай мнѣ Твоей и любви и лобзанія,
Дай исцѣлиться мнѣ въ скорби Тобою!...

Сердцу въ печали пошли утѣшеніе,
И залѣчи мою душу больную.
Вѣру глубокую дай мнѣ, смиреніе,
Дай мнѣ надежду и крѣпость святую!..

Е. В. Митѣева.

ВЕЛИЧАЙШАЯ БОРЬБА — ЭТО КЛЕВЕТА, ОСОБЕННО КОГДА СЪ НЕЮ СОЕДИНЕНО ОБВИНЕНІЕ ВЪ ВАЖНОМЪ ДѢЛѢ. ЕСЛИ ЖЕ ВЕЛИКА БОРЬБА, ТО ЯВНО, ЧТО ЗА НЕЕ ПРИГОТОВЛЕНЪ И ВѢНЕЦЪ БЛИСТАТЕЛЬНѢЙШІЙ.

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ.

ВЪ НЕВОЛЬНЫХЪ СТРАДАНІЯХЪ СКРЫТА МИЛОСТЬ БОЖІЯ, ПРИВЛЕКАЮЩАЯ ТЕРПЯЩАГО КЪ ПОКАЯНІЮ И ИЗБАВЛЯЮЩАЯ ЕГО ОТЪ МУКИ ВѢЧНОЙ.

ПОДВ. МАРКЪ.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

«Бываютъ минуты, — тяжелой тоскою
Сожмется вдругъ сердце въ груди,
Какъ будто бы чуетъ, что новой бѣдою
Грозитъ мнѣ судьба впереди.

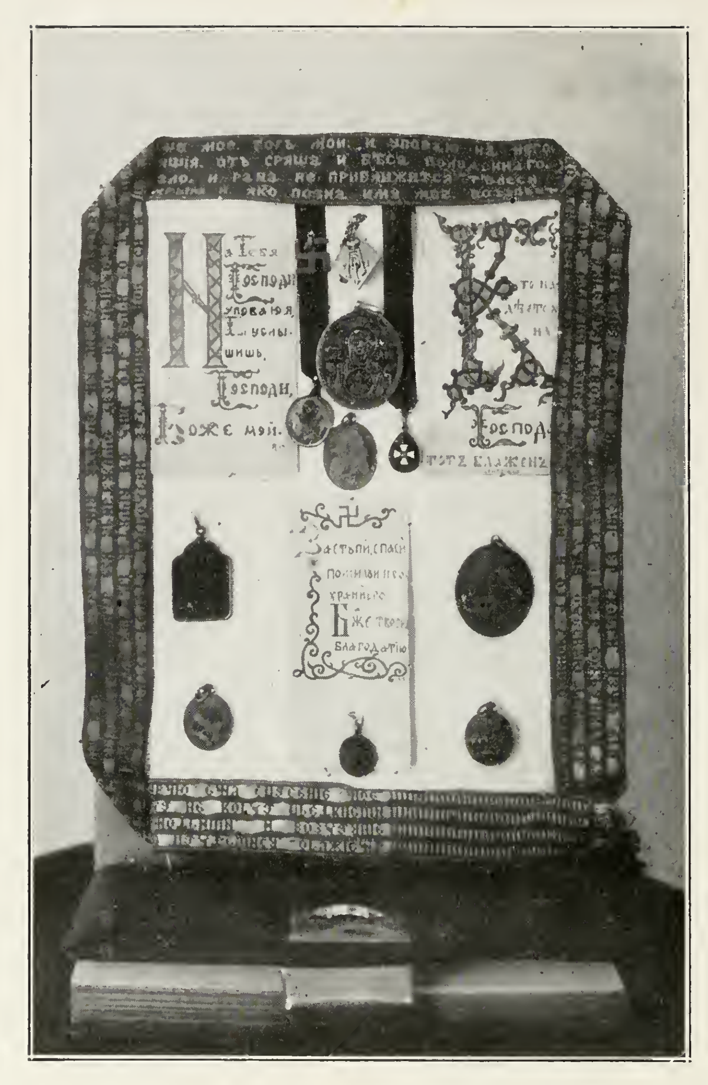
Глубоко-тоскливую сердца тревогу
Таю я отъ взгляда людей,
Но съ теплою вѣрой несу ее къ Богу,
Цѣлителю міра скорбей.

Какъ жаждущій путникъ въ степи раскаленной
Зову я Его, и въ отвѣтъ,
Сдается мнѣ, слышу душой умиленной
Исполненный ласки привѣтъ:

«Ко мнѣ утружденные жизнью, придите!
Гнетомые долей земной,
Печали свои на меня возложите —
Легки онѣ будутъ со мной!»...

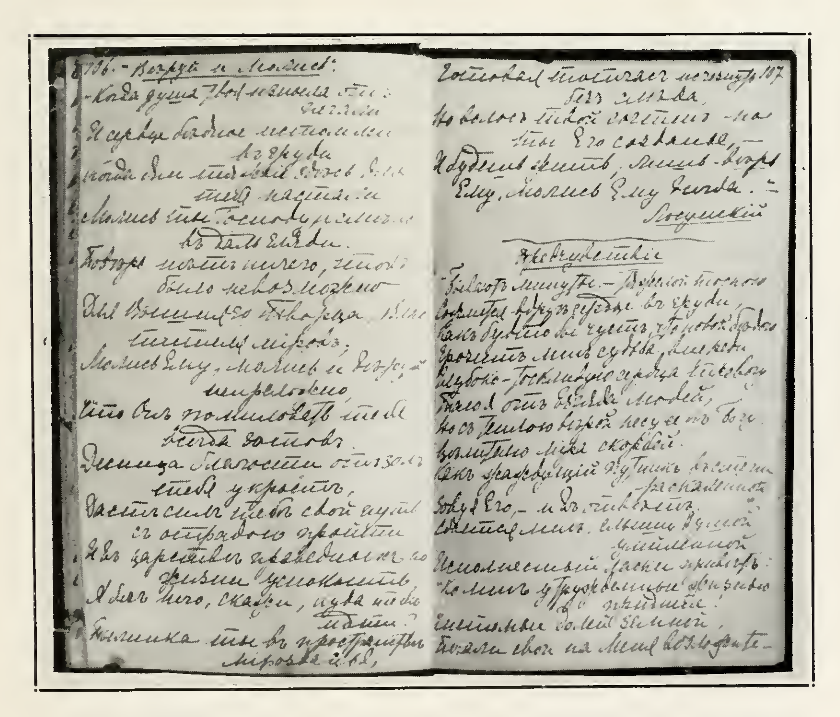
Есть дивная сила въ сердечной молитвѣ;
И, ею согрѣтый, иду
Спокойно навстрѣчу я жизненной битвѣ;
И горя безтрепетно жду».

Розенгеймъ.

Благословенія и подарки Ея Величества

1) Карточки, со словами псалмовъ, нарисованныя Ея Величествомъ въ Тобольскѣ. Такими карточками Государыня благодарила жителей г. Тобольска за присылку ими съѣстныхъ припасовъ, въ тѣ дни, когда Царская Семья, изъ за недостатка средствъ, терпѣла нужду въ предметахъ питанія (сахаръ, масло, кофе и проч.); 2) 8 образковъ благословенія Ея Величества и В. Княженъ, лично данные и пересланные изъ Тобольска; 3) Вверху лазаретный знакъ Ея Величества, въ видѣ монограммъ изъ 3 буквъ (А. О. Т.); 4) Рядомъ съ нимъ золотой знакъ сувастика, данный Ея Величествомъ на счастье; 5) Внизу книжечка въ 170 страницъ, заполненная стихотвореніями, часть коихъ воспроизведена въ этой книгѣ; 6) Рамочку окаймляющую образки, изображаетъ шелковая лента, съ вытканнымъ на ней 90-мъ псалмомъ — благословеніемъ воина, идущаго на войну.

Двѣ странички изъ книжечки Государыни, свидѣтельствующія о переживаніяхъ Ея Величества въ дни позора и гибели Россіи.

**
*

Нельзя не вѣрить, что эти предсмертныя страницы души Императрицы оставлены намъ Русскимъ людямъ по Волѣ Господа, чтобы лишь послѣ крестныхъ мукъ Ея мы познали Ту, Кого Онъ, Великій Богъ, далъ намъ, какъ нашу Мать — Царицу, какъ истинную христіанку, какъ лучшую мать своихъ дѣтей и преданную Супругу Государя.

Но если, читая строки, написанныя рукой Государыни, мы слышимъ и слезы Ея, и мольбу, и призывы къ Богу, то что доносится къ намъ изъ того безмолвія, которое хранилъ нашъ покойный Государь?...

Безмолвно о своихъ переживаніяхъ встрѣтилъ онъ всеобщую измѣну. Безмолвно слѣдилъ онъ за тѣмъ, какъ вели народъ Его къ гибели и позору. И принялъ смерть онъ, ни слова не проронивъ ни ко врагамъ, ни къ покинувшимъ Его «друзьямъ».

Великій стыдъ для всѣхъ насъ, если и мы безмолвно пройдемъ эту 10-ую годовщину Его гибели, не запечатлѣвъ нашей скорби.

И долгъ нашъ общій — создать въ память Государя и Его Семьи хотя бы маленькую Санаторію для чахоточныхъ дѣтей, инвалидовъ и стариковъ въ Болгаріи или Сербіи. Небольшихъ денегъ нужно для закладки этого святого дѣла, живого памятника нашей скорби, а будь оно создано, немыслимо думать о возможности закрытія санаторіи изъ-за отсутствія средствъ. Наоборотъ, какъ первая больничная койка создала возможность открытія еще 3-хъ, такъ и санаторія со столь глубокой идеей своего возникновенія быстро превратится въ дѣтище всѣхъ насъ Русскихъ, чтущихъ Память Царской Семьи.

Эту Санаторію въ память Государя и Его Семьи назовемъ Георгіевской, именемъ Святого, Орденъ имени котораго Государь носилъ до самой смерти своей.

Пусть это имя Георгія Побѣдоносца напомнитъ офицерамъ и солдатамъ и сестрамъ милосердія этого Ордена ихъ послѣдній долгъ передъ памятью своего Царственнаго Вождя, давшаго имъ счастье носить этотъ Орденъ.

Георгіевскіе Кавалеры въ бояхъ водили за собой полки. Дастъ Богъ и въ жизни, полной невзгодъ, они не будутъ послѣдними и въ этомъ святомъ дѣлѣ.

Какъ Георгіевскій Кавалеръ съ первыхъ дней Великой Войны, я посвящаю всѣ средства, которыя дастъ изданіе этой книги и свой нелегкій трудъ, отданный ей, на это дѣло и на развитіе идеи «Скорбной Памятки».

И не отъ избытка средствъ своихъ, а при полномъ отсутствіи ихъ дѣлаю я это, стремясь быть достойнымъ своего права хранить святыни, которыя довѣріемъ къ матери моей и ко мнѣ Царской Семьи хранятся у меня.

Посвящая всю жизнь свою служенію памяти Царственных Мучениковъ, я этимъ беру на себя выраженіе благодарности тѣхъ рядовыхъ солдатъ и офицеровъ, которые приняли столько трогательныхъ заботъ и любви отъ Семьи Государя, какъ случайные представители Его Арміи.

Безсильна была Семья Государя нашего сдѣлать больше, чѣмъ это дѣлала Она въ дни войны для горячо Ею любимой и близкой сердцу Дѣйствующей Арміи. Лишь нѣсколько сотъ раненыхъ прошло черезъ Ея лазаретъ, унеся въ сердцахъ своихъ святыя воспоминанія о виденномъ и пережитомъ въ немъ. Но много ли ихъ осталось въ живыхъ?..

И тѣ немногіе изъ нихъ, которыхъ судьба сберегла въ эти 10 лѣтъ, уже объединяются и работаютъ во имя этой идеи. Но безсильны они безъ помощи русскихъ людей почтить достойно святой трудъ Царской Семьи, и отъ лица этихъ раненыхъ я дѣлаю призывъ къ русскимъ людямъ помочь осуществить это наше стремленіе.

Если первая книжечка — крошка «Скорбная Памятнка» нашла сочувствіе у Русскихъ людей и до тысячи долларовъ собрала она своимъ скромнымъ призывомъ, то не сомнѣваюсь, что эта книга, **воскрешающая удушенную правду,** будетъ дорога для всѣхъ тѣхъ, кто эту правду ищетъ.

Изданіе этой книги обойдется около 1000 долалровъ. Почти вся эта сумма добыта подъ личное долговое обязательство.

Только глубокая вѣра въ жизненную необходимость изданія этой книги побудило меня это сдѣлать, дабы не пройти молча 10-ую годовщину убіенія Царской Семьи.

Не стремясь извлекать при ея распространеніи матеріальныхъ выгодъ и задаваясь цѣлью сдѣлать ее доступной каждому труженику въ Европѣ и безплатнымъ подаркомъ для всѣхъ инвалидныхъ пріютовъ и убѣжищъ, а также для всѣхъ больницъ Краснаго Креста, я считаю необходимымъ просить каждаго, живущаго въ Америкѣ, внести за эту книгу **не менѣе** — 2 долларовъ.

Сочту своимъ долгомъ отчетъ о расходахъ по изданію этой книги и о поступленіяхъ за нее привести на страницахъ слѣдующей № 3. «Скорбной Памятки».

Я не упоминаю своего имени, не изъ какихъ либо другихъ побужденій, какъ только изъ сознанія, что не должно личное имя быть присоединеннымъ къ столь святой идеѣ. Только «раненымъ Царской Семьи», «строевымъ офицеромъ Арміи Государя», смѣю я именовать себя на страницахъ этой книги. Ничего личнаго (ни денегъ, ни не-

нужной мнѣ рекламы) я не ищу, хочу лишь, чтобы мои святыни стали бы святынями истинно русскихъ людей. Чтобы мою безпредѣльную любовь и почитаніе Царской Семьи всѣмъ сердцемъ восприняли люди, съ которыми я буду дѣлиться сокровищами, вынесенными мною изъ подъ развалинъ погибшей Россіи.

Другихъ цѣлей у меня нѣтъ, и будущее подтвердитъ мои слова.

Прошу каждаго, кто прочтетъ эту книгу, подписаться на лепту для столь святого дѣла. Этимъ Вы оправдаете тѣ надежды, которыя единственно руководили выпускомъ этой, не обычнаго характера, книги.

А всѣ тѣ, кто прочли эту книгу лишь, какъ «романъ», пусть знаютъ, что совершили этимъ они новый грѣхъ передъ памятью Семьи Государя.

И я горячо прошу всѣхъ оградить книгу отъ этихъ людей — «лишь читателей». Не для нихъ 10 лѣтъ хранились эти святыни.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТЪ

На созданіе Георгіевской Санаторіи въ память 10-лѣтія

МУЧЕНИЧЕСКОЙ СМЕРТИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

17/VII 1918 г.

Русскіе Люди! «Вѣра движетъ горами». Пробудите въ себѣ эту вѣру и создайте общими усиліями Царственнымъ Мученикамъ Нерукотворный Памятникъ — памятникъ нашей любви и скорби. Къ которому, пока мы живы, «не заросла-бы народная тропа».

Всѣ мы русскіе люди по всѣмъ странамъ разсѣянія, во имя святой присяги, нами Царю данной и въ роковой Его часъ всѣмъ намъ отпущенной, **должны** заработокъ свой этого страшнаго дня, посвятить памяти своего Императора, всю Свою жизнь посвятившаго и отдавшаго Родинѣ.

Имя	Адресъ	Сумма
Отъ раненаго лазарета Государыни Императрицы, пользовавшагося больничной койкой № 313,374 и 412		$100

Этотъ листъ вырѣзать и прислать въ «Кассу» не ранѣе 6-го Декабря 1928 года; денежныя же поступленія пересылать въ «Кассу» по мѣрѣ ихъ поступленія.

«ПОЗОРНАЯ ПАМЯТКА»

«ПОЗОРНАЯ ПАМЯТКА»

ПОЭТЪ, НЕ ДОРОЖИ ЛЮБОВІЮ НАРОДНОЙ
ВОСТОРЖЕННЫХЪ ПОХВАЛЪ.
ПРОЙДЕТЪ МИНУТНЫЙ ШУМЪ.
УСЛЫШИШЬ СУДЪ ГЛУПЦА
И СМЕХЪ ТОЛПЫ ХОЛОДНОЙ.
НО ТЫ ОСТАНЬСЯ ТВЕРДЪ, СПОКОЕНЪ И УГРЮМЪ.

Объ одномъ Писателѣ-генералѣ и о его произведенiи я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ, но не на страницахъ «Скорбной Памятки», а на страницахъ «Порозной Памятки». *)

Я имѣю въ виду романъ «Отъ Двуглаваго орла къ красному знамени». Страницы этого романа являются поминальной панихидой Русскому Царю, отслуженной старымъ русскимъ Генераломъ.

Столица возрождавшейся Русской Государственности, г. Омскъ, въ свое время помянула память Его — полнымъ забвенiемъ.

Представитель побѣдоносной русской Общественности Г-нъ Панкратовъ — посвященiемъ улично-газетныхъ очерковъ, а Царскiй Генералъ, превзойдя всѣхъ, ржавыми гвоздями пригвоздилъ память Семьи Царя своего къ позорному столбу Русской Исторiи.

Невольно поднимается вопросъ. Неужели **«добровольное»** отреченiе Государя дало безграничное освобожденiе Царскимъ Генераламъ отъ присяги, ими Ему данной? Или, быть можетъ, это освобожденiе дали Генераламъ большевики, умертвивъ Царя и Его Семью? Но неужели присяга, освященная вѣрностью ей нашихъ предковъ, для Генераловъ нашего поколѣнiя являлась лишь контрактомъ, потерявшимъ силу 2 Марта 1917 г., когда контрактъ этотъ былъ расторгнутъ Русской Общественностью, при горячемъ содѣйствiи ей Цар-

---

***) Я лишь сожалѣю, что мнѣ приходится говорить объ этомъ Генералѣ въ дни, когда его дружно поносятъ въ печати за его отзывъ о «шкурникахъ». Это поношенiе лишь еще ярче подчеркиваетъ постыдность всѣхъ тѣхъ, кто въ свое время не возмущался оскорбительнымъ вымысломъ этого генерала о Покойной Царской Семьѣ... Неужели же такъ «важно» защищать доброе имя безвѣстныхъ «шкурниковъ» и не нужно защищать хотя бы Дѣтей Царя? Вѣдь они врагами не были ничьими, и состраданiе должно найтись въ душѣ каждаго къ Ихъ страданiямъ и къ Ихъ безвинно пролитой крови. И глубоко печально, что этого состраданiя защитники чести «шкурниковъ» въ себѣ не пробудили... до сихъ поръ.**

скихъ Генераловъ... И неужели никакихъ, даже моральныхъ, обязательствъ не сохранилось за тѣми, кто всю жизнь свою въ кровь и въ мозгъ Русской Императорской Арміи внѣдрялъ Святыя заповѣди бытія Арміи, бытія Государства? Вѣдь сохранили же они за собой ордена, звѣзды, званіе Генерала, Царемъ имъ данные?.. Но почему Государя стали почитать они «гражданиномъ», о которомъ съ «беэпристрастіемъ» «судей» и «историковъ» стали писательствовать они?... Казалось бы, у Панкратова по его заслуженному отъ Царя званію каторжника имѣлось много больше правъ, чѣмъ у Генераловъ на поношеніе Его, на клевету, но совѣсть Панкратова все же удержала его отъ чрезмѣрнаго пользованія этимъ правомъ.

Какой иroніей звучатъ слова Адмирала Колчака, сказанные мнѣ: **«писательствомъ не пристойно заниматься офицеру»** и запретилъ онъ на территоріи Россіи защищать офицеру Священную память Государя и Его Семьи отъ неправды, все же не совсѣмъ потерявшаго совѣсть каторжника.

Сейчасъ къ 10 лѣтію гибели Царской Семьи въ Америкѣ готовится къ выпуску грязная кинематографическая картина съ яркой ролью въ ней Распутина.

Русскіе люди западнаго побережья Америки обратились къ Русскимъ организаціямъ всей Америки съ призывомъ къ протесту, съ призывомъ осудить всѣхъ тѣхъ русскихъ артистовъ, кои принимаютъ участіе въ снимкахъ этой картины.

Хотѣлось бы знать, какіе протесты поднялись въ свое время по поводу сюжета для подобной позорной картины, созданной талантливымъ перомъ Царскаго Генерала? Не думалъ я, что мнѣ когда либо придется писательствомъ заняться, но когда 6 лѣтъ назадъ я прочелъ страницы Писателя-генерала, то я счелъ долгомъ строевого офицера взяться за перо, призванія къ коему никогда не было у меня. Но какъ первая панихида о Государѣ Мученикѣ побудила меня выразить скорбь Русскихъ людей, какъ статья Панкратова заставила меня протестовать, такъ и страницы возмутительной лжи Генерала-писателя побудили меня записать всю ту быль, которую я видѣлъ отъ начала войны и до конца ея, не изъ штабовъ и не изъ тыла, а въ рядахъ бойцовъ, въ рядахъ тѣхъ «шкурниковъ», шкуры которыхъ **безъ мѣры, числа и конца** развѣшивались на нѣмецкихъ проволокахъ по приказу Брусилова, Рузскаго и, вѣроятно, Писателей-генераловъ. (Въ книгахъ русскихъ и нѣмецкихъ военныхъ историковъ есть подтвержденіе этому).

Но сейчасъ не мѣсто этимъ личнымъ воспоминаніямъ. Сейчасъ моя цѣль одна: ярче, выпуклѣе дать образъ души Императрицы по собственнымъ Ея предсмертнымъ мыслямъ, чувствамъ и словамъ.

Она, еще такъ недавно **обще-признанный «врагъ Россіи»**, «безнравственная мать-супруга, источникъ всѣхъ бѣдъ», наиболѣе нуж-

дается въ нашей защитѣ. Грустно, что безсильны мы защитить память Ея отъ враговъ Россія, но еще печальнѣе то, что **на раненаго Государыни выпалъ долгъ защитить память Ея отъ Генерала Государя...** и не отъ холопа или лакея большевистской власти, не отъ продажнаго жандармскаго Ген. Комиссарова, за доллары безсовѣстно порочившаго въ Америкѣ память Государя, а отъ бѣлаго генерала, Генерала — «надежду» казачества, Генерала-отъ-Кавалеріи Краснова.

Страницы романа этого Генерала должны войти въ исторію русской революціи на ряду со страницами, вписанными уже въ нее тѣми, чьи имена ярко сверкаютъ въ историческомъ актѣ расторженія военными и гражданскими Генералами **трехсотлѣтняго «контракта»** между Русскими Царями и Русскимъ Народомъ.

Нѣсколько страницъ, написанныхъ мною въ книгу личныхъ воспоминаній подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго произведенія Краснова, я позволю себѣ воспроизвести здѣсь, дабы въ скорбную **десятую** годовщину трагической гибели Царя и Его Семьи напомнить о томъ, какъ память Семьи Государя «почтена» была Его **вѣрноподаннымъ** Генераломъ уже послѣ Ея Мученической смерти.

За рѣзкость словъ моихъ прошу простить. Не владѣю я перомъ ни литератора, ни дипломата. Написалъ я то, что подсказывала мнѣ лишь моя совѣсть. А совѣсть диктовала мнѣ по мѣрѣ силъ моихъ защитить Священную Память Царской Семьи, какъ отъ Царскаго каторжника, такъ и отъ Царскаго Генерала. Это я нынѣ и дѣлаю.

Іюль 1922 г. Нью Іоркъ.

Я только что прочелъ романъ П. Н. Краснова «Отъ двуглаваго Орла къ красному знамени». Не касаясь оцѣнки его, какъ литературнаго произведенія, я не могу не отмѣтить тяжелаго и гнетущаго впечатлѣнія, которое осталось у меня при чтеніи тѣхъ оскорбительныхъ и позорныхъ страницъ, которыя внесъ даровитый авторъ въ свое произведеніе, о несчастныхъ оплеванныхъ всѣмъ міромъ, святыхъ мученикахъ Царской Семьи. И это гнетущее впечатлѣніе воспринято не только мной, но абсолютно безъ исключенія всѣми лицами, съ которыми мнѣ приходилось затрагивать этотъ вопросъ. Даже тѣ, кто никогда не зналъ и близко не видѣлъ Царской Семьи, кто былъ недругомъ Ея въ дни всеобщаго ослѣпленія и вѣрилъ клеветѣ на Нее и лишь позже прозрѣлъ и понялъ истину, — всѣ съ негодованіемъ высказывались о возмутительныхъ страницахъ Краснова. Для тѣхъ же, кто лично зналъ Царскую Семью, кто видѣлъ ихъ страдальческую жизнь въ дни царствованія, кто позналъ ихъ святую душу и жертвенный трудъ ближнему и съ трепетнымъ благоговѣніемъ слѣдилъ за Ихъ сверхъ человѣческими испытаніями, для этихъ людей не хватаетъ и нѣтъ словъ выразить презрѣніе къ автору Генералу, дерз-

нувшему на святотатство и оскверненіе памяти погибшихъ. Довольно было написано и высказано омерзительнаго и лживаго за подлые годы нашей жизни на невинныхъ мучениковъ. Довольно было вылито грязи на Тѣхъ, Кто не сказалъ и не могъ сказать въ свою защиту ни одного слова, не произнесъ ни одного стона.... при пыткахъ своихъ палачей и физическихъ и духовныхъ.

По всей Совѣтской Россіи, да и внѣ ея, печатали и будутъ еще печатать тысячи романовъ, тысячи мемуаровъ и всякихъ документовъ лживаго свойства, чтобы на вѣки вѣчные задушить правду о Великихъ Патріотахъ Россіи и ея народа — о Царѣ и Его Царственной Семьѣ. Сколько же написано и кто пишетъ и можетъ писать въ защиту отъ этой лжи? Тѣ, на комъ наибольшій долгъ лежитъ это сдѣлать, кто наиболѣе близокъ былъ къ Царю и Его Семьѣ, кто принималъ безграничную вѣру и любовь Ихъ, тѣ молчатъ... Печать позора безчестія и измѣны сковываетъ ихъ уста. Тѣ люди чести, кто безчетными могилами сумѣлъ вписать въ исторію Россіи свою любовь къ ней и вѣрность Царю, не говорятъ... Они унесли въ свои молчаливыя могилы всю ту правду, которую они знали о своем Государѣ и Его Семьѣ, и эта правда умерла съ ними и умираетъ съ каждымъ днемъ въ совѣтскихъ застѣнкахъ, или въ нищенскихъ конурахъ эмигрантовъ, безсильныхъ исполнить свой нравственный долгъ передъ Россіей и всѣми ея жертвами. Кто и что до сихъ поръ сдѣлалъ, чтобы выполнить этотъ свой долгъ передъ будущими поколѣніями, наслѣдниками созданнаго нами позора и гибели Родины, чтобы въ ихъ сердцахъ сохранилось святое поклоненіе невиннымъ жертвамъ всеобщаго безчестья и всеобщей вины? Какимъ то безсильнымъ стономъ прозвучалъ голосъ несчастной А. А. Вырубовой въ защиту обожаемой ею и близкой ей Царской Семьи. Промелькнули чьи-то коротенькія странички воспоминаній и потонули онѣ въ массѣ повременной печати. И не по нимъ будущія поколѣнія будутъ создавать своимъ воображеніемъ образы чуждыхъ имъ страдальцевъ. Не истину они будутъ искать, не правдивое, зачастую безталанное, повѣствованіе они будутъ читать неизвѣстныхъ имъ X. У. Z. Они будутъ читать, цѣнить и вѣрить талантливому перу, красочному изображенію далекаго имъ прошлаго то, что легко читается, ярко воспринимается и умѣло на воображеніе читателя дѣйствуетъ. Вотъ чѣмъ прельстятся они... И, безъ сомнѣнія, романъ П. Н. Краснова, охватывающій весь періодъ жуткой эпохи Россіи, художественно рисующій, какъ на экранѣ кинематографа, всю цѣпь событій, неминуемо послужитъ тѣмъ матеріаломъ, по которому будущія поколѣнія воспримутъ образы, факты и мысли, изображенные въ романѣ, не какъ вымышленные авторскимъ воображеніемъ, а какъ дѣйствительно добросовѣстно взвѣшенные и приведенные имъ фактическія данныя. Особенно званіе Царскаго Гвардейскаго Генерала увеличиваетъ вѣсъ и пре-

ступность вымысловъ. Но кто можетъ разобраться въ этомъ? И хотя никто не можетъ насиловать убѣжденій другихъ, никто не смѣетъ требовать преклоненія отъ тѣхъ, кто не имѣетъ даже уваженія къ памяти Ихъ, но требовать честнаго, правдиваго приговора, особенно надъ могилами погибшихъ — это долгъ каждаго.

И тотъ безчестный приговоръ, который страницами своего романа ванесъ въ исторію П. Н. Красновъ, требуетъ жестокаго осужденія.

Для меня совершенно не постижима кощунственная фантазія автора, дерзнувшаго коснуться своимъ перомъ свято чтимыхъ образовъ Царственныхъ Мучениковъ, съ той цыничной низменностью, которая могла быть присуща лишь безпринципнымъ «сочинителямъ и писателямъ» Московскаго комиссародержавія. Невольно задаешь вопросъ: чѣмъ руководствовался авторъ, оскверняя священные Русской душѣ образы Царственныхъ Мучениковъ? И теряешься въ догадкахъ... Не то онъ заботился отдать дань нашему подлому времени, не то стремился угодить спеціальному кругу читателей.

Вотъ предсмертныя страницы дневника жены Ген. Саблина. Какъ помнитъ читатель, фигура Ген. Саблина есть одухотворенный образъ Русскаго патріота, носителя чести, рыцарства и благородства, болѣвшаго душой за неудачи Россіи и отдававшаго жизнь свою за счастье, величье ея. Вѣра Константиновна, жена Ген. Саблина — полная гармонія души своего супруга, идеалъ Русской женщины, матери и жены. Ихъ семейная жизнь была сплошное счастье и любовь, но вотъ Государыня толкнула жену Саблина въ объятія Распутина, и, изнасилованная имъ, она не снесла безчестія — отравилась.

..... Мая. Вчера А. Ѳ. *) сказала мнѣ, что онъ хочетъ со мною познакомиться. Я сказала, что не имѣю ни малѣйшаго желанія видѣть его, такъ какъ про него разсказываютъ много очень нехорошаго и небезопасно женщинѣ видѣть его.

А. Ѳ. **) вспыхнула.

— Это неправда, — сказала она. — Онъ святой человѣкъ. Сосудъ избранный, полный благодати. То, что онъ васъ замѣтилъ, это счастье для васъ.

Я смолчала и заговорила о другомъ.

Вечеромъ были у В. ***). Играли въ покеръ. В. смѣялась надо мною. Потомъ серьезно сказала: «Въ уничиженіи спасеніе. Вы знаете, что въ васъ сидитъ бѣсъ гордости. Изгоните его униженіемъ себя. Княжня Л. ѣздила съ нимъ въ баню и мыла ему ноги и ходила за нимъ и испытала неземное блаженство. Съ Г. было то же самое. Онъ васъ избралъ и это значитъ, что благодать съ вами».

---

*) Государыня Императрица.
**) Государыня.
***) Вырубовой.

Я назвала его грязнымъ мужикомъ и развратникомъ. А. Ѳ. *) это было видимо непріятно. Она промолчала, **), но я видѣла, что она недовольна мною. В. сказала: «вы повторяете мнѣніе улицы. Чтобы судить о чемъ либо, надо знать».

Чтобы загладить непріятное впечатлѣніе, я сказала А. Ѳ. ***), что виновата и прошу простить меня. Если онъ хочетъ видѣть меня, я буду у него, но тогда, когда у него будетъ много народа.

— Конечно, сказала А. Ѳ. и поцѣловала меня.

Послѣ завтрака ты уѣхалъ. Я осталась одна, полная тобою, полная мечтами о тебѣ. Отъ В. пріѣхалъ лакей съ запиской. Пишетъ, что сегодня въ шесть вечера заѣдетъ за мной, чтобы ѣхать къ нему...

Онъ сидѣлъ въ головѣ стола и не всталъ при нашемъ приближеніи. Странно онъ былъ одѣтъ. Въ длинной блѣдно фіолетовой рубашкѣ, въ черныхъ штанахъ и мнѣ показалось — въ туфляхъ на босу ногу. Густые блестящіе волосы его были расчесаны на двѣ стороны, черная борода лоснилась. Но всего замѣчательнѣе были глаза. Громадные, бѣлые, какіе то усталые и въ то же время жгучіе, они точно видѣли все насквозь.

Онъ протянулъ мнѣ большую волосатую руку и сказалъ — «Гряди, голубица. Бѣ-ѣ-лая. Люблю».

Всѣ дамы обратили на меня вниманіе и сказали::

— Отмѣтилъ. Счастливица! Удостоилъ. Отецъ нашъ!... Божія благодать на ней.

Я была смущена и растерянно сѣла подлѣ. Онъ наливалъ мнѣ вина и давалъ конфекты и пирожныя. Я не пила и не ѣла.

— Думаешь, подсыпано чего, — сказалъ онъ. — Не занимаюсь эфтимъ. Ну пусть по твоему. Не ѣшь, коли не хочешь. Брезгаешь. Смотри, какъ другія.

Онъ отломилъ кусочекъ пирожнаго съ моей тарелки и протянулъ руку блѣдной дѣвицѣ. Та послушно открыла ротъ. Онъ положилъ ей его въ ротъ.

— Вотъ Марья меня любитъ. Хочешь Марья въ байну опять?... А ты гордая! Ну не бось. Вижу, мужа любишь. Была у него сегодня. Ну ничего, я не брезгливъ. Ишь ты приглянулась мнѣ какъ. На Лександру больно похожа.

Дамы смотрѣли на меня съ завистью.

О. сказала мнѣ:

— Счастливица вы, Вѣра Константиновна. Это первый разъ, что-

---

*) Императрицѣ.

**) Такимъ образомъ подобный «банный» разговоръ по замыслу автора велся въ присутствіи Государыни...

***) Императрицѣ.

бы отецъ сразу такъ кого отмѣтилъ. Вы сосудъ избранный. Благодать на васъ.

Мнѣ казалось, что я окружена сумасшедшими. Я ничего не понимала и сидѣла, не зная, что дѣлать. Вдругъ почувствовала, что онъ устремилъ на меня свои громадные бѣлые глаза.

Онъ грубо взялъ меня за руку и сказалъ:

— Ну пойдемъ!

Я покорно встала и пошла съ нимъ, онъ велъ меня за руку. Всѣ смотрѣли на меня восхищенными, завистливыми глазами. В. сказала мнѣ:

— Гряди, гряди голубица! Счастливица!

Мы вошли въ сосѣднюю небольшую комнатку. Въ ней стояла кушетка не первой чистоты. Дверь въ столовую была открыта. Тамъ всѣ сидѣли тихо и, казалось, слушали, что будетъ. Я ничего не понимала.

Александръ! Развѣ это измѣна? Это насиліе, подобное убійству, это ужасъ и мерзость. Пахнуло на меня запахомъ неопрятнаго мужчины, мужицкимъ потомъ. Было до тошноты гадко...

Онъ вывелъ меня въ столовую. Растрепанную, полумертвую отъ ужаса. Меня встрѣтилъ восторженный хоръ. Княгиня О. поцѣловала мою руку, В. сдѣлала тоже самое. Лимфатичная барышня была близка къ обмороку.

— Освященная! кричали кругомъ. — Святая, чистая, радостная! Гряди, голубица!

Онъ усмѣхаясь пилъ вино.

... іюля, Я рѣшила покончить съ собою. Живую ты меня не простишь. Можетъ быть, простишь мертвую.

... іюля. Онъ зоветъ меня. Я не могу ослушаться.

Я не пойду к нему. Богъ пусть разсудитъ насъ...

Прости... Боже, какъ я люблю тебя, Александръ, нашихъ дѣтей и жизнь.

Знаю, живую не простишь. Прости хотя мертвую.

Христосъ съ тобою. Будь счастливъ.

Прости!!!

Если нѣсколько страницъ далѣе Генералъ Красновъ съ циничной беззастѣнчивостью порочитъ память Императрицы устами имъ созданнаго урода раненаго офицера, то здѣсь этой предсмертной исповѣдью идеальной русской женщины онъ подтверждаетъ полную справедливость всѣхъ тѣхъ «откровеній», которыя произнесъ этотъ его «офицеръ».

Ниже я воспроизвожу «свидѣтельство» Писателя-генерала о работѣ Государыни и Ея Дѣтей въ лазаретѣ въ дни войны.

«Въ этотъ лазаретъ ушла Императрица всѣмъ своимъ сердцемъ. Здѣсь Она отдыхала отъ мученій душевныхъ, вызванныхъ разладомъ и разочарованіемъ. Она понимала, что продолженіе войны — гибель для Россіи, по крайней мѣрѣ для Россіи Императорской, а иною Она не могла представить себѣ Россію. Ей рисовался немедленный, сепаратный миръ съ Германіей, миръ, чрезвычайно выгодный для Россіи, съ полученіемъ Константинополя, проливовъ, части Малой Азіи, тѣснѣйшій союзъ съ императоромъ Вильгельмомъ и торжество монархіи. Она это сумѣла бы сдѣлать! Тогда Она прославилась бы въ исторіи и всѣ увидѣли бы, на что Она способна. Дальше Она мечтала о патріотическомъ воспитаніи народа, сильной Арміи и о блаженномъ вѣкѣ... Она ѣздила въ Ставку, къ своему мужу, зондировать почву и тамъ Она натыкалась на невѣроятную, непримиримую ненависть къ нѣмцамъ, преклоненіе передъ французами и вѣрность во что бы то ни стало своему слову. Человѣкъ, который во внутренней политикѣ не держалъ своего слова и поддавался настроеніямъ и совѣтамъ министровъ и общественныхъ дѣятелей, благоговѣлъ передъ договорами съ Франціей и Англіей, и Она ничего не могла сдѣлать. Мѣшало и вліяніе матери. Императрица чувствовала, что отъ Трона всѣ отшатнулись, даже родственники, и не хотѣла этому вѣрить. Въ своемъ лазаретѣ Она искала утѣшенія, въ немъ Она хотѣла самой себѣ доказать, что все, что если и не говорится, то чувствуется кругомъ — неправда. Что народъ и армія Ее любятъ и пойдутъ за Нею.

Лазаретъ имѣлъ два отдѣленія — офицерское и солдатское. И то и другое были поставлены самымъ лучшимъ образомъ. Ласкою и вниманіемъ къ раненымъ Императрица и Великія Княжны покупали себѣ любовь раненыхъ и письма и выраженія благодарности этихъ раненыхъ принимали за общественное мнѣніе, за мысли всей Россіи, всей Арміи.

Раненые возвращались въ полки, полные пріятныхъ воспоминаній о времени, проведенномъ въ лазаретѣ, о ласкахъ и вниманіи Царской Семьи, но въ полкахъ они видѣли холодное, а иногда враждебное отношеніе къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и, боясь заслужить наименованіе Царскаго холопа, они молчали о своей благодарности лазарету, и лишь нѣкоторые писали трогательныя письма Императрицѣ и Княжнамъ. Эти письма далеко не всегда были искренними, но ими въ лазаретѣ восхищались, въ нихъ видѣли простое, полное благородства, сердце Русскаго Солдата и по этимъ единичнымъ письмамъ судили о всей Арміи».

Считаю своимъ правомъ и долгомъ опровергнуть вымыселъ Генерала Краснова и засвидѣтельствовать, что раненые возвращались въ полки не съ пріятными воспоминаніями о времени, проведенномъ въ лазаретѣ Царской Семьи, а со святыми воспоминаніями и молитвенной

любовью ко всей Царской Семьѣ. И мы не боялись разсказами своими о «сказкѣ-правдѣ» заслужить наименованіе Царскаго холопа. У этихъ «холоповъ Царскихъ» преданная любовь къ своимъ Царственнымъ Сестрамъ Милосердія не умирала и не умретъ. Съ Божьей помощью любовь къ Царственнымъ Сестрамъ воскреситъ раскаяніе у тѣхъ, кто не зналъ и не видѣлъ Святую Многострадальную Царскую Семью и грѣшилъ, повторяя хулу другихъ. Наши письма были не только искренни, а даже больше того, мы писали Государынѣ ту правду, которую Генералы не писали и не говорили Царю. Въ своихъ письмахъ къ Императрицѣ писалъ я лѣтомъ и осенью 1916 года о «бойнѣ», совершавшейся на фронтѣ Юго-Западныхъ Армій, объ уничтоженіи Арміи Государя преступными приказами Генерала Брусилова и другихъ Генераловъ. И по письмамъ и правдивымъ разсказамъ раненыхъ Императрица знала всю страшную истину и видѣла пропасть, къ которой толкали Россію тѣ, кто мнилъ себя призваннымъ спасать ее отъ «измѣны», отъ «распутства», отъ «позорнаго сепаратнаго мира». И вѣра лишь въ милость Бога, вѣра въ побѣдное окончаніе войны весной 1917 года давала Императрицѣ силу все выносить.

Продолжаю повѣствованіе Краснова:

«Жизнь во дворцѣ была для Императрицы каторгой. Своихъ мученій, своего заискиванья передъ Распутинымъ, своихъ слезъ въ минуты колебаній, своихъ симпатій къ кровному врагу Русскаго народа — нѣмцамъ она уже не могла скрывать отъ окружающихъ. Она навѣщала лазареты, гдѣ были раненые плѣнные германцы.

Только въ лазаретѣ Она отдыхала. На операціи тяжело раненыхъ, когда, откинувъ брезгливость, Она помогала хирургу, у постели умирающихъ, видя страшныя муки молодого тѣла, разстающагося съ жизнью, Она забывала свои личныя мученія и находила странное утѣшеніе въ страданіяхъ и мукахъ другихъ людей. Въ лазаретѣ, по вечерамъ, Она сидѣла со своими Дочерьми въ кругу выздоравливающихъ, устраивали игры, пѣли, играли на фортепьяно — создавалось подобіе семьи, и Ей казалось, что тутъ эти расшалившіеся офицеры Ее понимаютъ и любятъ Ее, какъ мать.

Иногда въ играхъ слишкомъ развеселившаяся молодежь переходила грани приличія. Хорошенькихъ Княженъ, смѣющихся и раскраснѣвшихся, охватывали нескромные взгляды офицеровъ. При игрѣ дольше задерживали въ своей рукѣ пухлыя руки Княженъ, касались ихъ колѣнъ, трогали башмаки».

Ниже привожу отрывокъ изъ разговора между ранеными лазарета, Верцинскимъ и Карповымъ, сфабрикованный гнусной фантазіей Генерала Краснова:

« — Но предупредить васъ считаю обязаннымъ, ибо, можетъ быть,

отчасти, благодаря вамъ, попалъ въ этотъ образцовый лазаретъ и на пути къ выздоровленію.

— И не благодарны за это Ей, нашей Царицѣ, старшей сестрѣ?

— Нисколько, юноша. Она обязана это сдѣлать, и Она и сотой доли своего долга не отдала мнѣ.

— Обязана? Но почему? За что Она обязана? А дѣлать самой операцію надо мною? Возиться надъ моимъ тѣломъ, ходить за мной! Тоже обязана! — задыхаясь и торопясь сказалъ Алеша.

— Эхъ, юноша! Юноша! Вы слыхали, что такое садизмъ?

— Нѣтъ.

— Ну ладно. А о половой психопатіи, или истеріи, слыхали?

— Очень мало.

— Все Онѣ, и старшая сестра и Ея Дочери въ лучшемъ случаѣ — больныя женщины-истерички.

— Вы не смотрите на то, что Онѣ тѣломъ такія здоровыя, сильныя, могучія, хотя Татьяна и тѣломъ худовата. Это бываетъ. Въ здоровомъ тѣлѣ есть такой нервный изломъ, и вотъ отъ этого-то нервнаго излома и идетъ это все. И лазаретъ съ красивыми юношами-офицерами, и игры съ ними, а тѣмъ болѣе Распутинъ.

— Ни меня, — продолжалъ Верцинскій, — ни штабсъ-капитана, вашего сосѣда, у котораго вчера отняли ногу по бедро, а сегодня онъ умеръ, сами не оперировали, даже и не глядѣли на насъ. Мы имъ не интересны. Тутъ смотрятъ и оперируютъ молодыхъ, красивыхъ, которые бьютъ на чувственность, раздражаютъ нервы... Да, это дополненіе къ Распутину, къ той страшной гангренозной язвѣ, которая поразила Императорскій Домъ, наканунѣ его паденія.

— Распутинъ — любовникъ истеричной Царицы и купленный императоромъ Вильгельмомъ негодяй, притворяющійся идіотомъ. Распутинъ — это альфа и омега надвигающейся Русской революціи.

— Но говорятъ... я читалъ, что это простой мужикъ. — сказалъ Алеша.

— Ну такъ что же, что простой мужикъ.

— Какъ же онъ можетъ приблизиться къ Императрицѣ?

— Эхъ, юноша. У него есть то, что ей нужно. Не безпокойтесь, пожалуйста. И Мессалина искала простыхъ легіонеровъ и гладіаторовъ, а не изнѣженныхъ сенаторовъ и римскихъ всадниковъ.

Алеша молчалъ, поникнувъ головой.

— И потому, юноша, — продолжалъ Верцинскій, — взвѣсьте самого себя и, если чувствуете въ себѣ достаточно силы и пріятности, дерзайте, а не вздыхайте и влюбленность свою отбросьте. Сантименты разводить тутъ нечего. Чѣмъ наглѣе вы будете дѣйствовать, тѣмъ больше шансовъ у васъ на успѣхъ. Помните одно, что на невинность вы не наткнетесь. Распутинъ давно перепортилъ дѣвочекъ».

Бесѣда Императрицы съ сестрой Валентиной:

« — Ахъ, сестра Валентина, надо кончить войну. Намъ не подъ силу сражаться съ ними.

Сестра Валентина молчала. Она низко опустила голову на грудь.

— Надо раньше побѣдить, Ваше Императорское Величество! — тихо сказала она и стала теребить край своего бѣлаго передника.

Императрица не отвѣчала. Она встала. За ней поднялась и сестра Валентина.

Императрица отправилась во дворецъ раньше, нежели обыкновенно. Она была разстроена. Сестра Валентина чувствовала себя виновной въ этомъ, но не могла поступить иначе, да Императрица ее и не обвиняла. Она понимала ее, но знала. что Ее-то никогда и никто не пойметъ».

А этотъ «романъ» между донскимъ казакомъ, храбрымъ, пылкимъ и чистымъ юношей офицеромъ и Великой Княжной Татьяной Николаевной... Во имя чего сфабрикованъ этотъ вымыселъ, рисующій Княжну бездушной, нечуткой. спокойно разсуждающей, что на войнѣ офицеры должны умирать, безъ этого не будетъ побѣды. И въ дальнѣйшемъ, когда этотъ юноша уѣхалъ на фронтъ, поклявшись умереть для Нея въ бою, Великая Княжна не только не помнила о его любви къ Ней, но даже совершенно забыла о его имени и фамиліи. А когда Ей напомнили о немъ, Она сказала:

« — Это хорошо, что убило его, а не кого-либо такого, у кого осталась семья, несчастные, голодные дѣти. Правда, Валентина Ивановна, для государства лучше, если гибнутъ холостые?

— Всегда тяжело, когда убьютъ кого-либо, — съ подавленнымъ вздохомъ сказала сестра Валентина. — А молодыхъ мнѣ особенно жалко. Вся жизнь ихъ впереди. Онъ такъ былъ преданъ вамъ и Государю. Такіе люди, Татьяна Николаевна, особенно дороги теперь.

Татьяна Николаевна испуганно посмотрѣла на сестру Валентину.

Эти дни такъ много смутнаго и недоговореннаго и во дворцѣ, и въ ставкѣ, и въ лазаретѣ.

— Вы не помните его имени, сестра Валентина? — робко спросила Великая Княжна, — я хочу записать его въ свое поминаніе.

— Алексѣй, — сухо сказала сестра Валентина, встала со стула и пошла изъ комнаты.

Татьяна Николаевна посмотрѣла на нее съ удивленіемъ, потомъ взглянула въ окно и вдругъ побѣжала изъ пріемной. Надо письмо показать мамѣ и Ольгѣ, и Маріи съ Настасьей. Все таки это хорошо, что офицеры такъ умираютъ. Это показываетъ, что они вѣрноподданные! — думала Она, сбѣгая по лѣстницѣ въ столовую. гдѣ должна была быть въ эти часы Императрица и сестра Ольга.

Такъ кончился «романъ» молодого Алеши Карпова».

Выше я привелъ страницы П. Н. Краснова, знакомящаго читателя не только съ работой Императрицы и Великихъ Княженъ въ дни войны въ лазаретѣ, но и дающаго также представленія о характерахъ, мысляхъ и нѣкоторыхъ духовныхъ сторонахъ Царственныхъ Сестеръ Милосердія...

Поверхностно, наслышкой воспринявшій кое-какіе слухи, сплетни и разсказы «очевидцевъ» и «приближенныхъ», авторъ смѣло набросалъ при помощи собственнаго воображенія невѣроятные образы, невѣроятные факты, не существовавшіе мысли и разговоры и, отдѣлавъ въ красочную форму своимъ талантомъ, преподнесъ, какъ яркую картину были.

Особенно постыдны строки, рисующія атмосферу чувствъ больныхъ и Царственныхъ Сестеръ лазарета, гдѣ будто бы Императрица «находила странное утѣшеніе въ страданіяхъ и мукахъ другихъ людей; гдѣ «развеселившаяся молодежь переходила границы приличія... задерживали въ своихъ рукахъ пухлыя руки Княженъ, касаясь ихъ колѣнъ... трогали башмаки»; гдѣ, по словамъ раненаго Верцинскаго, «смотрятъ и оперируютъ молодыхъ, красивыхъ, которые бьютъ на чувственность, раздражаютъ нервы», а «въ отношеніи такого, у котораго вчера отняли ногу по бедро, а сегодня онъ умеръ, сами не оперировали, даже не глядѣли»... и, какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ раненаго, «Татьяна Николаевна прошла мимо, даже не посмотрѣвши на Верцинскаго, точно догадывалась Она о той злобѣ и непримиримой ненависти, которая была къ Ней въ этомъ человѣкѣ».

А эти разговоры, яко бы возможные между офицерами лазарета, о перепорченныхъ Распутинымъ Великихъ Княжнахъ?.. О роли Распутина при Императрицѣ, современной Мессалинѣ?.. Съ гадливымъ чувствомъ читаешь эти страницы. Не образы негодяевъ, подобныхъ Верцинскому, рисуешь себѣ, а безстыдство автора **не-го-дяя** Генерала, силящагося сорвать послѣдніе, еще сохранившіеся отъ всеобщихъ усилій, лоскутки одеждъ Невинныхъ Страдалицъ, чтобы провести ихъ нагими передъ жадно устремленными на нихъ глазами толпы, ищущей возбуждающихъ видовъ, зрѣлищъ и разоблаченій. И Его Высокопревосходительство Генералъ-отъ-Кавалеріи Красновъ не поскупился: на международный *) рынокъ для жаждущихъ подобныхъ острыхъ лакомствъ онъ вынесъ на продажу то, что въ сердцахъ многихъ хранится, какъ случайные священные дары отъ той ужасной жизни, которая, ограбивъ ихъ, растоптавъ всѣ драгоцѣнности души, не могла лишь отнять послѣднихъ святынь — воспоминаній... Воспоминаній о Тѣхъ, Кто неземными былъ въ дни нашего безумія и Кто ушелъ съ земли, пройдя черезъ неизмѣримыя страданія, которыхъ, видимо, наше поколѣніе не пойметъ и не оцѣнитъ.

---

*) Романъ П. Н. Краснова переведенъ на всѣ языки Европейскихъ государствъ.

Я вынужденъ также привести грустныя страницы изъ мемуаровъ другого Генерала, уваженіе къ коему, какъ Генералу-вождю, не позволяетъ мнѣ упомянуть его имя, какъ автора этихъ страничекъ.

«Но наиболѣе потрясающее впечатлѣніе произвело роковое слово — измѣна. Оно относилось къ Императрицѣ. Въ Арміи громко, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни временемъ, шли разговоры о настойчивомъ требованіи Императрицей сепаратнаго мира, о предательствѣ Ея въ отношеніи фельдмаршала Китченера, о поѣздкѣ котораго Она, якобы, сообщила нѣмцамъ и т. д.

Генералъ Алексѣевъ, которому я задалъ этотъ мучительный вопросъ *) весной 1917 года, отвѣтилъ какъ-то неопредѣленно и нехотя:

— При разборѣ бумагъ Императрицы нашли у Нея карту съ подробнымъ обозначеніемъ войскъ нашего фронта, которая изготовлялась только въ двухъ экземплярахъ — для меня и для Государя. Это произвело на меня удручающее впечатлѣніе. Мало ли кто могъ воспользоваться ею...

Больше ни слова... Перемѣнилъ разговоръ»...

И, приведя эти строки, хочется мнѣ сказать:

Да, потрясающее впечатлѣніе должно было произвести на Армію роковое слово «измѣна». Но когда черезъ много лѣтъ мнѣ попались эти строки и я узналъ не только о возможности, но даже о фактѣ подобнаго разговора между 2-мя Генералами-вождями Русской Арміи, я былъ и потрясенъ и удрученъ глубиной той бездны, надъ которой Россія стояла много ранѣе Февраля 1917 года.

Да, въ Арміи громко шли разговоры объ измѣнѣ, предательствѣ Императрицы. Но разговоры эти дошли въ Армію, пройдя черезъ штабы и даже черезъ Царскую Ставку, гдѣ на стражѣ чести Арміи, защиты Трона были Генералъ Алексѣевъ и его «славные» сподвижники: Рузскій, Брусиловъ и многіе другіе, имъ подобные печальные «герои» минувшей эпохи. Но самое ужасное и потрясающее — въ томъ отвѣтѣ, который далъ Генералъ Алексѣевъ, отвѣтъ, который, вѣроятно, не могъ разсѣять глубоко проникшее въ вопрошающаго Генерала подозрѣніе объ измѣнѣ Императрицы. Была-ли Русская Императрица измѣнница, «теперь» знаютъ всѣ, но разговоръ двухъ Генераловъ, вождей Русской Арміи, долженъ стать историческимъ, особенно, если сравнить его съ разговоромъ солдатъ, который авторъ-Генералъ лично слышалъ и вписалъ на свои страницы той же книги. Привожу его полностью:

«Помню, какъ на одномъ перегонѣ завязался споръ между желѣзнодорожникомъ и какимъ-то молодымъ солдатомъ изъ-за мѣста, перешедшій вскорѣ на общую тему о бастующихъ дорогахъ и о бѣгущихъ съ поля боя солдатахъ. Солдатъ оправдывался:

— Я, товарищъ, самъ подъ Бржезанами въ Іюлѣ былъ, знаю. Раз-

---

*) *Какой?*

вѣ мы побѣжали бы? Когда насъ офицеры продали — въ тылу у насъ мосты портили! Это, братъ, всѣ знаютъ. Двоихъ въ сосѣднемъ полку поймали — прикончили.

Меня (т. е. автора) передернуло. Любоконскій вспыхнулъ:

— Послушайте, какую вы чушь несете! Зачѣмъ же офицеры стали бы портить мосты?

— Да ужъ мы не знаемъ, вамъ виднѣе...

Отзывается съ верхней полки старообразый солдатъ «черноземнаго» типа:

— У васъ, шкурниковъ, всегда одинъ отвѣтъ: какъ дастъ стрекача, такъ завсегда офицеры виноваты».

Съ тяжелымъ чувствомъ и стыдомъ хотѣлъ бы задать автору этихъ воспоминаній вопросъ:

«Ваше Превосходительство, когда Вы вели съ Генераломъ Алексѣевымъ разговоръ объ измѣнѣ Императрицы, не спросили ли Вы Ген. Алексѣева о томъ, зачѣмъ же Ея Величество стала бы продавать Армію, Россію, Царя и Своихъ Дѣтей? И какой Ген. Алексѣевъ далъ на это отвѣтъ?»

Какъ жаль, что при разговорѣ этихъ двухъ Генераловъ не было лица черноземнаго типа, которое голосомъ Русскаго народа такъ же трезво объяснило бы господамъ Генераламъ страшный смыслъ слова «измѣна», проникшаго въ Армію.

Переживая памятью минувшее, долженъ сказать, что роковое слово «измѣна» не только проникло въ Русскую Императорскую Армію, но оно фактически вступило въ командованіе Арміями задолго до революціи Но объ этомъ подробно выскажусь я въ другой разъ.

Генералъ этотъ недавно удѣлилъ много вниманія письмамъ, полученнымъ имъ изъ «стана большевиковъ». Надѣюсь, онъ удѣлитъ вниманіе и этимъ строкамъ строевого офицера, прошедшаго въ 14-мъ году черезъ Львовъ, Рава Русская, р. Санъ къ Кракову; въ 15-м- году раздѣлившаго съ Арміей бѣдственный отходъ, а въ 16-мъ году въ рядахъ его Желѣзной Дивизіи бравшаго Луцкъ и не въ первый и не послѣдній разъ своей кровью заплатившаго за побѣду; глубоко чтилъ онъ Генерала-вождя, но безсиленъ онъ чтить Генерала-писателя.

Непонятнымъ является также, какъ могъ тотъ же Генералъ, лично никогда близко не знавшій Государя, внести въ свою книгу сужденіе о характерѣ своего покойнаго Верховнаго Вождя, который, по его словамъ, **«никого не любилъ, развѣ только Сына. Въ этомъ была трагедія Его жизни, человѣка и Правителя».**

Какъ мало правды въ этомъ сужденіи и какъ далекъ Генералъ отъ истины **для объясненія намъ не только трагедіи Государя, но и Россіи!**

Свидѣтельство этого Генерала — **о полномъ безучастіи Государя** къ вопросамъ стратегіи — я не могъ принять на вѣру, и лично обратился за разъясненіемъ къ Генералъ-Квартирмейстеру Царской Ставки Генералу Лукомскому (въ бытность его въ Нью Іоркѣ).

Онъ мнѣ сказалъ: Свидѣтельство Писателя-генерала не вѣрно, не справедливо и ему, Генералу Лукомскому, абсолютно не понятно. Наоборотъ. Государь во все время пребыванія въ Ставкѣ съ исключительнымъ вниманіемъ, интересомъ и любовью вникалъ и изучалъ всѣ намечавшіяся и выполнявшіяся военныя операціи. И этому дѣлу Государь ежедневно удѣлялъ многіе часы своей работы.

Спрашивается: во имя же чего Писатель-генералъ безъ всякаго права и безъ всякаго авторитета неправдиво приписалъ своему покойному Верховному Вождю полное безучастіе къ дѣлу, стоившему Россіи такъ много человѣческихъ жизней, давая этимъ право дѣлать выводъ или о невѣжествѣ Верховнаго Вождя, или о преступномъ безразличіи къ жертвѣ народной... Какъ больно и стыдно за, **именно, полное безучастіе Царскаго Генерала найти и подѣлиться съ нами правдой о нашемъ Верховномъ Вождѣ.**

Если Генералъ честно заблуждался, то пусть онъ честно сознается въ этомъ. **Въ противномъ случаѣ онъ долженъ дать болѣе авторитетные доказательные факты,** порочащіе Государя, какъ Верховнаго Вождя Арміи, какъ Правителя и какъ человѣка. Отъ лица Русскихъ офицеровъ я прошу его отвѣтить по этому вопросу.

Еще болѣе жестокимъ осужденіемъ звучатъ строки Генерала о томъ, что Государь **«мученіями и смертью Своей и Своей Семьи заплатилъ за всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія ПРОТИВЪ Русскаго народа»...**

Съ подавленнымъ молчаніемъ пройду слова того же Генерала, свидѣтельствующаго о томъ, что **«въ Царскомъ Селѣ ткалась липкая паутина грязи, распутства и преступленій»,** которой были покрыты **«интимные Царскіе покои»...**

Не моему слабому перу доказывать и опровергать вымыслы и заблужденія нашихъ лѣтописцевъ Генераловъ. Мое лишь право — открыть страницы, самой жизнью вписанныя и судьбой мнѣ хранить порученныя... Но не коснусь въ этой книгѣ я личныхъ своихъ воспоминаній о Царской Семьѣ и о Государѣ. Лишь въ дальнѣйшемъ приведу я эти воспоминанія и не какъ восторженный гимнъ осчастливленнаго лаской Царской Семьи впечатлительнаго человѣка. А я ихъ вплету въ разсказъ мой о многомъ, чему свидѣтелемъ я былъ. И пусть на фонѣ мрачной и трагической дѣйствительности Русской жизни вырисуются образы Тѣхъ, на Кого такъ единодушно и справа и слѣва возводятъ лишь **вину, преступленія и грѣхи противъ** Русскаго народа.

Отрадно только то, что въ этихъ обвиненіяхъ подлиннаго голоса Русскаго народа мы не слышимъ, **да его и нѣтъ,** такъ какъ именно въ Русскомъ народѣ, въ толщѣ его память о Государѣ свято чтится, а мученическая смерть Царя и Его Семьи почитается ниспосланной Господомъ въ наказаніе **за грѣхи Русскаго народа.**

А кто изъ Русскаго народа **наиболѣе согрѣшилъ передъ Богомъ**, это можетъ лишь подсказать каждому изъ насъ наша совѣсть.

Воспроизведя на страницахъ «Позорной Памятки» «сказанія» нашихъ современныхъ «историковъ», хочется преклониться передъ образомъ духовнаго величія и благородства историка былой Россіи — Пимена, и привести здѣсь его сказаніе.

Прочтите вслухъ и... сравните.

Еще одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя...
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный безымянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
**Своихъ Царей великихъ поминаютъ
За Ихъ труды, за славу, за добро, —
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ...**

По прочтеніи страницъ «Позорной Памятки», я покорнѣйше прошу, постыдныя страницы Генерала Краснова изъять изъ этой книги. Лишь матеріальныя условія выпуска книги заставили меня внести ихъ въ книгу — со священными страницами Русской Исторіи.

